

Дмитрий Федоров

Тимбервольф

16+

Дмитрий Владиславович Федоров Тимбервольф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43623949

SelfPub; 2020

Аннотация

Война закончена. Армии расформированы, вооружение уничтожено. Бывший снайпер Танели Ранта перебирается в таежный поселок, где становится егерем национального парка. Размеренную жизнь поселка нарушает хищник, открывший охоту на обитателей тайги. Егерь бросает вызов угрозе, но сталкивается не просто с неожиданно сильным противником, но и с противодействием, чинимым различными структурами. Танели, несмотря на все препятствия, уничтожает волка. Но остановив его, обнаруживает в лесу находку, которая может стать проблемой для всех, кто так жаждал заполучить в свое распоряжение идеального убийцу.

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Знак зверя	23
Часть вторая. Волчье логово	85
Часть третья. Парад планет	111

«Все, что может быть использовано как оружие, будет использовано как оружие».

(Станислав Лем)

Волк тяжело, прерывисто дышал. По телу прокатывалась крупная нервная дрожь, а уставшие мышцы со стоном просили отдыха. Легкие насыщали кислородом изможденный длительной погоней организм, заставляя учащенно биться сердце. Снег припорошил серую шерсть волка, пряча измученного зверя посреди бескрайней унылости белого поля, пересеченного грязными, незамерзающими оврагами. Но блеск глаз загнанного зверя, на мгновенье отразивших редкий луч света, прокравшийся сквозь пасмурное небо, не ускользнул от взгляда охотника. Взгляда, направленного вдоль потертого ствола старого дедовского карабина. Его глаз, с заледеневшими ресницами, едва просматривающихся за маской, скрывающей лицо стрелка. Мягкая шерсть надежно укрывала кожу от ледящего бокового ветра и прятала пар изо рта, способного выдать его лежку. Казалось, даже время притихло, напоминая о себе лишь завыванием ветра, стонущим скрипом деревьев, да тяжелым, пульсирующим стуком в висках. Соперники замерли, нетерпеливо выжидая, кто же из них первым дернется со своего места. И как только волк, не выдержав напряженного ожидания, чуть показал из-за укрытия нос, охотник приник к прикладу карабина, готовый нажать на курок. Плавным, отработанным до автоматизма движением, кожей чувствуя каждый сантиметр

своего тела, он мягко оттянул боёк, и, замерев на несколько секунд, словно что-то вспомнив, отвел взгляд от прицела. Оставив лежать волка одного, в снегу, с обреченным ожиданием скорого конца, он сполз в окопчик и медленно перевернулся на спину. Стянув маску, охотник, чертыхнувшись, выдохнул густой пар разгоряченного тела. Шепнув едва слышно несколько слов из старой карельской сказки, рассказанной когда-то его бабкой; слов, которые он произносил редко, шептал, как молитву, охотник одним движением отвел от себя винтовку и выстрелил в воздух. Волк словно ждал этого звука, пружиной разжавшись из своего укрытия. Длинными прыжками он покидал поле, стремясь к широкой лесной опушке – к спасительной полосе непроглядной стены сосен. А солнце, наконец, пробилось сквозь плотную пелену низких пепельных туч, заиграв радужными цветами на крупных каплях пота, перекатывающихся по оттаявшим ресницам охотника.

Пролог

«...это была Последняя война, война без ясных целей и планов. Война на истребление, война на выживание. Она словно средневековая старуха в черной хламиде, с косою из стали, не знающей усталости, собирала свой мрачный урожай. Кладбища окружили когда-то цветущие города, теперь нося их названия. Бедствия, пришедшие с этой войной, бесконечно умножали человеческое горе, стирая в памяти имена умерших, опустошая души выживших. И лишь тогда смерть утолила свой волчий аппетит, когда последний из миллионов уставших солдат с проклятьем отшвырнул в сторону оружие. И орудия смолкли навеки, уступив место давно забытой тишине. С тех самых пор слова война, оружие и убийство стали бранными и смысл их с каждым последующим поколением размывался, растворяясь в обыденном течении мирных дней. В мире, отказавшемся после разрушительной, опустошающей войны от оружия, любое упоминание о нем являлось противоестественным и предосудительным, а проявления насилия наказуемы, вплоть до полной изоляции от общества. Казалось, стремясь забыть о войнах и убийствах, люди навсегда надеялись избавиться от жестокости и насилия. Так и произошло, в мир людей вернулись спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Но запертые в глубинах души человека вечная неудовлетворённость и

страсть к насилию не переставали искать путь на свободу...»

Командир мрачно отвел от глаз бинокль, сощурившись от боли в глазах. Пора заканчивать эту бойню. Это понимали все. От рядовых бойцов и окопных офицеров до генералов. Город лежал в руинах от многомесячных бомбежек. Бои велись остатками подразделений зачастую без огнестрельного оружия – одними ножами. Один автомат приходился на троих, а то и четверых солдат. Но с кем договариваться? С такими же, как и он, озлобленными командирами? Выхода из этого тупика он не видел. Еще неделя боев, и в его батальонах останется по двадцать – тридцать человек. Бранд осмотрел обугленных, невымытых, обреченных солдат, уже забывших слово вера, и прикусил губу. Он уже давно смирился с тем, что навсегда останется в этих руинах. Неба уже не было. Лишь днём отблески солнца, пытающегося пробиться сквозь непроницаемую занавесу из дыма, озаряли небо алыми цветами. Все остальное время выжившие сидели у бочек с огнем, согреваемые их теплом, ловя жалкие отблески света. Был момент, за который ему потом было непереносимо стыдно. Момент, когда он собирался стволом пистолета разжать себе зубы. Стыдно было не только перед подчиненными, но и перед гражданскими, которые прибивались к ним в поисках еды и защиты.

Последнюю атаку они отбили, потеряв половину в перестрелке, рукопашном бое, от ранений. Бог знает, сколько еще

гражданских попали им под ноги и под шальные пули. Их никогда и никто не считал. Калькуляция велась только по личному составу. Бранд прикинул в уме, что еще одна такая вылазка, и он останется наедине со своим браунингом.

– Вы не удержите этот квартал силами одной бригады, – Бранд обернулся, одернул куртку с погонами майора и отдал воинское приветствие. По коридору, обходя раненых и спящих бойцов, в сопровождении охраны из числа спецназа, двигалась женщина в погонах полковника.

– Госпожа полковник, – скорее вопросительно, чем почти-тельно произнес Бранд, удивленный прибытием начальника штаба армии.

– Сколько сейчас в ротях людей? – коротко, вместо приветствия бросила она и бесцеремонно прошла мимо него в караульную комнату, – за мной, майор, и прикройте дверь. – Она повернулась к нему, убрав руки за спину, внимательно осмотрела Бранда и резко продолжила, – давайте без званий, Бранд, это сейчас ни к чему, просто Александра.

Бранд коротко кивнул, и, свистнув, позвал караульного:

– Принеси нам кофе, и никого не впускай.

Александра, в свою очередь, кивком головы отпустила свою охрану.

– В ротях осталось по десять, в лучшем случае пятнадцать бойцов, – мрачно отрапортовал он. – Какими судьбами, госпожа? – он осекся, и, прокашлявшись в кулак, продолжил, – Александра.

Та ответила улыбкой, обезображенной страшным шрамом на левой щеке, улыбкой, скорее похожей на звериный оскал.

– У нас одна судьба Бранд. С некоторых пор, – добавила, чуть задумавшись, она. – Удержать этот город или умереть. Какими бы силами вы не располагали.

– Почему моя бригада? – хрипло спросил он.

Александра промолчала, пристально оглядывая Бранда, словно изучая его.

– Подойдем к карте, – ответила она.

Бранд почесал щеку и, поднявшись, подошел к столу с разложенной картой. Смахнув с нее крошки от вечернего перекуса, он жестом пригласил Александру подойти.

– Что ж, – сказала она, склонившись над столом, – неплохая карта. Только вот информация по рубежам обороны у вас устаревшая.

– Я знаю, – почти обреченно ответил Бранд, – я уже неделю не заглядывал в нее. Окопы друг от друга на расстоянии пистолетного выстрела. Движения никакого. А смысл? – почти выкрикнул он. – Взводами командуют ефрейторы, а ротами сержанты. Офицеры – на вес золота. Эта крысиная война не для моих бойцов. У меня штурмовая бригада. Меньше всего эти парни умеют окапываться и возводить баррикады. Да еще эти снайперы. Я вчера отправил восемнадцать похоронок, из них на семь офицеров. Еще неделя таких боев, и от бригады останется батальон.

– Потому я здесь, Бранд. Для взаимодействия со штабом

фронта и пополнения резервами нужна устойчивая связь. – Бранд хмыкнул и неопределенно махнул головой. Доступный им радиус в УКВ-диапазоне составлял не более пяти километров. Этого хватало лишь для координации сил бригады. Спутниковые телефоны, по одной только богу известной причине, отказывались ловить сигнал. По сути, они были заперты в городе, остатки армии, некогда легендарной 8-й армии – триумфатора Североафриканского конфликта. От армии остались одни ошметки. А город держался только усилиями его бригады, ударным кулаком которой было пресловутое подразделение «Timberwolves».

– «Лесные волки», едва ли не единственное боеспособное подразделение, которое находится в вашем распоряжении. Бранд. Нужно собрать из их числа штурмовую группу.

– Задача? – коротко спросил он.

– Телекоммуникационная башня, – ответила она, и подняла на него глаза.

«А она оказывается красивая», – вдруг подумал он.

Карие, широко посаженные глаза, пухлые губы, с впадинками по краям рта, высокие скулы, широкий, отнюдь не портивший впечатления нос, по-видимому, доставшийся ей от предков с Востока. И даже шрам не выглядел уж так ужасно, подчеркивая ее необычную притягательность.

Он не выдержал ее прямого, немигающего взгляда, и отвел глаза. В дверь, как нельзя кстати, вошел караульный с кофе. Поставив стаканы на стол, он покинул караулку, иско-

са поглядывая на женщину в погонах старшего офицера.

– Два кордона, – произнес он, – нам предстоит преодолеть два хорошо организованных рубежа обороны. И минное поле. Самоубийственное задание.

– Да, задача как раз для «Timberwolves», – согласилась она, таинственно улыбнувшись. – Разомнетесь, – уже без доли улыбки добавила она. – Совсем, наверное, в окопах-то зашивели. А, майор? – ехидно спросила она. – Бранд посчитал, что лучше промолчать и в ответ только лишь хмыкнул.

– Отряд выдвинется ночью, – продолжила она, сосредоточившись на карте, – погода и новолуние будет вам благоприятствовать. – В ее голосе чувствовалась чудовищная усталость и еще, наверное, заторможенность, вызванная хроническим недосыпом. – Нужно будет разделить на несколько групп по два-три человека. Скрытность и бесшумность – главные ваши козыри. Без надобности в бой не вступать. Помните, главная цель добраться до башни и включить передатчик. Есть техники с подходящей квалификацией?

Бранд механически кивнул, уже прикидывая в уме, кого лучше послать.

– Хорошо. У вас, – Александра посмотрела на часы, – двенадцать часов. Кто пойдет?

«До ближайшей телекоммуникационной вышки нужно проползти под пулями полмили», – размышлял Бранд, поглядывая на покусывающую губы Александру, – Безумная идея. Но других у него не было. Он прикинул, сколько у

него осталось здоровых бойцов. Тех, кто еще был в сознании. Не уснул, не лежал раненый, не упал без сил, не стонал и с обезумевшими глазами не скрежетал зубами по ржавым бочкам в бессильной злобе. Ему нужно было шесть бойцов. Кто? Выбор был не велик. Скотт, Артур – отличные штурмовики, равных которым в ближнем бою никого не было. Иван Радуга – единственный инженер-электронщик, его кандидатура не вызвала вопросов. Кто еще? Пожалуй, Желудь, несмотря на свой отвратительный характер и полное отсутствие субординации, самый опытный среди отряда. И, наверное, Танели. Снайпер от бога».

– Как вы сказали? – Александра вздрогнула и вздернула головой, – Танели? Ранта?

– Вы знакомы? – удивленно спросил Бранд, и в ответ на хмурое молчание Александры улыбнулся, – надо же, наш Танели полон сюрпризов.

– Будьте любезны, господин майор, – по слогам произнесла она, не глядя на него, – вызовите этого бойца, мне нужно поговорить с ним, – она подняла на Бранда глаза, – наедине.

– Конечно, – Бранд проглотил комок в горле, опешивший от ее реакции, – он сейчас в отдыхающей смене. Подождите несколько минут, я схожу за ним.

– Спасибо, Бранд, – натянуто улыбнулась Александра. – Думаю, разговор не займет много времени, – добавила. – А пока... Пока можете идти.

Александра в ожидании отмеряла шагами комнату кара-

улки, нервно теребя пуговицы на куртке. Она так долго ждала этой встречи, что теперь, когда она случилась, Александра просто испугалась. Страшась прислушаться к своим эмоциям, она не решалась посмотреть в сторону двери, тем не менее, прислушиваясь к каждому звуку, раздающемуся за стеной.

– Мэм, – Александра почувствовала, как от его голоса по спине побежали мурашки, а сердце сжалось, и обернулась, встретившись с его взглядом. Танели побледнел, узнав ее, и смог лишь выдавить из себя только одно, – Александра?

Она подошла к Танели, прикоснувшись ладонью к его лицу, как слепые ощупывают лица, в поисках знакомых черт. Он вздрогнул от холода руки, но глаз не отвел, замерев от ее прикосновения.

– Танели, – всхлипнула она и повисла на его шее. – Я думала, что потеряла тебя, – сказала она, подняв на него заплаканные глаза. Ты, ты, – запнулась она, не в силах больше выдавить из себя ни слова, и разревелась, крепко к нему прижавшись.

Майор стоял у запертой двери караулки, поглядывая на хронометр. Странное знакомство начальника штаба армии и рядового снайпера настораживало и беспокоило его. В другое время эта ситуация скорее позабавила бы его, но не сейчас. То, что у Александры и Танели что-то было, он сообразил сразу. Но сейчас эта их встреча скорее навредит, чем поможет предстоящей операции.

Неожиданно дверь распахнулась и мимо него, даже не удосужившись на пару слов, пробежала раскрасневшаяся Александра, едва сдерживая слезы. Хмыкнув, Бранд зашел в комнату и с иронией посмотрел на угрюмого Танели.

– Я вот что подумал, – произнес Бранд, – а не дурак ли ты? Или это просто молодость?

– Разрешите идти, – спросил вытянувшийся по стойке смирно Танели.

– Иди уж, – вздохнул Бранд. – И Танели, – тот обернулся на окрик Бранда, замерев на полушаге, – приведи себя в порядок. Сегодня нам предстоит дело. Отдыхай пока. Сбор через пять часов.

Пойдут они. Те, кого он выбрал. Он даже не допускал мысли, что кто-то откажется. И все будет зависеть от них. Их дальнейшее выживание. Их дальнейшее существование, которое уже давно мало кого интересовало. Но жизнь как гидра крепко-накрепко цеплялась за любую возможность увидеть еще один сумеречный рассвет, который, впрочем, ничего кроме горя и страданий не принесет. Но инстинкт самосохранения перевешивал все логические доводы.

Бранд собрал Скотта, Ивана, Желудя, Артура, Танели вокруг стола с интерактивной картой, подсвеченной контрольными точками. Все мрачно молчали, понимая, что обратного пути не будет. Желудь хмуро играл желваками, исподлобья рассматривая собравшихся бойцов.

– Вот так братцы. Таков приказ штаба армии, – Бранд

встретился взглядом с Танели, – и он не обсуждается. Может, не пойдешь, Желудь? – спросил Бранд, взглянув на огромного патлатого норвежца, отрешенно чесавшего свою шею.

– Не дожدهшься, – беспардонно ответил тот, – куда вы без меня.

Бранд осмотрел собравшихся молодых парней, с напряжением ожидавших его распоряжений.

– Хорошо, в общем, картина вам ясна. Впереди два кордона. Как будто и немного, но попотеть придется. Оружия берем минимум, мы должны будем передвигаться быстро.

– Мы? – вскинул голову Танели, – командир, ты с нами?

– Да, и, разумеется, это не обсуждается.

– Хоть повеселимся, – совсем невесело произнес Желудь, внимательно осматривающий затвор пистолета, – а то скоро протухнем в этих окопах.

– Веселье я вам гарантирую, – добавил Бранд. – Разделимся на три группы. Врать не стану, будет тяжело, но нам нужно создать видимость наступления. Одна группа прикрывает, две прорываются. Скотт и Артур в прикрытии. Иван с Танели, я с Желудем. Всем все ясно? Хорошо, выдвигаемся под утро. Сейчас проверяем оружие, обмундирование, затем еда и сон. Подъем в два ночи.

Ночь выдалась темная. Луна, предательский фонарь, теперь уже не скоро появится, а небо, туман пепельного цвета, давно отучил людей от ясного света ночных звезд, которые

они видели лишь во сне.

В начале третьего Бранд тихо разбудил сонных бойцов, дав им время на opravку. В 2.30 группа уже стояла перед ним в мрачном ожидании.

– Итак, – подытожил он, – в каждой группе назначен старший. Первая – Скотт, вторая – Иван, третья – я. Выдвигаемся с интервалом в три минуты. Скотт завязывает короткую перестрелку у первого кордона, остальные незаметно просачиваются, минуя первую линию, выходя в соприкосновение со вторым кордоном. Там мы остаемся с Желудем. Ивану и Танели, таким образом, до башни останется всего сто шагов. Дальше вы, парни, будете предоставлены сами себе. Твоя задача, Радуга: запустить основной контур башни и саму станцию. Аппаратура старая и давно не эксплуатировалась. Собственно, потому вы и попадали в третью группу. Ты как наш единственный электронщик, Танели как лучший стрелок. Он тебя прикрывает и зачищает станцию. Иван, позывные и частоты ты знаешь. Главное, наладь мне связь.

Иван вначале неопределенно кивнул, но затем четко ответил, что связь будет.

– Хорошо, – Бранд хлопнул в ладоши, – экипируемся.

Бойцы мрачно облачались в накидки защитного цвета. Вымазывали лица, скалясь и тыкая пальцами друг на друга.

«Как дети. А сколько-то им лет. Самому старшему Желудю еще и тридцати нет. Остальным и того меньше», – неожиданно подумал Бранд и от этой мысли ему вдруг стало невы-

носимо тошно.

– Так, рюкзаки накиннули, попрыгали, проверили разгрузку. Берем только по две гранаты, пистолет, винтовку и два магазина. Желудь, это тебя особенно касается.

Желудь, что-то пробурчав про себя, откинул в сторону две лишних гранаты, пистолет и длинный нож.

– И куда в тебя все это влезает, – подивился Бранд и погрозил тому кулаком. Нож можешь оставить, – добавил он просиявшему Жёлудю. – Всё, группа, выступаем. Первый Скотт – пошел.

Случилось то, чего так боялся сказать вслух Бранд – Скотт и Артур так и остались лежать там, у первого кордона, глядя открытыми безжизненными глазами в черное небо, подсвечиваемое сигнальными ракетами. Но две группы прошли, проползли, перемешивая грязь с вдруг навалившимся дождем. Со вторым кордоном нужно было повозиться. Пришлось занять огневую точку и держаться, пока третья группа не доберется до башни. Мало того, пока Бранд не убедится, что питание в башню подано, они должны будут держаться любой ценой. Первым патроны закончились у Бранда. Гранат уже не было, оставалось три патрона в браунинге. Желудь был более хладнокровен, отстреливая только тех, кто приближался на расстояние пистолетного выстрела. Бранд оглянулся и вздохнул с облегчением – ребята уже были внутри. Нужно было еще немного потянуть время, и он решился.

– Эй, на той стороне, мы сдаемся, – Желудь, почти с нена-

вистью, посмотрел на командира, но через мгновение гнев сменило понимание – понимание неизбежного. – Не стреляйте, нас только двое, – выкрикнул Бранд, помахав рукой.

«Только бы успели», – подумал он и швырнул пистолет в сторону врага.

– Выходите по одному, – гаркнули с той стороны, погрозив автоматами, – руки за голову.

Бранд на одной коленке выпрыгнул из бруствера и сверху кивнул Желудю. Тот, выматеревшись, скинул с себя разгрузку и вылез из окопа.

– А тебе что, особое приглашение нужно? – скомандовал офицер противника, тыкнув в Желудя пистолетом, – руки в гору.

– Ладно-ладно, – сплюнул Желудь, но руки убрал.

«Только бы успели, только бы успели», – как заповедь произносил про себя Бранд и когда в очередной раз он обернулся в сторону башни, то почувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди от радости. Башня, до того момента мертвая, вдруг вспыхнула всеми цветами радуги.

– Да что это такое? – выкрикнул командир противника и передернул затвор.

– Командир, – выдохнул Желудь, успев прикрыть Бранда, и принять на себя пулю офицерского пистолета.

– Желудь, – прошептал Бранд, спускаясь на колени вместе с умирающим товарищем. – Желудь, – только и смог произнести он, почувствовав, как предательски к горлу подкаты-

вает комок.

«Успели», – лишь одна мысль не отпускала его, кощунственно заслоняя смерть друга.

– Силовую установку давно не запускали, – задумчиво произнес Иван.

Танели с пистолетом в руке придирчиво обошел все помещения агрегатной.

– Чисто, Иван, – выкрикнул он, – у нас получится?

– Да, наверное, – Иван, задумчиво почесал подбородок. – Танели, я запущу установку, а ты найди станцию, она должна быть несколькими этажами выше. Ищи помещение со знаком, – Иван пальцами нарисовал в воздухе замысловатый значок, – похожим на антенну со стрелками.

В ответ Танели кивнул и кинулся на лестничную клетку.

«Ну, что, смахнем с тебя паутину», – улыбнулся Иван и щелкнул первый автомат.

– Есть, Иван, – перегнувшись через перила, выкрикнул запыхавшийся Танели, – нашел.

– Сейчас, – ответил Иван, и, выдохнув, перевел основной рычаг в верхнее положение. Помещение осветилось неоновым светом, закрутились бобины записывающих устройств, а на лестничных клетках вспыхнули лампы дежурного освещения, – идем, у нас мало времени. Станция допотопная, – скривился Иван, – не уверен, что она работоспособна.

– Не проверим – не пойдем, – произнес Танели.

– Давай попробуем, – вздохнул Иван и открыл приборную панель. – Внешних повреждений нет. Сейчас подам питание и попробую настроить частоту.

Как ни странно, станция ожила сразу. В динамиках раздался шум, кратковременно прерываемый короткими, едва различимыми выкриками в эфире.

– Частоту помнишь? – спросил Танели.

– Подожди, – Иван поднял руку вверх, – подожди. – Он постепенно стал поворачивать ручку настройки, не меняя КВ диапазон, – мне кажется, это уже не важно. Вот, – он слегка повернул ручку настройки и прибавил звук.

«Всем, всем, всем. Всем враждующим сторонам, дезертирам, бандам и отдельным преступным элементам. С вами говорит представитель временного правительства. Приказ правительства и совета повстанцев, заключивших перемирие: на всем театре военных действий установлен режим прекращения огня и всеобщая амнистия. Для координации действий противоборствующих сторон к вам будут направлены эмиссары с особыми полномочиями. За поддержанием порядка и соблюдением условий перемирия будут следить специальные отряды, составленные из бойцов спецподразделений. Любое сопротивление будет воспринято как прямое нарушение приказов объединенного правительства и будет караться смертью. Все не подчинившиеся будут задержаны и переданы в распоряжение персонала специально созданных лагерей. Повторяю...».

– Танели, – тихо произнес Иван, – переведи на громкую связь, вон тот переключатель.

– Сейчас, – Танели как в тумане нажал кнопку, одновременно вытаскивая из-за пазухи пистолет.

«...поддержанием порядка и соблюдением...»

«Неужели все, – подумал Танели, – неужели конец, – как во сне он покрутил на ладони пистолет и с остервенением швырнул его в угол комнаты. Иван сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и закрыв лицо руками, мелко вздрагивал, давясь слезами. Танели пытаюсь успокоить, взлохматил на голове Ивана волосы. Тот лишь отмахнулся и глубоко вздохнув, вытер лицо, задрал голову к потолку».

– Это все, Танели, мы справились.

Танели механически кивнул и вышел на смотровую площадку, плюнув на все еще исходящую от засевших в соседних зданиях снайперов угрозу.

«Не одни мы устали от этой резни», – он провел ладонями по лицу и взглянул на небо. Ветер гнал низкие, почти касающиеся антенн башни тучи, смешивая их с дымом жженой резины, догорающей уже облупившейся краски на искореженных машинах и самопальных печек из бочек, разбросанных по всему городу. На площадь, которая с высоты была как на ладони, обрушился косой ливень, необычно сильный для этих мест, заглушая звук громкоговорителей шипением затушенных костров.

«Неужели все», – фраза сидела в мозгу, как назойливая

заноза.

Смогут ли люди без того, чтобы не утолить жажду насилия, впитанным с молоком матери? Сейчас все устали. Все хотят мира и спокойствия. Но пройдет время... Не смогут. Наверное, он тоже не сможет, потому, как просто не помнит другой жизни, кроме каждодневного, ежечасного, ежеминутного выживания. Что дальше? Он прислушался к себе и ничего не почувствовал. Ничего, кроме пустоты и мерзкого, металлического привкуса во рту.

– Танели, – неожиданно ожила рация с голосом Александры, – ты жив? Не молчи, ну скажи хоть что-нибудь. Тане..., – он, покрутив в руках рацию, выключил ее, так и не ответив. А тучи совершенно неожиданно рассосались, и на площадь упали первые лучи восходящего, утреннего солнца. А внизу, прислонившись к командиру, умирал Желудь. Боли уже не было, глаза застилала пелена, лишь пальцы все еще механически скребли по земле, словно цепляясь за тающую жизнь. Желудь. Неунывающий, бесстрашный Желудь. Последний убитый солдат. Последней войны.

Часть первая. Знак зверя

«Страх оружия – есть признак неполного умственного и эмоционального развития».

(Зигмунд Фрейд)

Когда в дверях раздался шум поворачивающегося ключа, в груди у Вики привычно сладко и волнительно заняло. Сколько времени они уже вместе, а радостное чувство ожидания мужа не проходило, лишь становилось взрослее и глубже. Отбросив в сторону книгу и откинув плед, она выпорхнула в коридор. Игнат, на ходу сбросив обувь, подошел к ней и, обняв, поцеловал.

– Игнатик, что это? – испуганно спросила она, посмотрев на его одежду защитного цвета, запачканную кровью. Он лишь махнул рукой, и, сбросив куртку, поднял ее на руки. Она улыбнулась, растрепав его кудрявые волосы, и охнула, когда он понес ее в комнату, целуя на ходу.

– Игнатик, помыться бы тебе надо, – выдохнула она, как кошка, потеревшись носом о его шею, от которой несло потом, кровью и еще какими-то незнакомыми таежными, почти неуловимыми дикими запахами леса.

«Что-то с ним происходит», – думала Вика, сидя на кухне. После бурного, почти звериного акта любви, Игнат заснул как младенец, а она еще некоторое время лежала рядом, подперев голову, поглаживая его шею, с цепочкой от медальона,

который он никогда не снимал. Проведя пальцами по шрамам на плече Игната, Вика вспомнила путешествие в пещеру Седого Джонни, так много изменившее в их жизни. Их детская клятва никогда не расставаться, переросла в клятву, данную ими богу перед лицом священника.

Когда Игнат, засопев, все же свалился из дремоты в глубокий сон, она осторожно выбралась из-под одеяла, и, накинув халат, на цыпочках вышла на кухню. Жутко хотелось выпить чай и покурить. Смятая пачка тоскливо ожидала на шкафу, словно надеясь, что когда-нибудь ее пальцы все же притронутся к ней. Сколько она уже не курила? Может, с того дня, когда узнала о беременности? Нет, точно нет. Смяла пачку она в то утро, когда неожиданный приступ тошноты поднял ее на ноги. Тогда она едва успела добежать до кухонной раковины. С тех самых пор Вика на дух не переносила сигаретный дым. Вздохнув и щелкнув зажигалкой, она глубоко затянулась, прислушиваясь к собственным ощущениям. Тошноты не было, лишь странно закружилась голова, и помутнел взгляд. Вика бессмысленно уставилась на плиту, рассматривая пузырьки в уже закипающем чайнике.

«Что-то с ним происходит, – мысль пугающе крутилась в голове, не отпуская и не давая покоя, – уже неделю сам не свой». Задумавшись, она не заметила Игната, стоявшего в дверях, слегка облокотившегося об дверной косяк. Завидев ее с сигаретой, он, не сказав ни слова, молча развернулся. Вика выругалась про себя, нервно затушив сигарету. Его

идиотская привычка подкрадываться незаметно раздражала и выводила ее из себя. Она так и не научилась принимать его странности, распутившиеся буйным цветом в тайге. Из ванной раздался шум воды. Вика, дождавшись, пока ее отпустит приступ злости, подошла к раковине и прополоскала рот. «Надо разговорить его», – подумала она, и со вздохом сполоснула лицо. Мысленно пообещав себе, что больше к сигаретам не притронется, она вытерла полотенцем руки, и, замявшись, швырнула пачку сигарет в мусорку.

Игнат с детства рос в непростых условиях. Генри, отец Игната, целыми днями пропадал в заповеднике, а когда возвращался, то единственным его отдыхом была выпивка. Матери у Игната не было, а отец воспитанием сына практически не занимался. Поэтому тот большую часть времени проводил в интернате, видясь с отцом лишь на каникулах. О матери Игнат не любил говорить, Генри же на любые ее вопросы о судьбе матери Игнатика лишь зло ругался, проклиная свою юношескую глупость. Единственное, что смогла понять Вика из отрывков скомканных фраз Игната и ругани Генри, это то, что она была индейкой, из местного племени. Когда Игнат родился, она оставила младенца на руках молодого отца, а сама перекочевала с племенем на север Скалистых гор. Вырос бы Игнат, вопреки безразличию отца, отсутствию материнской любви и жестокости интерната, таким настоящим, не всегда понятным, но добрым и умным, если бы не дружба и опека дяди Дэнни, ставшим ему вторым отцом – был

большой вопрос. Она улыбнулась, вспомнив, как много лет назад они с Игнатиком огородами сбегали от разбушевавшегося дяди Денни, запертого ими в его сауне. Воспоминание о голом егере с куском крапивы, бегущим за улепетывающими от него перепуганными детьми, рассмешило ее, погасив остатки злости.

– Это он? – шепотом спросила девочка, рукой отталкивая непослушные колючие стебли крапивы, противно путающиеся в волосах.

– Точно он, – кивнул ей мальчик, сидящий рядом на коленках, отмахиваясь от надоедливой мошки.

– Ой, ну и влетит же нам, – она зажала рукой рот, испуганно взглянув куда-то в сторону, где ее наверняка уже искала мать.

– Не влетит, мы только посмотрим и сразу вернемся. Никто не узнает. Если ты не проболтаешься.

Девочка надула щеки, но проглотила обиду, понимая, кто здесь главный.

– Отец про него такие вещи рассказывал, – он тщетно пытался разглядеть сквозь щель в заборе мелькающий силуэт егеря, – про которые, тебе, мелкая, лучше не знать.

– Расскажи и мне, Игнатик, пожалуйста, – заканючила она, теребя рукав рубашки никак не реагирующего на ее капризы Игната. – Ну, расскажи, расскажи, расскажи, – продолжала она упорствовать, дергая его за руку.

Наконец Игнат, устав от хныканий и приставаний, уступил ее настойчивости. Оторвавшись от забора, он развернулся к девочке лицом, примяв высокую траву. Осмотревшись по сторонам, чтобы убедиться, что никого рядом нет, Игнат наклонился к ней и поманил пальцем. Девочка придвинулась ближе, и замерла, боясь даже пошевелиться.

– Он воевал, Вик, он самый настоящий солдат, только обещаю тебе, что никому не расскажешь, – Вика торопливо закивала, – я подслушал, как о нём шептался отец со своими друзьями.

– И у него правда есть оружие? – еле слышно спросила девочка, широко раскрыв от удивления глаза.

– Шшш, – зашипел на Вику Игнатик, испугавшись ее слов, – тихо Вик, – Игнатик закрыл ладонью ей рот, и инстинктивно покрутил головой, словно боясь, что их подслушивают. – Он ведь егерь. Конечно, – наиграно скучающим тоном сказал мальчик, – конечно есть, у всех егерей есть оружие. У всех полицейских, егерей и охранников. Только они им не пользуются, – добавил он. – А винтовку он прячет где-то в доме. А по ночам, – Игнат перешел на шепот, – достает ее, и выходит на охоту в лес.

Заслушавшись, Вика встрепенулась от раздавшегося за забором стука топора.

– Игнатик, давай уйдем отсюда, – ойкнула перепуганная Вика, готовая вот-вот сорваться в плач.

– Да ты успокойся, Вик, все будет хорошо, – Игнат смеш-

ливо потрепал пшеничного цвета волосы на голове сморщившейся Вики, и приник к щели в заборе. – Главное, на глаза ему не попасться.

Егерь, голый по пояс, по старинке, с уханьем, колол дрова. В стороне топилась печка со стоящей на плите большой кастрюлей и закипающим чайником.

– Ай, – девочка тихо пискнула, схватив Игната за плечо.

Вздрогнув, он повернул в ее сторону голову, и сам чуть было не вскрикнул. Прямо над ними, на столбе забора, сидел большой чёрный кот, уставивший на них огромные зеленые глаза.

– Кис-кис-кис, – Вика проглотила комок в горле, и, улыбнувшись, позвала кота, совсем забыв, для чего они пробрались к забору.

Моргнув пару раз, словно раздумывая, как ему поступить, котяра смачно зевнул и вальяжно спустился с забора. Осмотрев присутствующих, кот по-хозяйски устроился у Вики на коленях, и, вытянув лапы, довольно заурчал. Девочка удивилась этой неслыханной наглости, но рука сама потянулась к лоснящейся, с переливом шерсти кота.

– Вольф, кушать! Сюда, Вольф, где ты, сунс облезлый?!,

Кот резко повернул в сторону окрика голову, и сорвался с рук девочки, ловко перемахнув через забор. Вика от обиды позабыла все слова, и осталась сидеть с раскрытым от негодования ртом, вызванным неподобающим поведением кота.

– Вика, кушать! Викааа!, – издали послышался голос

матери, словно передразнивающий егеря. Девочка жалобно посмотрела на мальчика.

– Игнатик, пойдем со мной, а? Мама вареники сварила, – она состроила трагическую гримасу, чем совсем обезоружила его. – А за ним, – она махнула головой в сторону дома егеря, – потом последим, а?

– Ладно, – он с досадой отвернулся от щели в заборе, – пойдем уж.

Сплюнув в раковину, Вика отправилась в ванную, собираясь всё же поговорить с мужем. Дверь была слегка приоткрыта, и она тихо подкралась, присев на краешке рядом с мужем. Он, казалось, не услышал ее или сделал вид, что не услышал, продолжая намыливать волосы. Вика убрала его руки и принялась тщательно натирать его голову, покачивающейся в такт ее грубоватым движениям.

– Вика, – Игнат протер глаза от мыла и попытался повернуться в ее сторону, что, впрочем, у него не получилось. Несмотря на свою внешнюю хрупкость, Вика обладала чудовищной, совершенно не женской хваткой. – Ты нежнее можешь?

– О том же я тебя просила в спальне, – прыснула она, всполаскивая его голову, теперь уже не так грубо прикасаясь к его волосам. Игнат насупился, но смолчал, покорно ожидая окончания экзекуции.

– И долго еще будешь молчать? Неделю уже как в рот воды

набрал, слова из тебя не вытянешь, – наконец спросила она, заставив Игната скрипнуть зубами. – Сегодня так вообще в крови пришел.

Она присела на корточки, теперь уже напротив, пытаюсь заглянуть в его глаза.

– Игнатик, ну, не рви мне душу, я же переживаю за тебя, волнуюсь.

– Что-то происходит в заповеднике, Вика, – пробубнил он и потянулся за бритвенным станком. – Подай зеркало, – привстав, Вика глазами пробежалась по полкам, – уже пятую мертвую косулю нашли. А сегодня какой-то зверь, похоже, волк, залез в нашу овчарню и задавил две овцы, – Вика замерла, сжав в ладони маленький овал зеркала, – и я не знаю, что делать, Вика. Словно он издевается над нами, не оставляя ни следов, ни крови, ни даже запаха. Призрак, одним словом.

– Поговори с дядей Дэнни, – Игнат насупился, – не капризничай, Игнатик, пора бы уже вам помириться. Что вы как козлы упёртые, никак вас мир не берет.

– Да он сам, – возразил было Игнат, но замолк, когда на голову полилась горячая вода.

– Хочешь, я схожу, поговорю с ним? – спросила она, подавая Игнату полотенце.

– Ладно уж, еще чего не хватало, – пробурчал он, выбравшись из ванной. – Сам схожу, – закончил он, обворачивая полотенце вокруг пояса. – Чай мне сделай.

– Уже, – проворковала Вика, шлепнув его по заду, – и хватит вам ссориться, лучше позови его с собой в тайгу, он будет очень рад.

– Обойдусь без советчиков, – повеселевшим голосом ответил Игнат и поцеловал жену в курносый нос.

«Ну да, – внутренне усмехнулась она, глядя как Игнат пьет, обжигаясь, чай, – ты всегда пытался все решить сам, – подумала она и уперлась подбородком в скрещенные на столе руки. – Как тогда, когда у тебя хватило смелости лишь на дыру в заборе. А постучать в дверь тогда решилась я. Маленькая, любопытная, семилетняя девочка».

От чтения Даниэля оторвал стук в дверь. Отбросив на журнальный столик томик книги, он грузно поднялся с дивана. У дверей уже караулил кот, с насторожившимся видом, поджавший уши. «Кого там черт принес, нельзя позвонить что ли», – пробубнил он себе под нос, открывая дверь. На пороге стояли мальчик и девочка, дети его соседей, пожалуй, единственных людей в поселке, с которыми он успел пообщаться за то недолгое время, которое он здесь находился. Отец этого долговязого мальчишки, с угольными кудрями, был шерифом поселения и заповедника, а мать девчонки помогала ему с ранеными животными. Впрочем, не ветеринария была ее профессией. Из отрывков фраз Мэри он понял, что ее работа связана с биологическими исследованиями, целью которых было продление жизни. Научный ком-

плекс уютно располагался в глубине национального парка, окруженный плотной стеной леса, горной грядой и водопадами. Что конкретно происходило за стенами комплекса, он не знал, но подозревал, что такое количество научных институтов в границах совсем небольшого района требовало немалого финансирования. Видимо, исследования, которые велись там, находились как минимум на переднем крае науки. Если даже не за ее пределами. Он особо не расспрашивал о ее профессии, достаточно было и того, что они просто нравятся друг другу. Он не пытался лезть в ее жизнь, она в его. Их симпатия не торопилась перерасти во что-то более глубокое и близкое. Может поэтому Мэри, как могла, оттягивала знакомство Даниэля с дочерью. Сложилось так, что Вика сама познакомилась с ним.

– Ну, что молчите? – проворчал Даниэль, разглядывая стоявших перед ним детей.

– А вы правда егерь? – пропищала стоявшая рядом с парнем девочка с удивительно живыми, голубыми глазами. Мальчик зарделся, переводя метающийся взгляд с девочки на егеря и обратно. А девочка, пряча руки за спиной, неугомонно крутила плечами, с любопытством, без видимого страха, рассматривая егеря.

Даниэль оторопел от такой беспардонности, и задумчиво почесал лысеющий затылок.

– Ну, для начала нужно поздороваться, разве вас в школе вежливости не учат?

Мальчик, окончательно потеряв точку опоры, опустил глаза, не смея произнести ни слова.

– А я не хожу в школу, мне рано еще, – нагло вато заявила девчонка, но, завидев осторожно выглядывающую из-за порога морду Вольфа, переключилась на него, совершенно обескуражив Даниэля своей детской непосредственностью.

– Ой, киска, – девочка присела на корточки, а кот, услышав ее писклявый голос, предпочел ретироваться в глубины дома.

– Ладно, уж, проходите, – Даниэль шире открыл дверь перед прошмыгнувшими мимо него детьми.

– Расскажите о себе, – спросил он детей, расположившихся за его столом. – Что сидеть молчком. Сначала ты, малявка.

Вика непроизвольно захихикала, хотя ей всегда было обидно, когда к ней так обращались. Для своих семи лет, Вика совершенно не вышла ростом, компенсируя этот недостаток совсем недетской логикой и поражающей окружающих неугомонностью. Однажды она вцепилась в волосы старшей девочки, позволившей так обратиться к ней. Дело закончилось сопливыми слезами обидчицы, недельным домашним арестом и холодным бойкотом детского контингента посёлка. Но в устах егеря эта кличка прозвучала совсем даже не обидно, а скорее забавно. Решив, обдумать эту дилемму позже, она удобно расположилась на стуле, надёжно оперевшись локтями в стол. Тонкие ноги с разодранными коленками болтались под столом, словно тростинки, в безуспешных попыт-

ках дотянуться краями сандалий до пола.

– Меня зовут Вика, я скоро пойду в школу, а он, – Вика кивнула в сторону Игната, – Игнатик, он уже почти взрослый, учится в шестом классе. Дядя Даниэль, – вдруг прошептала она, наклонив голову, едва не касаясь подбородком стола, – а Игнатик по секрету рассказал мне, что у вас есть настоящее оружие, и вы были на войне. Врет, поди?

Даниэль, опешив от такой откровенности, наклонился через стол и подмигнул ей.

– Может и не врёт, но вообще-то, это военная тайна, – он приложил палец к губам, и улыбнулся девочке, раскрывшей от удивления рот, – а почему ты спрашиваешь об этом?

Вика заелозила на стуле, взглянув на Игната, словно ища у того поддержки. Но Игнат упорно молчал, готовый провалиться сквозь землю.

– Игнатик рассказывал, что вы по ночам уходите в тайгу, охотиться на зверей, – упавшим голосом ответила она.

Даниэль вначале было осёкся, но взглянув на перепуганных детей, громко рассмеялся.

– А еще, Игнатик хочет попросить, чтобы вы поучили его стрелять, – повеселевшим голосом добавила она. В комнате повисла тишина, а Игнат сделался пунцовым как помидор.

Вика, почувствовав, что ляпнула что-то не то, вжалась в стул. Решив больше не искушать судьбу своей болтливостью, она отвела глаза, заметив кота, вылизывающего себя на диване.

– Ты это серьезно? – спросил Даниэль упорно молчавшего мальчика. Вика окончательно потеряла интерес к разговору за столом и переместилась в сторону дивана с определенной целью – подружиться с котом.

– Дядя Даниэль, – мальчик крутил в руках пряник, так и не притронувшись к чаю, – я очень хочу научиться.

Даниэль откинулся на стуле, задумчиво постукивая указательным пальцем по губам. Со стороны дивана тем временем доносилась суэта и ворчливые звуки кота.

– Я, – Игнат запнулся, – знаю, что это запрещено, но я, всё же наизусть выучил справочник снайпера, и характеристики основного стрелкового оружия.

– Странное желание, – пожал плечами Даниэль, – по-моему, у детей сейчас другие развлечения, – он с интересом разглядывал Игната, словно пытаясь понять, что же происходит в голове этого мальчугана. – Ты ведь понимаешь, о чём меня просишь? Ведь так? Понимаешь, что мне грозит, если узнают, чему я собираюсь тебя учить? – Игнат с усилием кивнул, и с надрывом в голосе, чуть не плача, произнес:

– Знаю, но буду хранить вашу тайну, – Игнат примолк, и поднял свои глаза. Что в них увидел Даниэль, он и сам потом себе не смог объяснить, но взять, просто выставить парня за дверь он так и не решился.

– Где же ты нарыл всю эту литературу? Ведь, если я не ошибаюсь, почти вся информация об оружии после окончания войны из сети была удалена. – К столу, кряхтя, подошла

Вика, с трудом удерживая на руках оцетинившегося кота. Взгромоздившись на стул с тихо сатанеющим Вольфом, она решила вмешаться в разговор:

– Мы с Игнатиком все библиотеки в городе обошли, Игнатик пообещал маме, что подготовит меня к школе, – торжественно заявила она, с трудом сдерживая вырывающегося из ее объятий Вольфа. – Сиди спокойно, киска, ну куда ты.

– Там я и нашел нужную литературу, дядя Даниэль. Библиотекарша позволила порыться нам в архиве.

– А, мисс Палмер, – оживился Даниэль, взглянув на библиотечную книгу, – весьма неразговорчивая дама.

– Тетя Мэри испекла для нее печенье. Она очень обрадовалась ему.

«Скорее оказанному вниманию», – подумал Даниэль.

– ...и пустила нас в архив. Вы и не представляете, – глаза мальчика загорелись, – сколько там книг, я в жизни столько не видел. Только вы не подумайте, что я обманул тетю Мэри, я и Вике помогал. А в сети и вправду бесполезно искать, компьютер из-за запросов об оружии уже два раза блокировали. Вот отец и запретил подходить мне к нему.

Даниэль задумчиво посмотрел на мальчика. Что-то шевельнулось в его душе, искреннее и настоящее, возможно, давно забытые детские воспоминания, оставленные им в другой, уже не его жизни.

– Ну, хорошо, – одобрительно протянул Даниэль, и отобрал обозлённого кота у Вики, боясь, как бы тот ее не расца-

рапал. Вика в ответ надула губы, и, дернувшись, скрестила руки на груди, – попробуем.

Игнат недоверчиво взглянул на Даниэля, боясь поверить в его согласие.

– Вот завтра и начнем, пожалуй.

Мальчишка радостно засиял, подмигнув обидевшейся Вике. В ответ она показала ему язык и отвернулась.

– Но даже не рассчитывай, что в ближайшее время увидишь оружие. Для начала поучимся танцам, – он похлопал по плечу оторопевшего от такой новости Игнатика. – А там посмотрим, стоит ли вообще тебе браться за это дело. Заодно и проверим, умеете ли вы держать язык за зубами. Да, и называйте меня проще, – хотя бы дядя Денни.

– Дядя Денни, – торопливо переспросил Игнат.

– Что ещё? – ответил Даниэль, пододвигая насупившейся Вике конфеты.

– А вы и вправду по ночам охотитесь?

Следующий месяц превратился для Игнатика в настоящий кошмар. Бесшабашные каникулы обернулись каждодневными утренними пробежками, бесконечными физическими упражнениями и, что самое страшное – уроками танцев, на которых настоял дядя Денни. То что, танцы улучшают координацию и помогают концентрации внимания, для Игната было слабым утешением. Но переборков смущение и плюнув на возможные усмешки, он все же переступил по-

рог центра детского и подросткового развития, со странной просьбой записать его на лето в группу бальных танцев. Там его вначале просто вежливо выставили за дверь, со словами «мальчик – хватит баловаться, и без тебя забот хватает». Лишь когда на стол директора легло письменное разрешение отца, привыкшего к странным просьбам сына, его приняли в группу. С одним условием, найти себе партнершу. И это могло бы стать непреодолимым препятствием, более неразрешимой проблемой, чем упросить отца поставить подпись, если бы не мама Вики. Вика неожиданно серьезно для маленького ребенка отнеслась к проблеме Игнатика. Упросив мать помочь другу, она, однако, ни словом не обмолвилась об истинных причинах его странного поведения. Мать пожала плечами и пообещала помочь.

– Что-то мои детки затеяли, – Мария вглядывалась в тревожившие ее уже которой день графики динамики нарушений репликации ДНК.

– Обычные игры, – пожалала плечами подруга, протянув Марии листки с распечатанными данными. – Вот, полный состав мутагенов, как ты и просила. – Мария кивнула, и в задумчивости отвернулась от монитора, посмотрев в сторону окна.

Лето обещало быть жарким. Жаль, не получилось отправить Вику на море. Ну да ладно, Вика с радостью выслушала новость о том, что остается на лето дома. Конечно, ведь на каникулы приехал Игнатик, пожалуй, единственный че-

ловек, общение с которым вызывало у дочери живой интерес.

– Да, наверное, – вздохнула Мария, встряхнув листки, вглядывалась в таблицы с расплывающимися в глазах данными. – Устала я что-то, – она отбросила полупрозрачные листы с данными и умоляюще посмотрела на подругу. Та улыбнулась и кивнула.

– Иди домой, Мария, я справлюсь.

– Спасибо тебе, – отозвалась та и встала из-за стола, на ходу снимая белый халат. – Ты бы видела, как обрадовалась Вика, когда я сказала ей, что для Игнатика есть пара.

– Да ладно, Мария, – отмахнулась та рукой, – моя дочка сама не своя была, когда оказалось, что на лето останется без партнера и танцев. А тут прямо счастливый случай какой-то, – она протянула руку Марии, – Игнатик твой как снег на голову. Я думаю, у Вики – настоящая детская любовь, и это просто замечательно.

– Да, наверное, ты права, – задумчиво ответила Мария, я и не мешаю их дружбе. Но боюсь, скоро Вика перестанет быть интересна для Игната. Как она переживет это, даже не представляю.

Timber Wolf C15 HRSWS

(снайперская винтовка среднего радиуса действия)

Калибр: 338 Lapua Magnum (8.6x70 мм)

Масса, 8.1 кг

Длина, 1400 мм

Длина ствола, 880 мм

Емкость магазина, патронов – 8

Механизм: ручная перезарядка, продольно скользящий поворотный затвор.

Имеет практическую дальность стрельбы до 1500 метров.

В среде профессиональных стрелков

имело хождение другое название винтовки – «Волчица».

– Успокойся и еще раз повтори про себя, чему я тебя учил.

А затем попробуем сделать выстрел.

Мальчишка судорожно вздохнул, проглотив комок в горле. Предательски тряслись коленки, и дико хотелось сейчас же сбежать, забыв о своей бредовой мечте. Но ноги уже сами несли его к окопчику, прикрытым мешком с песком, и лежащей на нем винтовкой. Начищенный ствол Волчицы отражал лучи солнца, а орехового цвета приклад блестел, словно его только что покрыли лаком. Шумно выдохнув, под ироничным взглядом Даниэля, Игнатик лег у бруствера. Мишень, казалось, находилась где-то за горизонтом, растворяясь в пылевой дымке, поднятой легким ветерком.

«Для стрельбы с упора лежа снайпер занимает огневую позицию, плотно прижав живот к поверхности. Для того, чтобы корпус не заваливало в стороны, ноги прижимаются коленями и стопами к земле и раздвигаются как можно шире. При стрельбе такая позиция позволяет максимально слиться с грунтом, увеличивая площадь опоры. Кроме того,

в боевой обстановке не прижатые к земле части тела увеличивают риск попадания пульей или осколками», – шептал Игнат как молитву выдержки из справочника снайпера, заученного им наизусть, прижимая щеку к холодному прикладу.

– Готов? – Даниэль присел рядом на коленку, чуть наклонив голову, сравнив свой взгляд с направлением линии огня. – Так, хорошо, – он поправил ногу лежащего на животе Игната, так, чтобы она казалась продолжением винтовки и тела. – Почувствуй курок, потренируй ее холостой ход.

Мальчишка дрожащей рукой положил на курок палец.

– В прицел пока не смотри, – пробурчал Даниэль, рассматривая мишень, – оцени цель и реальное расстояние.

– Дядя Денни, – шепотом спросил мальчик, – почему винтовка такая тяжелая?

– Вспомни, чему я учил тебя – балансировка и равновесие, прежде всего. От этого зависит ее точность. Ты обязан сравнивать свой и ее вес. Тогда она не будет казаться тяжелой. Пуля должна уйти туда, куда ты ее и послал, – он грузно развернулся и сел рядом. – Не бойся, винтовка твой друг, – мальчишка кивнул, переведя широкие глаза на смотрящего куда-то в сторону егеря, – главное – она должна понять то, чего хочешь ты. И тогда у вас обоих все получится. Понятно тебе?

– Да, – неуверенно ответил Игнат, и приник к прикладу винтовки.

– Та-ак, хорошо, следи за дыханием.

– Фууу, не могу, – Игнат оторвался от винтовки и уткнулся лбом в приклад, – далеко, дядя Денни, не вижу мишень, пыль мешает.

– А ну-ка присядь, – Даниэль развернул мальчика лицом к себе. – Что ты видишь, когда смотришь в прицел?

– Мишень, трава вокруг нее, деревья, – неуверенно ответил Игнат. Даниэль напряженно молчал и, Игнат, подумав, добавил, – еще я чувствую за спиной тебя, и боюсь не попасть, – казалось, он с усилием выдавил из себя эту фразу, и, Даниэль кивнул, удовлетворенный честным ответом, и положил руку на плечо мальчика.

– Видишь, сколько всего тебя отвлекает. А ты должен видеть только цель, забыв обо всём на свете, и ничто не должно от этого отвлекать. Давай еще раз, сосредоточься, соберись, думай только о мишени. И когда твой взгляд сольется с ней – нажимай на курок.

Игнат, отвернулся от Даниэля, и, перевалившись с коленок, через локоть на живот, занял позицию. Выдохнув, он прижал к себе винтовку, и замер, напряженно вглядываясь в прицел.

Даниэль с улыбкой взглянул на Игнатика, шептавшего одними губами заученные фразы, в который раз подивившись серьезности и настойчивости мальчишки.

«...положение туловища при стрельбе из упора лежа должно быть ровным, исключаящее напряжения и перегибы по условной оси вдоль позвоночника. Помните, что переги-

бы тела могут вызывать нежелательное напряжение мышц, что ведет к нарушению правильности положения рук, затрудняет дыхание и увеличивает разброс при стрельбе. Коррекция направления и дальности стрельбы осуществляется перемещением ног в стороны», – преподаватель читал лекцию монотонно, словно под диктовку, в такт словам передвигаясь взад-вперед по учебной аудитории. После ночной учебной тревоги ему невыносимо хотелось спать, а теплый, уютный класс и размеренный голос офицера делал эту борьбу почти невозможной. Он встряхнул головой, разгоняя туман в голове, и попытался сфокусировать взгляд на конспекте. Лишь после того, как из прикушенной губы пошла кровь, в голове прояснилось, а эхо слов преподавателя стало обретать стройную и осмысленную форму. Сосед слева, видимо, уже прекратил борьбу с усталостью, смешно покачивая головой в такт дыханию. Отвернувшись от заснувшего товарища, он провел ручкой по ладони с четко очерченными линиями, и вспомнилась ему та цыганка на вокзале, что наворожила долгую, но полную невзгод жизнь.

«Странная рука, очень странная, – покачивала она головой, поглаживая старческими, скрюченными пальцами его шершавую ладонь. – Жизнь полная, разная, под руку идущая со смертью. И знаешь, неугомонный, – она подняла свои карие, с острым взглядом глаза на его склоненную голову, – глаза волка у ней».

Даниэль вздрогнул, услышав выстрел, и помотал головой,

отгоняя красочное видение, настолько яркое и свежее, словно только вчера случившееся. Присев рядом с оглушенным от радости мальчиком, он довольно хмыкнул и приник глазами к биноклю. Триста шагов, а пуля вошла почти в десятку, слегка черкнув соседний круг. Удовлетворённо кивнув, он похлопал Игната по плечу.

– Так, давай-ка отдохнём и перекусим, – сдерживая расплывающиеся в улыбке губы, пробурчал он.

Шериф национального парка нервно мерил комнату широкими шагами, даже не подумывая присесть рядом с егерем, который скромно расположился в углу комнаты. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине страдающего от похмелья шерифа. Его беззастенчиво выдавали красные пятна на лице, глубокая отдышка, запах перегара и полупустая бутылка минералки.

– Десять случаев нападения. Де-сять, – выпалил он, сделав глубокий глоток. – Помощница шерифа, облаченная в отличие от того, в форму, торопливо стучала по клавиатуре компьютера, стараясь не смотреть в сторону разгневанного шефа. – И никаких следов. Чисто. Он как из воздуха материализуется. Может, он и не волк вовсе? – ляпнул он, но, взглянув на ехидное лицо Игната, наконец, угомонился. – Ладно. Никуда он не денется, всё равно когда-нибудь объявится, – шериф выдохся и сел за рабочий стол перед монитором.

– Вот, – он тыкал пальцем в экран, – никого шума, ни одна

овца даже не вякнула. Тридцать секунд, и все, что нам удалось записать – мелькающая тень, – шериф устало взглянул на Игната. – Да скажи ты хоть что-нибудь, не молчи.

– Засветится он, наверняка. Только прежде всех наших овец передавит, – шериф поскрипел зубами, но смолчал, настороженно ожидая, что еще скажет сын. Игнат подошел к экрану и внимательно всмотрелся в запись.

– Давай-ка еще раз с начала, и помедленнее, не может быть, чтобы ничего в кадре не осталось.

Шериф суетливо прошелся пальцами по клавиатуре и включил запись камер слежения, расположенных по обе стороны загона.

– Стоп, – Игнат сжал рукой плечо отца, – ничего не заметил? – шериф лишь повел плечами.

– Смотри внимательно, тень появляется с интервалом всего в доли секунды, – он показал на таймер расположенных внизу экрана камер в противоположенных частях сарая. – Вот, вот и еще вот здесь. Или он и вправду призрак, или, – Игнат задумался, а в глазах шерифа зажегся огонек интереса.

– Глянь, как умно передвигается, как будто знает, где и как расположены камеры, – присвистнул он и подмигнул вытянувшей в их сторону шею секретарше. – Ума не приложу, как он это делает, – поразился Игнат. Шериф уже понимающе посмотрел на Игната и, проглотив комок в горле, еще раз всмотрелся в экран.

– Да кто это такой, – тихо прошептал Генри и примолк,

тревожно взглянув на Игната. Шерифу казалось, что он с разбегу ударился о стену: происходившая на экране бойня была за гранью его понимания.

Игнат покачал головой, задумчиво и, казалось, по инерции нажимая кнопки ускоренной перемотки. От мелькающих кадров в глазах рябило до слёз. Наконец, он поставил воспроизведение на паузу, и отошел от стола к окну. Потянувшись, Игнат запрокинул ладони за голову и продолжил:

– Не хочу, Генри, тебя расстраивать, – Игнат прищурился, – но волк существует, и, похоже, у нашего поселка большие неприятности.

Шериф не любил когда сын называл его по имени, но сдержался, лишь заскрипев зубами. А Игнат, оскалившись, продолжил, словно получая от своих слов болезненное удовольствие.

– Это далеко не обычный зверь, а умный и изворотливый хищник. Я таких еще не встречал, – он помахал головой. – И он не оставит нас в покое, пока не передавит весь скот.

Генри нервно почесал щеку. Игнат незаметно усмехнулся и, обойдя стол, подошел к карте заповедника.

– Я больше скажу, – Игнат постукивал костяшками пальцев по разноцветному гляncу заповедника, – он почувствовал нашу слабость, – взгляд шерифа заметался, мысль о неизбежной отставке и увольнении представлялась ему все реальнее. – А ведь ты, Генри, даже представить себе не можешь, что может натворить хищник, который почувствовал

отсутствие соперника, полностью уверенный в своей безнаказанности.

На лбу шерифа выступили крупные капли пота.

– Что будем делать? Сын, – после короткой заминки, выдал из себя Генри.

– А ничего, пока, – ответил Игнат, сделав ударение на слове «пока», и повернулся к отцу, – нужно посоветоваться с одним человеком. Думаю, лишняя помощь нам не помешает. Ты как считаешь, отец? – усмехнулся он.

– Что, без него никак? – проскрипел зубами Генри.

– Никак, все равно лучше него заповедник никто не знает.

– Как знаешь, но я бы на твоём месте...

– Ладно отец, – Игнат прервал Генри, похлопав того по спине, – да не волнуйся ты так, – он ехидно улыбнулся, – я прекрасно знаю, что мне делать, ты только не мешай, договорились? – Генри в ответ лишь хмуро кивнул. – Вот и славно. Пожалуй, – он чмокнул покрасневшую помощницу в щеку, – мне пора. Буду держать тебя в курсе дел.

– Угу, – проворчал Генри, уже после того, как Игнат вышел. – Иди, иди. Советуйся.

Вольф в предвкушении сытного обеда наблюдал за тем, как хозяин разделявает очередного, брыкающего хвостом по столу, сазана. Запах потрохов обволакивал голову, заставляя когти непроизвольно втягиваться и вытягиваться в предвкушении небывалого пиршества. Печка уже растопилась, за-

полонив двор дымом. Вольф, дождавшись всплеска очищенной рыбы в огромном, на половину печки, котле, предпринял попытку приблизиться к столу. Даниэль, с закатанными по локоть и испачканными в крови руками, аккуратно разбирал содержимое потрохов. Сегодня Вольфу достанутся алые жабры, жир и, видимо, не совсем понравившаяся Даниэлю часть печени. От созерцания ароматных внутренностей Вольфа отвлекло знакомое движение у забора, и он, забыв об источающей дурманящие запахи печени, бросился к калитке, в три прыжка оказавшись на столбе. Кот потерял мордой о плечо стоящего за оградой Игната и призывно мяукнул в сторону увлеченного своим занятием хозяина. Игнат оперся локтями о забор, молча ожидая, когда же, наконец, дядя Дэнни его заметит. Тот и носом не повел, окутанный дымом печки и паром варева. Усмехнувшись, Игнат перегнулся через калитку и, отодвинув засов, зашел во двор, держа на руках довольно урчавшего Вольфа.

– И почему ты всегда на улице варишь? – не зная как завести разговор, спросил он, поглаживая кота.

– Ну, ты ж знаешь, дым и свежий воздух – лучшие кулинары. Какими судьбами? – отозвался Даниэль, тщательно оттирая полотенцем кровь от пальцев, – случилось чего? – Даниэль откинул тряпку в сторону, и кивнул в сторону стола. – Садись, поедим. Голодный? – Игнат кивнул и отправился к уличному умывальнику помыть руки.

– Как Вика?

– Хорошо, – отозвался Игнат, усердно стуча носиком умывальника.

На душе полегчало от накотивших, уже позабытых, таких родных запахов и звуков. Он вдруг понял, что очень соскучился по ворчанию Даниеля, обормоту коту, старой печке и умывальнику.

– Чего хмурной такой? Рассказывай, – сказал Даниель, расставляя тарелки.

– Да не знаю еще точно, – ответил Игнат, разливая уху по чашкам, – что-то происходит в тайге.

Под столом Вольф громко уплетал ароматные жабры, отложив в сторону самое вкусное – долгожданную печень.

– Зелень бери, – Даниель насыпал в свою чашку укроп, перемешанный с мелко порезанным зеленым луком, и неожиданно поймал себя на мысли, что рад появлению Игнатика. И всё. Никаких других эмоций. Одна тихая радость, и ощущение убаюкивающего спокойствия и тепла от того, что рядом сидит взъерошенный парень, который когда-то ворвался в его жизнь. Оказался на пороге его дома и сам того не понимая, вытянул Даниеля из пучины тоски и одиночества.

– Лес изменился, дядя. Какие-то мелочи, детали, едва уловимые нестыковки, – Игнат, задумавшись, повернул голову в сторону, монотонно вода ложкой в тарелке.

– Ты есть будешь? – проворчал Даниель с набитым ртом. Аппетитом Игнат похвастаться явно не мог. Да и не уху пришел он есть.

– Послушай, дядя, – Игнат откинул ложку в сторону, – про нападения на овчарни знаешь? Вот. Но это не всё. Мне трудно сейчас объяснить тебе, но я кожей чувствую, что и в лесу беспокойно. Выводок оленей напуган, лисы осторожничают, носу из-за ручья не показывают, кабаны и те попрятались. Еще и отец насел, во всем винит меня, чувствует, что под задом горячо становится, вот и мечется. – Он примолк, и, плесканув в рюмку водки, хлопнул ее одним глотком. Поморщившись, он прищурился, ожидая ответа Даниэля.

– Хватит тебе на отца бочку катить, тут разобраться нужно, – Даниэль задумался.

– Седой Джо, – присмирившим голосом, словно выдохнувшись, добавил Игнат, – притих, неделю как не слышно. Забился в свою берлогу. Чует опасность в лесу. А отец не понимает этого. Сейчас у него одни овцы на уме. А я точно знаю – бесполезно усиливать охрану сараев, угроза идет из тайги, вот где нужно искать. Что происходит, дядя Дэнни? – Даниэль внутренне напрягся.

«Дядя. Дэнни. М-да, дело совсем плохо, если он так ко мне обращается», – подумал он.

Игнат, хоть и не показывал виду, был явно в отчаянии.

«И что он молчит, старый пень. Зря я послушался Вику. Состарился дядя. Что он может подсказать мне. Десять лет из своей берлоги не выползает», – подумал Игнат, собираясь уже встать из-за стола.

– В тайге чужой, Игнат, или чужие. Но что-то не залади-

лось у него в тайге – вот он и вышел на людей. Нужно понять, что происходит в лесу, а Генри пока не понимает этого. Коротче, не знаю я пока, информации мало, – Даниэль поднял тяжелой взгляд на Игната и тот, похолодев, пожалел о своей секундной слабости, вспомнив под его взглядом того самого дядю Дэнни, егеря национального парка, без разрешения которого не то что звери не охотились – птицы не летали. – Объедем заимки и осмотрим ручей. И покажешь мне места, где нашли трупы. Приготовь лошадей, Игнат, завтра с утра выдвигаемся.

Игнат кивнул, неожиданно почувствовав себя десятилетним мальчишкой, и потянулся за отброшенной ложкой.

– Почему с тобой всегда так сложно, дядя? – спросил Игнат с полным ртом. – Сколько раз заставлял на себя обижаться, ты же мог быть со мной немного помягче, – он покачал головой, зачерпнув ложку жирной ухи.

– Я твоя совесть, Игнат, а с совестью всегда неприятно иметь дело. Ты ешь давай, и хватит разговоров.

– Скучал по мне, – поговаривал Даниэль, похлопывая жеребца по загривку. Тот довольно фыркал, услышав знакомый голос.

– Помнит меня, – Даниэль повернулся к Игнату, скрестившему руки на груди. Забавно было наблюдать за оживленным старым егерем, который вернулся в родную стихию.

– Еще бы, – ответил Игнат, закрывая ворота открытого

загона. – Он тоже постарел, дядя Дэнни, но, думаю, для спокойной поездки он еще годен, а мальчик?

Жеребец довольно заржал и, стукнув копытом, поднял облачко пыли.

– Ну, вот и хорошо, – Игнат повеселел, положив руку на плечо Даниэлю. – Запрягай, дядя, прокатимся.

Перевалив за широкую гриву, отделяющую широкую речную дельту от леса, Даниэль решил сделать привал. Тяжеловато спрыгнув с жеребца, он отдал вожжи Игнату и подошел к берегу. Чуть выше по течению в реку впадал ручей, закручиваясь в широкой заводи воронками, с причудливыми рисунками. Даниэль прошелся вдоль берега и остановился у устья ручья. Присев на корточки, он зачерпнул в ладонь воды, распугав пронырливых мальков.

– Тиной пахнет, – он прополоскал рот и сплюнул на землю. Вода в ручье была холодна и удивительно прозрачна, открывая взгляду мельчайшие детали дна. Распуганные мальки тем временем покружившись в стороне, на глубине, несколькими стайками вернулись к теплой, прибрежной воде.

– Болота, – отозвался Игнат, отпустив брыкающихся коней к воде.

– Точно, – согласился Даниэль, – давно я не пробовал этот вкус.

– Все реки пахнут тиной, – Игнат присел рядом, краем глаза следя за водопоем коней, – но в этот сезон запах осо-

бенно резкий, – он покачал головой. – Снежная зима, дядя. Уж не припомню такого, чтобы в болотах скопилось столько воды. Вся дельта, – он обвел взглядом реку, – заболочена.

– Достань-ка карту, – попросил Игната Даниэль. – Покажи, где мы находимся.

Игнат достал из рюкзака новенькую крупномасштабную карту и разложил ее на траве. Аккуратно примяв локтем ее пузырящиеся части, он достал из нагрудного кармана маркер.

– Сейчас мы здесь, – он сделал отметку, чуть повыше Жемчужного озера. В масштабе получилось около километра. – Озер, – он обвел неровный синий круг на карте, – считай, уже нет – сплошные болота. Но сигнальные маяки я по периметру все же оставил, – Даниэль утвердительно кивнул головой. – В принципе, толку от них немного, но они замыкают цепь, закрывая весь участок, от реки до водопада. С другой стороны лес ограничен горами. Ну, и здесь, – он показал пальцем на населенный пункт, – посёлок. У ангаров дежурят мои люди. Так что никуда он не денется, если конечно, не умеет летать, – Игнат довольно ухмыльнулся, и взглянул на Даниэля, ожидая, что тот ответит.

– Через болота путь ему тоже заказан, – задумчиво ответил Даниэль. – Остается ручей, по нему он пробирается в тайгу. Там и надо делать засаду. Ты же, надеюсь, хорошо знаешь эти места?

– Еще бы, – хмыкнул Игнат, – еще с детства, помнишь?

Мэри мерила шагами комнату Даниэля, приложив ладонь ко лбу, не пытаясь даже скрыть свою злость.

– Да как тебе вообще взбрело в голову тащить детей на свой сраный тир, – Мэри в сердцах тыкала пальцем в Даниэля, сидящего в кресле с отсутствующим видом. – Даниэль, да половина посёлка знала о твоём стрельбище в заповеднике. Никто просто не хотел связываться с тобой. Но сейчас ты переступил грань. И чем ты думал!? – ее голос почти срывался в истерику. – Какой же я была душой, когда позволила им общаться с тобой. Да что говорить тебе об этом, – махнула она в сердцах рукой, – всё равно, что об стенку горох.

Мэри села на стул, и закрыв лицо руками, заплакала.

– Ты же сам как ребенок. Я-то верю тебе как себе. Но что другие подумают, – продолжала всхлипывать она. – Ты не понимаешь – тебя же выдворят отсюда. Пока что Генри закрывал глаза на твои шалости. О да, конечно, он ведь восхищается тобой. Еще бы, такой подарок судьбы, профессиональный охотник, ветеран, снайпер, где же он еще такого егеря найдет. Но что, если он узнает, что ты таскаешь на полигон его сына, и учишь, – она поперхнулась, – стрелять? – Мэри подошла и села на колени у ног нахмурившегося Даниэля. – Ну, что с тобой происходит. Не молчи, ответь хоть что-то, – почти взмолилась она, вытирая слезы.

– Не знаю, Мэри, – Даниэль поднялся, ухватив ее за подмышки. Обняв за плечи, он слегка встряхнул ее и посмотрел

в глаза, наполненные влагой. – Ну, не мог я, глядя в его горящие глаза, отказать, Мэри. Всё началось как шутка. День за днем я наблюдал за ним. Казалось, всё, он не выдержит, откажется. Я видел, как он давит в себе слёзы обиды, но наступило следующее утро, и он снова стоял на пороге, в ожидании тренировки. Удивительное упорство. И когда настал момент взяться за оружие, я просто не смог ему отказать. Наверное, я старею, и становлюсь сентиментальным. Возможно, я не всегда прав, потакая детям. Но никогда, слышишь, никогда, я не позволил бы, чтобы с ними что-нибудь случилось. Обещаю тебе, что я уберу, спрячу «Волчицу» в самый дальний угол и больше никогда ее не достану.

– Себя ты в нём увидел – вот и весь ответ, – Мэри всхлипнула, отбросив его руки. Притихнув, она отошла к окну, и, ухватившись за спинку стула, устало склонила голову.

В тишине, прерываемой лишь шмыганьем Мэри, вдруг шумно хлопнула входная дверь. На пороге стоял растрепанный Генри, с растерянным видом переводящий взгляд с Мэри на Даниэля.

Присутствующие разом повернули в его сторону головы.

– Дети пропали, – хрипло произнес он.

Мэри, вытерев слезы, медленно села, почти сползла на стул, и, словно очнувшись, громко охнула. Генри после короткой заминки, резво, по-военному, повесил куртку со знаками шерифа на вешалку и, по-хозяйски пробравшись на кухню, набрал стакан воды. Жадно проглотив воду, он вытер

подбородок рукавом и, подхватив стул, сел рядом с Мэри.

– Вы все в гроб меня хотите свести, – прошептала она не своим голосом.

Генри занес руку над Мэри, пытаясь приобнять ее, но передумал, взглянув на покачивающего головой Даниэля.

– Игнат с Викой с утра собрались в парк, – запальчиво сказал он, покосившись на Даниэля, всем видом показывающего ему, чтобы он выбирал выражения. – Я разрешил, он не в первый раз отпрашивается, но, всё же забил в его навигаторе координаты местности. А час назад я заметил, что связи с ними нет. Телефон Вики, – продолжил Генри, боясь посмотреть в сторону Мэри, закрывшую уши руками, – тоже не отвечает, даже и не знаю, что теперь думать.

– А что тут думать, одновременно телефоны из строя у них не могли выйти, – Даниэль оборвал невнятный лепет Генри, и Мэри с надеждой подняла на него красные от слёз глаза. – Телефон Игната, во всяком случае, точно. У него мой навигатор, профессиональный. – Генри кивком головы согласился, успокаивающе взглянув на Мэри. – Он ни влаги, ни ударов не боится, скорее всего... Где пропал сигнал? – спросил он у Генри.

Тот, засуетившись, достал свой навигатор, слегка поколдовав на нем, развернул экран в сторону Даниэля.

– Они прошли Изумрудное озеро, в полдень вышли к Скалистым горам. Там сигнал и пропал, – пролепетал Генри. – Спасателей я уже вызвал, они займутся прочесыванием гор.

Но я даже представления не имею, сколько у них на это уйдёт времени.

– Так, – задумчиво произнес Даниэль, – значит, на связи их нет примерно два часа. Скорее всего, дети забрались в пещеру, – Мэри, сдерживая крик, закрыла рот рукой, – потому сигнал и пропал.

Генри, не выбирая выражений, выругался, забыв о присутствующей Мэри. Выдохнувшись, он посмотрел на нее, но испугавшись ее почти ненавидящего взгляда, отвел глаза в сторону.

– У вас у обоих совсем, что ли мозги отсохли? – словно опомнившись, металлическим голосом произнесла она. – Там же сотни пещер, как мы теперь найдем их?

– Кажется, у меня есть идея, где они могут быть, – вздрогнул от вскрика Мэри Даниэль, – сейчас, подождите. Думаю, нам не придётся долго лазить по этим чёртовым Скалистым горам.

«Но лучше бы, я был не прав», – мрачновато подумал он, подошел к комоду, и поочередно, выдвигая ящики, торопливо переворачивал их содержимое.

– В любом случае, пока с ними не произошло ничего страшного. Игнат подготовлен к такому повороту событий – если он поймёт, что заблудился, то будет ждать помощь на месте. И, – Даниэль, оторвавшись от поисков, ткнул пальцем в сидящую парочку, – не шелохнется с места, потому что это правило я железно вбил парню в голову.

Генри, побагровев, попытался приподняться, но Даниэль остановил его жестом, не терпящим возражений. – Сядь Генри, не до ссор сейчас. Нам всем нужно успокоиться и собраться с мыслями.

Пока Генри суетился со стаканом воды вокруг Мэри, Даниэль продолжал обыскивать шкаф, и, не найдя того, что искал, задумчиво почесал лоб, кляня про себя свою забывчивость.

– Что ты там ищешь? – спросил подошедший Генри.

– Пока еще не знаю, но сейчас, если ты не будешь мне мешать, – Даниэль раздраженно отмахнулся от него, – я попытаюсь понять, где сейчас находятся дети.

Генри, слегка обидевшись, отошел в сторону, и, достав телефон, в очередной раз набрал службу спасения. Даниэль, подавив приступ злости, отвернулся от него, сосредоточившись на поисках.

– Что значит «мы делаем всё возможное»? – разорялся Генри, пытаясь перекрыть голос диспетчера. – Делайте больше! Труднодоступная местность? Не говорите мне о сложностях, я шериф парка, и прекрасно знаю все ваши дежурные отговорки.

– Даниэль, что ты делаешь? – подошедшая Мэри уцепила его за рукав, пытаясь заглянуть за его плечо.

– Да где же она, – выдохнул он. – Чёрт, ну, точно, – Даниэль замер, окончательно утвердившись, в своей догадке. – Вот оболтус. Подожди, только найду тебя, – обреченно про-

шептал он.

Мэри развернула Даниэля к себе, вцепившись в плечи.

– Что случилось? Говори, не молчи, я же вижу, что-то произошло, – прошептала она, требовательно посмотрев в его глаза.

– Нам пора, – ответил он, искоса наблюдая за ругающимся Генри. – Нужно собираться, Мэри, – он встретился глазами с ее взглядом. – Я точно знаю, где дети.

В жизни каждого настоящего мальчишки наступает время, когда его обуревают неистовое желание найти зарытый клад.

(М. Твен. Приключения Тома Сойера.)

– Давай быстрее, – Игнат протянул руку цепляющейся за край уступа Вике. – Ну чего ты копаешься, зря, наверное, я взял тебя с собой.

– Вот и ничего не зря, – обиделась она, шмыгнув чумазым носом.

Встав на четвереньки, дети с высоты утеса обводили взглядом парк. Так высоко они еще не забирались, и от одной только этой мысли захватывало дух. Виды шумящих водопадов и высоких сосен, тянувшихся ровной стеной вдоль разрезающих заповедник рек, отражались в блестящих от охватившей их радости глазах детей. Они взирали с раскрытыми ртами на открывшуюся во всё великолепии дикую красоту заповедника, совершенно забыв о долге, утомительном

подъеме. И лишь сейчас, когда они уже забрались на гору, до Игната дошло, как высоко они находятся. До земли было не меньше ста футов; только с вершины можно было понять, как до нее далеко. Мысль напугала Игната, но азарт и детская любознательность перевесили чувство страха.

Вдоволь насмотревшись на красоты парка, дети все же решили двигаться дальше по тропе, указанной на карте. Игнат, скрестив ноги, сел на пыльную дорогу, достал свой телефон и нашел файл со снимком карты, которую тайком утащил у дяди Денни.

– Это где-то здесь, Вика, – Игнат пальцами увеличил изображение на экране, наложив его на карту местности, – не зря дядя Денни пометил эту дорогу на карте. Пещера должна быть в конце тропы, – навигатор пискнул, отсчитав расстояние до цели.

– Давай, Вика, поднимайся.

Девочка с сожалением оторвалась от созерцания захватывающей высоты, и, уцепившись за куртку Игнатика, поднялась с коленок.

– Идем, – со вздохом произнесла она. – А долго нам еще идти?

– Не знаю, – покачал он головой, – не думаю. С километр, может и того меньше. Там видно будет. Главное не сходить с тропы, ты меня поняла?

Вика торопливо закивала, отряхивая пыль со своего спортивного костюмчика.

– Ну, вот, – захныкала она. – Мама купила его мне школу, а я уже его порвала, – она протянула Игнату рукав с оторванным лоскутом ткани.

– Потом купим тебе новый, – нетерпеливо ответил он и потянул Вику за руку.

Она, упираясь, непослушно зашуршала ногами по пыльной дороге, но Игнат уже не замечал ее девичьих капризов, крепко держа Вику за руку. Взгляд его был устремлен наверх, вдоль тянувшейся серпантином горной дороги, на вершину ущелья, к заветной цели. Так они и шли, за ничего не значащими разговорами и не заметив, как подошли к пещере. К той ее части, что была завалена осыпавшимся валуном.

– Игнатик, я устала, – заканючила она, теребя рукав его куртки.

Игнат не глядя, стряхнул ее руки, прошептав одними губами:

– Это она, Вика, – он на четвереньках заполз по камням к своду засыпанного входа, и, нагнувшись, посмотрел в небольшую щель, оставшуюся от завала. – Вика, заползай.

Вика вздохнула, поправив рюкзачок, и, взглянув на балансирующего Игната, поползла наверх, нашептывая в такт стихок:

«Humpty dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall.
All the king's horses,
And all the king's men,

Couldn't put Humpty together again».

– Что ты шепчешь? – спросил, обернувшись, Игнат.

– Ничего, – отозвалась Вика, прикусив язык. – Что там? – спросила она, поскользываясь на камнях, с шумом ускользающих вниз, к подножью горы.

– Смотри, – торжественно ответил Игнат и посветил фонариком в щель пещеры.

Дети вдвоем всматривались в узкую щелку свода пещеры, пытаясь угнаться взглядом за тусклым светом фонарика. Жадный луч света ворвался в темноту, словно этого только и ждал. Круглое светлое пятно скользило по черным стенам грота, без особых примет, пока не отразилось ярким блеском в каплях воды, падающих с потолка пещеры. Они стали дружно откидывать валуны в сторону, позабыв об усталости и голоде. Постепенно вход пещеры наполнился светом, открыв перед ними захватывающую картину.

– Что это, дядя Денни? – спросил Игнат, жуя бутерброд.

– Это, – Даниэль почесал затылок, раздумывая, как по-проще растолковать мальчишке, – карта заповедника.

Карта выглядела довольно старой: желтоватый, местами потрескавшийся материал, на ощупь – допотопная бумага, которую теперь можно встретить разве что в музеях.

– Вернее местности, на которой сейчас разбит парк. Карта старая, принадлежала одному из местных старателей. С указанием всех действующих на тот момент шахт, и доволь-

но подробными геологическими примечаниями, – Игнат вопросительно вздернул бровь, и Даниэль уточнил, – залежей полезных ископаемых.

– Золотые рудники? – переспросил Игнат.

– Точно, – согласился Даниэль. – Раньше здесь обитали племена индейцев Кри и Атапаски, – продолжил он. – Вот здесь, здесь и здесь, – Игнат внимательно следил за перемещающимся по карте пальцем дяди Денни, – находились их стоянки, пока всё коренное население не согнали в резервации, – Игнат перевел на него непонимающий взгляд, на что Даниэль лишь махнул рукой. – Не важно, как-нибудь потом расскажу, грустная это история.

– Угу, – мальчик задумался. – Дядя Денни, – Игнат со скрещенными на груди руками перевалился через стол, стараясь получше рассмотреть карту, – что означают эти пометки?

– Хм, – егерь хитро прищурился, – а это самое интересное. Вот, смотри внимательно, видишь, знак громовой птицы? – Игнат кивнул, и почти с животом залез на стол. – А здесь, смотри, знак гризли. И, чуть дальше, у ручья, видишь, знак волка.

– Что эти знаки означают? – мальчик со всей серьезностью взглянул на Даниэля, заставив того от смущения прокашляться, удерживаясь от того, чтобы не улыбнуться. Настолько у мальчишки был озадаченный вид.

– Тотемные знаки, столбы. Тотем символизировал гор-

дось семьи за своих предков, ведущих свою родословную от этих священных животных.

– Волк священное животное? – удивился Игнат.

– Индейцы, Игнат, верили, что в старые времена волк был человеком, но в наказание был превращен богами в зверя, – ответил Даниэль. – С тех самых пор индейцы почитают волка как посланника духов смерти.

– За что же он был наказан? – озадаченно спросил Игнат.

– Он объявил себя равным богам, отказываясь приносить им жертвы. Разгневанные боги превратили упрямого человека в волка, предначертав ему судьбу вечной охоты. Вот почему Кри поклонялись волку, считая его добычу священной – жертвой, предназначенной богам. Убить волка означало наложить проклятие на свой род. Почитая его, индейцы ставили тотемные столбы в местах своей стоянки, как обереги от капризов богов и талисманы к удачной охоте. А охота, Игнат, для индейцев была не просто способом добычи пропитания, а образом жизни, определяющим их менталитет, верования и мышление. Они жили охотой.

Глаза мальчишки горели, замороженные рассказом Даниэля.

– Но особо они поклонялись золотому волку, спрятанному ими в одной из пещер Скалистых гор. Каждый день равенства самые достойные из родов индейцев несли к его лапам золото и драгоценности, пытаясь таким способом умиловить духов смерти. И вот так, из года в год, столетиями,

индейцы верой и правдой служили своему волчьему богу. А потом случилась война между племенами волков и гризли. С переменным успехом чаша весов склонялась то в одну сторону, то в другую, пока, наконец, волки не потерпели окончательное поражение, и ушли на юг. Теперь их называют Апачи.

А Атапаски и гризли окончательно воцарились в Скалистых горах.

Даниэль примолк, наблюдая за заворуженным его рассказом Игнатом. Тот, еще немного помолчав, подавленный рассказом дяди, всё же выдал из себя несколько слов:

– А что же волки?

– Им больше не поклонялись. Для них настали тяжелые времена. Большая их часть была истреблена, а оставшаяся перекочевала на юг, вслед за Апачи.

– Значит, их заставили уйти? – озадачено спросил Игнат.

– Это же легенда, – Даниэль с улыбкой потрепал волосы мальчишки. – Кто ж теперь ответит наверняка, почему волчьи стаи перекочевали на юг. Причин могло быть много: сменился климат, стало мало еды, и пришлось искать новые места охоты. Но факт остается фактом – волков в нашем парке теперь уже и не встретить.

– Что случилось потом с гризли? – спросил, уязвленный таким скучным исходом истории, Игнат.

– Сказать честно, сынок, для них тоже история закончилась невесело. После прихода белых почти все Атапаски бы-

ли выселены из Скалистых гор.

– А как же тотемы? – туманно рассматривая карту, переспросил Игнатик.

– После разорения и изгнания индейцев большая часть священных мест была забыта. Их более никто не видел. А тотемов, здесь указанных, более не существуют. Ведь карте этой бог знает сколько лет. Но поговаривают, что в глубине пещер Скалистых гор еще остались ненайденные идолы, посреди многовекового золота, – Даниэль загадочно улыбнулся и скатал в трубку карту. – Но вряд ли оно увидит свет. Всё, до чего можно было добраться, уже давно разграбили охотники за сокровищами.

– Ну, это мы еще посмотрим, – едва слышно, ответил Игнат, и его глаза лихорадочно блеснули.

Усталость сняло как рукой. Они словно попали в другое время, переместившись из благополучного предсказуемого настоящего в насыщенное тайнами и опасностями прошлое.

– Как здоровааа, – Вика крутила головой, восхищенно оглядывая огромные своды пещеры, на деле оказавшиеся заброшенным шахтерским склепом.

Все пространство пещеры было завалено старым хламом, брошенным здесь старателями. По слою пыли на вещах можно было понять, что уже давно сюда никто не заглядывал.

– Ну и как я тебе? – Вика крутилась перед Игнатом в старой, шахтерской шляпе, держась руками за ее широкие поля.

– Где ты нашла ее? – Игнат сдернул ее с головы Вики и повертел в руках, отряхивая столетнюю пыль.

– Вон там, – Вика показала пальцем в дальний конец пещеры, где виднелись деревянные подпорки свода пещеры.

– Пойдем, посмотрим.

Пещера оказалась настоящей кладезью бесполезных вещей – разнообразных шахтерских инструментов, старой одежды и разбитых ящичков. Осматриваясь по многочисленным коридорам, они наткнулись на деревянный лифт, которым, определенно, лет сто-сто пятьдесят, никто не пользовался.

– Ничего мы здесь не найдем, – Игнат в сердцах пнул истлевший ящик, развалившийся в мелкую труху. – Нужно идти дальше.

Дети спускались по одной из многочисленных извилистых шахт, осторожно присев на пятую точку. Удерживая себя прижатыми к земле ладошками, они старались уберечься от чересчур быстрого спуска кувырком, способного закончиться неприятными травмами. Светлое пятнышко входа в пещеру тоскливо сжималось, покачиваясь в такт осторожно передвигающимся детям. Когда отверстие с дневным светом сжалось до размеров теннисного мячика, Игнат остановился и похлопал Вику по плечу. Нашупав налобный фонарик, Вика щелкнула его кнопкой, и в ответ на одобрителный кивок Игната перенесла вес на коленки, заглянув в темное пространство шахты. Свет диодных лампочек ослабевал, пытаясь добраться до дна прохода, уныло рассеиваясь вдоль тем-

ных стен. Вика ухнула и вжалась в стену туннеля, взглянув на Игната. Ослепленный светом, Игнат прищурился, и, прикрываясь ладонью, присел рядом с ней.

– Может, вернемся назад? – осторожно спросила она.

– Подожди, – Игнат достал навигатор и, открыв карту, сделал пометку. – Далеко не будем уходить, пока, – он помахал навигатором, – эта штука будет работать.

– Эх, – вздохнула Вика, – теперь нас точно накажут.

– Держи, – Игнат протянул ей бутылку с водой, – потерпи, будем спускаться, пока есть возможность. Немножечко осталось.

Слегка передохнув и напившись воды, дети тронулись в путь. Постепенно стены туннеля раздвигались, потолок рос, а уклон сравнивался. Через какое-то время они уже двигались в полный рост, замороженные светом, отраженным сталактитами, коими было заполнено всё подземелье. Шахта еще хранила следы деятельности человека. Прогнившие ряды деревянных перекрытий с аккуратной математической точностью тянулись вдоль стен, местами переходя в толстые балки, подпирающие потолок. Уставшим от слабого света налобных фонарей глазам Вики казалось, что коридор с бесчисленными поворотами никогда не закончиться. Она уже давно перестала оглядываться по сторонам, уныло бредя за Игнатом с опущенной головой. Наконец она замерла на месте, и, топнув ногой, позвала Игната.

– Я больше не могу, – присев на корточки, она подперла

стену, – Игнатик, мне страшно, мы и так далеко ушли, может, мы зря туда идем, давай вернемся, – с надеждой спросила она.

– Не зря, – он присел рядом, достав навигатор. – Это последний уровень. Осталось еще немного, и мы дойдем до конца выработки.

– Расскажи мне тогда о золотой лихорадке, ты ведь так много о ней знаешь. – Вика с усталым вздохом, прислонилась головой к плечу Игнатика. – Помнишь, ты нашел в библиотеке груды старых газет?

– Ааа, ну да, – Игнат задрал голову к потолку, припоминая одну статью, бросившуюся ему в глаза. Запомнилась она ему своими старыми, черно-белыми фотографиями, с запечатленными на них старателями, в смешной, мешковатой одежде.

«...рудное дело в Скалистых горах, в северной части Кордильер, началось со случайной находки огромного самородка. Его обнаружил старатель, фамилию которого история так и не сохранила, на дне ямы, в русле ручья, располагавшегося у его стоянки. Наверное, это и был самый первый самородок, найденный у подножья Скалистых гор. Местные старатели всеми силами пытались сохранить тайну золотых россыпей среди своего, узкого круга золотоискателей, но слухи о неограниченных сокровищах края распространились по стране со скоростью полёта пули. Тысячи людей, жаждущих быстрого заработка, устремились в эти места, названные, с

легкой руки охотников за сокровищами, новым Эльдorado. Часть из них добиралась до Кордильер морем, преодолевая тысячи километров, с восточного побережья, огибая Южную Америку, по Тихому океану. Окончательно они швартовались зачастую на легких суденышках, которые иначе как корытами, назвать было нельзя, в узком заливе, именуемом на карте – Калифорнийской бухтой. Другая часть выбрала короткий, но более опасный путь. Минуя порты Панамы, они добирались до нового Эльдorado через джунгли центральной Америки и пустыни западного побережья. Ну, а основная масса прибывала на прииски в фургонах, зачастую целыми семьями и со всем домашним скарбом. Не все смогли благополучно добраться до места своей мечты. Некоторые не справились со штормами океана, поглотивших добрую треть не подготовленных для такого плавания деревянных суденышек. Другие не смогли перенести экзотические болезни, коими сельвы и джунгли были наполнены до предела. Ну, а тем, кто оказался стоек к лихорадке болот Амазонки, пришлось столкнуться с непереносимой жарой пустынь Мексики и Калифорнии. Относительно безопасным стал путь, проложенный через обжитые места страны, с вполне сносными дорогами, и проложенными железнодорожными ветками. Но через какое-то время поток людей, стремящихся к Скалистым горам с юго-востока, стал неуправляем, а за право обладания участками на золоторудных месторождениях началась настоящая война. Движение на север

огромных людских масс в поисках лучшей жизни напоминало скорее великое переселение народов, чем приключение одиночек в поисках лучшей доли и легкого заработка. В первые три года число старателей перевалило за сотню тысяч человек. Коренные жители северной оконечности Кордильер вынуждены были покинуть обжитые территории, вытесняемые нашествием с юга и юго-востока и расселяться в стороне от великого водораздела, посреди бедных и негостеприимных пустошей средней Америки. Скалистые горы своей золотой идеей заразили весь мир. А спустя какое-то время стало очевидно, что лихорадка подпитывалась искусственно, целью которой было освоение необжитых северных территорий, как залог будущего экономического процветания страны. Зерно соблазна упало на благодатную почву, насыщенную бедностью и нищетой перенаселенных городов. Разведчики или, по-местному, проспекторы, не без основания считали, что золотые россыпи должны находиться на дне долин и каньонов, вдоль рек, рассеченных гранитными массивами склонов гор. Однако спустя какое-то время стало очевидно, что количество золота, намываемого в долине, не шло ни в какое сравнение с золотоносными жилами, укрытыми за гранитными стенами Скалистых гор. Истинным предметом вожделения старателей считалась материнская залежь – коренные месторождения кварц-золоторудных жил. И когда геологи добрались-таки до жилы, запахло неограниченными доходами. Со временем на смену кустарному методу добы-

чи золота пришло промышленное производство. Разработка коренных жил требовала не только применения дорогостоящего оборудования, но и наличия в штате горных компаний высококвалифицированного персонала, начиная с простых рабочих и заканчивая профессиональными геологами. Постепенно кустарные шахты были покинуты, уступив место производственным разработкам, а сами старатели попали в ряды тысяч таких же наемных работников горных компаний. И на самом деле, залежи Скалистых гор оказались настолько нескончаемыми, что добыча на некоторых участках не прекращалась в течение нескольких десятков лет. Горнодобывающие шахты раскинулись вдоль великого водного водораздела на сотни миль с юга на север горной гряды Кордильер, уходя на глубину до нескольких сотен метров, а в некоторых местах и до километра. В период золотой лихорадки на рудниках западного побережья было добыто несколько тысяч тонн золота. Страна обогатилась на астрономическую сумму, точную цифру которой до сих пор никто не может озвучить, а край Скалистых гор из захудалой, дикой, заброшенной местности превратился, словно гадкий утёнок в лебедя, в индустриально и научно развитый район страны».

«... тот самый старатель, нашедший свой первый самородок весом в триста грамм, закончил жизнь трагично, так и не найдя счастья у подножья Скалистых гор. Проспекторы, представляющие интересы одной из крупных горных компаний, предложили выкупить за бесценок его участок. В от-

вет на его отказ взбешенные наемники сожгли его дом, убили всю его семью, а его оставили умирать в одной из пещер гор. А кустарные шахты сохранились и до наших дней, напоминая людям об эпохе жадности и беспринципности, времени, когда человеческая жизнь ценилась не дороже самого маленького самородка...».

Время шло к закату. Игнатик встряхнул головой, разгоняя остатки сна, и аккуратно вытянул руку из-под головы сладко посапывающей Вики, которая удобно устроилась у него на груди. Взглянув на часы, он чертыхнулся, и решил растормошить ее. Вика недовольно заворчала, словно тряпичная кукла, встряхиваемая переполошенным Игнатом.

– Ты чего, – почти заплакала она, – я спать хочу. – Вика, пытаясь похныкать, потирала заспанные глаза и упорно не хотела двигаться.

– Ну, Вик, – Игнат попробовал добраться до Вики уговорами, минуя её эпическую упёртость, поняв, что сила и грубость ничего не дают, – вставай, немного осталось, да и время уже, – он ткнул в лицо накупившейся Вики, часы на своем левом запястье, – скоро ночь, нас поди уже потеряли. Ну, пожалуйста, – Игнат пошел на крайние меры, понимая, что уж к жалостливой просьбе она равнодушной не останется.

– Ладно, – почти по-взрослому отозвалась Вика. – Игнатик, а вдруг, – спохватившись, спросила она, – тот старатель всё еще бродит здесь?

– Да нее, – ответил тот, покрутив головой вокруг, – такая

большая, а всё в сказочки веришь.

Луч фонаря нервно шархался по влажным, темным стенам шахты, пока не встретился с испуганным лицом Вики.

– И не сказочки это вовсе, – насупилась она и шмыгнула носом. – Мама мне рассказывала, что призраки есть, – совершенно серьезно ответила она.

– Может и есть, – Игнат поправил рюкзак на плечах Вики, – вот только дядя Денни, Вик, по секрету шепнул мне, что нас они боятся больше, чем мы их.

Седой Джонни заворочался во сне, потревоженный неизвестными звуками, бесцеремонно ворвавшимися в его логово. Он не торопился просыпаться, за долгие годы одиночества привыкший к неторопливому течению времени. Сном дремоту Джонни назвать было сложно. Это была не та спячка, когда он проваливался в теплую уютную яму забытия. Джонни уже и не помнил, сбившись со счета, сколько раз весеннее солнце будило его, появляясь в узкой расщелине пещеры. Какая-то часть его мозга бодрствовала, чутко отзываясь на любые внешние раздражители. Но притупленная долгим временем безмятежного уединения осторожность и не собиралась просыпаться. Лишь когда к его телу подкатилось несколько камней, он все же заставил себя расшевелиться. Мозг заволакивала злость, наполняя размякшие мышцы адреналином. Стряхнув с крупы пыль, он развернул нос в сторону незнакомых запахов, проникших в его логово со сторо-

ны выхода. Не спеша, он, прихрамывая на одну лапу, выглянул в коридор, куда сверху скатывались мелкие камни. Впереди мелькал свет фонарей, и нестерпимо несло людским запахом. По тому, как пришельцы ступали по камням, Джонни сообразил, что к нему подбираются детеныши людей. Это было странно и непонятно. Злость уступила место любопытству. Он не стал разбираться в этой неожиданно свалившейся проблеме, и решил просто их припугнуть. Когда свет их фонарей ударил по его глазам, он не выдержал и зарычал. Получилось не очень убедительно, но хватило для того, чтобы перепуганные дети бросились наутек. Громко визжа, они, мелькая спинами, сорвались вниз, в темноту пещеры, где точно не было выхода. Джонни непонимающе помахал головой с заросшей гривой грязно-серой шерсти, и удивленно поджал свои изодранные уши. Странные детеныши, вместо того, чтобы вернуться туда, откуда и пришли, еще больше углубились в лабиринты шахт, где шумели подземные ручьи. И куда их понесло? Некоторое время еще слышались их крики, смешанные с шумом водопада, а затем всё стихло. Джонни удовлетворенно покачал головой и вальяжно развернулся в сторону логова.

Игнат хмуро смотрел на свой навигатор, пришедший в негодность после вынужденного купания. Левая рука жутко ныла. Любое движение приносило невыносимую боль. Дело было плохо. Скорее всего, он вывихнул плечо и потянул

лодыжку. Испугавшаяся Вика, подсвечивая телефоном, помогла снять ему куртку. Разорвав его рубашку, она подвязала, как их учили воспитатели, руку Игната. Убедившись, что с Игнатом все в порядке, она помогла ему сесть спиной к стене пещеры и занялась поиском дров и разведением костра. Одежда, натянутая над костерком, уже почти подсохла, и одеяла, оставшиеся сухими в непромокаемом рюкзаке Вики, скоро можно было с себя снять. Водичка в озере была необычно теплой, скорее всего, подогреваемая подземными источниками, на отсутствие которых, как и гейзеров, заповедник никак не мог пожаловаться. Ужас от преследования гризли, болезненного падения вдоль водопада, изрезанного неровными выступами, уже почти прошел, уступив месту обыкновенному детскому любопытству. Вика при падении в озеро, уютно расположившееся на дне шахтерской выработки, отделалась лишь легким испугом, а вот Игнатик пришлось гораздо хуже. Глубокие раны на плече от расчечения острыми краями камней, и вывих руки, совершенно обездвижили их. Наряду с вышедшими из строя телефонами это грозило детям бессрочным пленом. После того, как они вынырнули из озера, отплеываясь и отхаркиваясь водой, прошло не меньше двух часов, а в голову так и не пришло никакой идеи, как выбраться из каменной западни. Вика, дорвав рубашку, перетянула ногу Игната, а раны обработала йодом, чудом оказавшимся в ее детской аптечке. В общем, ситуация выглядела совсем уж плачевной, что подтвер-

ждали высокие гранитные стены, окружающие озеро.

– Иганатик, – шепотом спросила Вика, – а может, это и был тот самый старатель?

Игнат взглянул на ее глаза, которые от страха стали совершенно неправдоподобно большими и едва подавил смешок.

– Да нет, Вика, – ответил он, – это был обычный гризли. Старый-престарый гризли.

– А мама таакие вещи рассказывала про здешних. А еще, а еще, – протараторила она, – тут тролли водятся. Они со-кровища охраняют.

– Это она тебя пугала, чтобы ты где попало не лазила.

– Угу, – пробурчала она, надув щеки, – и чего мы тогда тут делаем.

Игнат в ответ лишь пожал плечами. Ответить ему и вправду ей было нечего.

Решив подождать, пока высохнет одежда, прежде чем отправиться на разведку в поисках выхода из темных лабиринтов, Вика взялась обследовать озеро. Слабый свет от костра и их фонарей, преломляясь у свода пещеры, обвешанного сталактитами, и отражаясь от кристально чистого озера, многократно усиливался, делая освещение в, казалось бы, совершенно темном гроте, вполне сносным. В прозрачной воде подземного озера блеснула ярко желтая галька, заставив Вику повнимательнее к ней присмотреться. Она от скуки уже перебрала целую кучу камешков, и хотела уже забросить это глупое занятие, как вдруг наткнулась на золотой круг-

ляш. Подобрав одеяло, она по колени зашла в воду, нащупав ладонью яркий камень. Галька, к великой радости Вики, оказалось совсем даже не галькой, а, о чудо, настоящим золотым медальоном с изображением морды волка. Медальон был небольшой – не больше ногтя пальца большой руки, но прозрачная вода и выдающийся профиль волка исказили его размер, придавая массивность и внушительность.

– Игнатик, Игнатик, – защебетала Вика, – смотри, что я нашла, – и подскочила к нему, задыхаясь от радости, протягивая найденный медальон.

– Ого, – в его глазах блеснул интерес, – где ты это нашла?

– Там вот, – она развернулась всем телом, и указательным пальцем ткнула в озеро.

– А знаешь, что ты нашла? – произнес Игнат заговорщицким шепотом. Озадаченная Вика помахала головой, присев на корточки возле Игната. Проведя дрожащими пальцами по драгоценным камням, которыми было инкрустировано изображение волка, она вопросительно взглянула на Игната. – Это знак волка. Его могли носить только лучшие воины племени, – торжественно заявил он, надев медальон на шею.

– Ой, – непонимающе отозвалась она, – и что?

– А то, – с просиявшим лицом ответил он, – мы нашли священное место индейцев. Значит, где-то здесь должен быть выход.

Конечно же, следы детей были обнаружены сразу. Пеще-

ра, шахта и прилегающие к ним коридоры были промерены сантиметр за сантиметром. Когда стало понятно, что поиски наверху не дадут никаких результатов и дети скорее всего спустились в глубину шахт, Мэри окончательно потеряла надежду. Слез уж не было, осталась только чудовищная усталость и холодный ужас от осознания того, что уже никогда не сможет увидеть дочь. Спасатели, добравшись до конца туннелей, туда, куда сходились несколько штолен с падающими вниз ручьями, собрали консилиум. Поиски зашли в тупик. Спуск вниз, в глубину горы, требовал дополнительного оборудования и подготовленный персонал, вызов которого из ближайшего города займет минимум сутки. Время шло. Мэри постепенно впадала в истерику, начиная заговариваться. Неизвестно было, в каком состоянии находятся дети. Какой сложности травмы могли они получить, и живы ли вообще. Уже не часы, а драгоценные минуты таяли, как весенний снег, унося с собой уверенность спасателей в своих действиях. Даниэль как мог, поддерживал и успокаивал ее, и когда по рации передали, что у северной стороны горы нашли девочку – живую и невредимую, у Мэри просто не осталось сил для радости. Лишь услышав в рации писклявый голос дочери, Мэри, наконец, смогла дать волю чувствам, разрыдавшись на груди Даниэля. Спасатели потом искренне удивлялись, как маленькая девочка смогла добраться до выхода, по темному узкому гроту, оставив позади себя добрую сотню метров. Позже выяснилось, что Вика, вжима-

ясь в землю, словно юркий уж, проползла по холодному, тесному руслу ручья, ориентируясь лишь по направлению течения. Рискуя застрять в лазе, временами сужающемся до размеров заячьей норы, она появилась у водопада, громкими криками переполошив весь лагерь спасателей, размещенный у подножья горы. Проходчикам потребовалось лишь два часа, чтобы добраться до пещеры с уставшим, но улыбающимся Игнатиком.

– Посмотри на них, – произнесла Мэри, взяв Даниэля под руку.

Вика суежилась вокруг Игната, не желая отходить от того ни на секунду. Тот, насупившись, словно стесняясь окружающих его незнакомых людей, отмахивался от ее ухаживаний, еще не веря в их спасение.

– Чувствую, эта парочка еще доставит нам немало беспокойства, – Даниэль покачал головой, но увидев, как напряглась Мэри, улыбнулся и обнял ее. – И вряд ли теперь что-то сможет их разлучить, – сказал он и поцеловал покрасневшую от смущения Мэри, еще не совсем поверившую, что так чудесно всё закончилось.

Посреди радостного переполоха лишь старый проводник-индеец сохранял хмурое молчание. Для всех оставалось загадкой, как этот чудака с заплетенными в лоснящиеся косы волосами оказался среди спасателей. Он молча осмотрел раны притихшего Игната и покачал головой. В ответ на осуж-

дающие взгляды медперсонала и спасателей, старик лишь хмыкнул и одним движением вправил тому вывих плеча. Игнат тихо зашипел, но успокоился, когда на его лоб легла шершавая рука старика.

– Каканниви, – только и произнес индеец, хмуро разглядывая медальон Игната. – Глупый ашкий, – и, задрав голову, затянул песню на своем языке, покачивая в такт головой.

– Что он сказал? – спросил Игнат у присевшего рядом Даниэля. В стороне Мэри, сидя на корточках, отчитывала дочь, перебирая дрожащими от волнения пальцами пуговицы на ее кофте. А Вика, не обращая внимания на материнскую суету, бросала в сторону мужчин заинтересованные взгляды, чувствуя, что между ними происходит что-то важное. И на старого индейца, тянувшего странную песню.

– То, что он назвал тебя глупым мальчишкой, недалеко от истины, – Даниэль рассматривал индейца, который, отвернувшись от них, что-то бормотал себе под нос. – Но вот каканниви... Думаю, он говорил о волке. Похоже, о нем он и пел. Я не могу точно тебе перевести, но пел он о безысходности и определенности судьбы. Как-то так, – уклончиво добавил он. – О большом черном волке. Странно всё это, – протянул задумчиво Даниэль. – Таких в природе не существует. Легенда... Всего лишь легенда. Каканниви, – еще раз задумчиво пробормотал он, поправляя лежащего Игната.

– Каканниви, – повторил индеец и взглянул пронзительными синими глазами на Даниэля. – Дурной знак, охотник, –

сказал он, внимательно рассматривая Даниэля. – Дух волка выбрался на свободу.

Старый индеец еще раз провел рукой по угольным волосам притихшего Игната.

– Нас всех ждут великие испытания. Справимся ли мы, а, ашкий? – индеец вздохнул и, отряхнув свою хламиду от несуществующей пыли, поднялся с колен.

– При чем же здесь Игнат? – глухо спросил Даниэль.

– Ни при чем. Ты не понял. Злого духа выпустили, и он уже набирает силу. Ашкий всего лишь призма, через которую я увидел Черного Призрака. Не думай об этом охотник, все равно тебе не понять, – индеец задумался, рассматривая Даниэля. – Лучше помоги мальчику, охотник, – совсем уже тихо произнес он. – Без тебя он не справится, – добавил старый индеец и больше к ним не поворачивался, занятый созерцанием уходящего за горизонт солнца.

В тот день Седому Джонни так и не случилось больше заснуть. Он и не подозревал, что с появлением детей Скалистые горы покинут мир и тишина. Когда-то давным-давно он обрел умиротворение и спокойствие. А теперь он вдруг остро почувствовал, что его незыблемому, вековому царству благополучия совсем скоро придет конец.

«Глядя в прицел винтовки,
никогда не забывай посматривать за спину».

Игнат не стал тревожить дядю Денни, когда получил со-

общение о постороннем движении в заповеднике. Да и с чего бы? Непонятно было, что и как. Для начала, он хотел сам удостовериться, что опасность реальная. Была еще одна причина – он хотел доказать старому егерю, что способен на самостоятельные действия. Не так уж и давно он заменил Даниэля, возглавив службу безопасности парка, и ничем значительным все еще не отличился. Честолюбие? Может и так. Хотя кто посмеет его обвинить в этом, когда он решит проблему. Звонок помощника раздался ночью, беззвучно завибрировав неоновым экраном телефона. Игнат осторожно выбрался из объятий сладко сопящей во сне Вики, и, наскоро собравшись, выехал в заповедник.

«А это тварь не так и глупа», – все шло так, как он и задумал. Волк уверенно шел в приготовленную для него западню, осторожно обходя сигнальные ловушки. Да, уверенность в безнаказанности своих действий – опасная штука. Игнат оторвался от винтовки и прислушался к раздавшемуся за перевалом шуму. Правее от линии прицела вспорхнули птицы. Внутри знакомо, сладко защипало чувство азарта, холодом отозвавшееся в животе. Он приник к оптике и развернулся вместе с винтовкой в сторону ручья. «Извини парень, но здесь моя земля». Знакомо защипало на подушечках пальцев. Рассвет приближался, заливая восток небо багровыми цветами.

«Так и есть. Ай да дядя», – радостно подумал он. По течению воды, в направлении от солнца, по краю берега, совсем

рядом, метрах в ста, вальяжной походкой двигался огромный чёрный волк. Игнат облизнул обветренные губы и, размяв кисть, аккуратно положил повлажневший палец на холодный курок. Волк, не останавливаясь, повернул в его сторону голову, и Игнат был готов поклясться, усмехнулся своим нечеловеческим оскалом. Игнат оторвался от прицела и потряс головой. «Наваждение какое-то», – ошарашено подумал вдруг он, и почувствовал спиной леденящий укол опасности. Как можно медленнее и тише он перевалился с живота на бок, нащупывая на бедре нож, и, приготовившись, поднял голову. На камне, лежащем за его схроном, сидела белая волчица, уставив на него неподвижный взгляд своих огромных синих глаз.

Часть вторая. Волчье логово

« Плотные стены пещеры, резкие толчки носом, которыми наделяла волчонка мать, сокрушительный удар ее лапы, неутоленный голод выработали в нем уверенность, что не все в мире дозволено, что в жизни существует множество

ограничений и запретов. И эти ограничения, и запреты были законом.

Повиноваться им – значило избегать боли, и всяких жизненных осложнений».

(Джек Лондон. Белый Клык)

«Темп, темп, темп», – в голове пульсировала одна и та же мысль, словно бег по замкнутому тренировочному кругу – раз за разом, препятствие за препятствием, до свинца в разгоряченных лёгких. Остановись – и уже не поднимешься, только вперед, не сбавляя скорости, подчиняясь бездушному ритму. Трасса, которую ему нужно было преодолеть, оказалась несусветно сложной. Рваный темп в условиях пересеченной местности и контрольные точки с плавающими координатами и легко читаемыми путями прохода сбивали с настроения и путали заранее заготовленные планы. Не так-то легко в условиях дефицита времени сохранить запас прочности, необходимый для последней схватки. Что ж – пока

удача была на его стороне. Преодолев основную часть пути, он отделался лишь несколькими царапинами и сэкономил большую часть сил. Но затем на его пути вырос комбинат, открывшийся перед ним посреди голой долины, словно замок из старой детской сказки. Казалось, краями высоких труб он дотягивался до низко стелющихся грязно-серых облаков. Крыши комбината были обозначены длинными антеннами, тянувшимися телескопическими шпилями вверх. Тоскливо поскрипывая ими от резких порывов ветра, они разбрасывали вдоль земли куски отслаивающейся темно-зеленой армейской краски. Конрада негостеприимно встретили бесчисленные серые корпуса с окружающими их километровыми свалками, растянувшимися, казалось, до самого горизонта. Перед ним открылся хаос переплетенных канализационных труб, коварные овраги и котлованы, словно воронки от бомб, заваленные снегом, перемешанным с грязью. Мертвая, зараженная десятикилометровая зона – кладбище химических отходов. Последний рывок к цели, ясно просматривающейся невооруженным взглядом, обещал множество непредвиденных препятствий. И проблемы не заставили себя долго ждать, упорно скрываясь и сжимаясь к цели, как пружина, готовая разжаться в любой момент. Хуже всего ему пришлось на замерзшей луже с жидкими химическими отходами. Насколько она глубока, он понял только тогда, когда увлеченный бегом, не заметил припорошенный снегом ручей и провалился под еще тонкий лед. Пронизываю-

щий насквозь холод тысячами иголок вонзился в тело, заставив вздыбиться шерсть и расшириться от боли зрачки. Он не стал тратить время на попытки выбраться на поверхность с коварным, ломающимся льдом. Сбалансировав температуру тела, Конрад поднырнул в направлении берега со стелющимся вдоль кромки теплым паром. Вода была непроглядно мутной из-за стоков канализационных труб, черно-грязными раструбами торчащими из высокой насыпи. По краям берега стоки еще не остыли, и, вынырнув, он позволил себе немного полежать и отдышаться в вязкой канализационной жиже. Время позволяло. Совершив рывок через озеро, Конрад срезал большую часть участка и выиграл несколько драгоценных минут. Озеро со стелющимся вдоль поверхности ядовито-зеленым паром на деле являлось искусственным котлованом, вырытым здесь для сброса жидких отходов. Оно лежало на пути в корпуса химического комбината, являющимся точкой назначения. Проще всего туда было бы проникнуть через туннели, тянущиеся на сотни метров под землей. Где единственной проблемой было не заплутать в сложной паутине подземных коммуникаций. Быстрее получилось бы на поверхности, но подходы к комбинату были сплошь утыканы непроходимыми охранными датчиками. Камеры слежения разрезали контролируемый периметр на отдельные сектора, исключая возможность проникновения на объект через слепые зоны. А соблазн мгновенного рывка, рассчитанного на инертность охранной системы, нивели-

ровал глубокий, рыхлый снег, неожиданный для этих мест и этого времени года. Стряхнув с себя остатки влаги, источающие миазмы, притупляющие обоняние, он осмотрелся. Черета звуков и запахов, нанизываясь друг на друга, складывалась в стройную объемную картину местности. Конрад промаркировал особо громкие участки и объекты с выделяющимися запахами. Интуиция не подвела – его уже ждали. Но пока он находился за насыпью, укрытый зеленым туманом химических испарений и шумных всплесков падающей с высоты обрыва воды, обнаружить его не представлялось возможным. Но сейчас нужно было решать – либо быстрый отчаянный рывок через контролируемое поле, либо спуск в подземелье, с риском заблудиться и упустить преимущество от эффекта неожиданности. Конрад нашел третий путь, там, где его точно не ждут. Идея возникла сама, едва он вынырнул из озера, отплевываясь и откашливаясь от мерзко пахнущей слизи. Он проберется на комбинат маршрутом, просчитать который не пришло бы в голову никому, по той лишь простой причине, что таковым его не считали.

Несколько раз, проползая по узкому, скользкому коллектору, Конрад напарывался на изогнутые, проржавелые листы обшивки, и тогда ему казалось, что он попал в мясорубку. То и дело усиливающийся напор потока жидких отходов нещадно швырял Конрада по стенам трубы. Раны, разъедаемые химической отравой, противно ныли, но на скорости продвижения это пока не сказывалось. Настораживало дру-

гое. Он прошел только три колена коллектора из одиннадцати, и при таком раскладе к концу трубы от него останется замаринованный фарш либо запеченный в собственном соку мясной рулет. Представив, как побледнеет при виде химических ожогов медперсонал, Конрад злорадно оскалился, наполнив мышцы бодростью. Сосредоточившись на задании, он прикинул скорость передвижения и принял решение распределить тонким ручейком утекающие силы. Время, которое он потеряет, компенсируется запасом, который он получил, когда напрямую пересек озеро. Основную часть пути он преодолит в замедленном темпе, экономя их, включая ускорение лишь при увеличении напора стока. Плюс он накидывал время на пятисекундный отдых у каждого поворота. Вышло, что на прохождение коллекторов уйдет примерно три минуты. Он успевал. За десятым коленом начиналась территория завода. Судя по карте, конец участка трубы перед последним поворотом находился во вспомогательных корпусах. Включив тепловое зрение, он просканировал помещения, прилегающие к основному бассейну. Чисто. Всё, можно было выходить, предварительно устранив последнее препятствие. Решетка поддалась с трёх ударов, неожиданно тяжело для уже давно потерявшей прочность канализации. Внутри помещения ни датчиков, ни наблюдения предусмотрено не было. Как и во всех складских помещениях и корпусах первичной очистки и сброса, охранная система ограничивалась контролем доступа, датчиками вскрытия дверей

и разбития окон. Внутри помещения передвижение ничем не затруднялось, и маскировка не требовалась. Выбравшись из бассейна, Конрад обвел взглядом зал, вперемежку заваленный мешками с технической солью и сброшенным в беспорядочную кучу металлоломом. Чуть задрав голову, он зафиксировал следующий маршрут движения. Попасть в систему вентиляции не составляло особого труда. Достаточно было подняться на ярус уровнем выше. Но вот тут-то и возникала проблема. На уровне второго этажа помещение окружали высокие, в три метра окна, открывающие обзор на территорию комбината, которая была обвешана камерами слежения, как новогодняя елка гирляндами. Сравнение само собой возникло в голове, вот только настораживало то, что он не знал, что такое новогодняя елка. Спонтанные приступы раздвоения личности, за последнее время только участвовавшие, пугали и раздражали Конрада. А странные сны, напоминающие обрывки старых фильмов, беспокоили его, портили картину ясности и понятности бытия, сформировавшуюся у него еще в детстве. Встряхнув головой, Конрад оскалится в одну из камер, и одним прыжком оказался в воздуховоде, легко пробив хилую жесь.

«Первый – чисто, прием. Второй – чисто, прием...», – вооруженные боевики, четко по-военному, строго по графику, докладывали обстановку. Механически отжимая гарнитуру портативных радиостанций, закрепленных на поясе, они держали под контролем не верящих в реальность проис-

ходящего заложников. Захваченные люди были разбиты на маленькие группы и согнаны в помещения, разбросанные по всему заводу. По задумке террористов, такая тактика должна была до предела усложнить работу спецназа и упростить переговоры с официальными представителями властей.

«Седьмой – чисто, при...», – закончить фразу боевик не успел, рухнув как подкошенный на пол, с раскрытым черепом.

Женщина, сидящая в углу комнаты на коленках, закрыла рукой рот, и, сдерживая крик, тихо поскуливала от ужаса. Ее обнимал ребенок, большими испуганными глазами взирающий на страшную картину. Зрелище было впечатляющим и отвратительным одновременно. Перед заложниками, в луже крови, перемешанной с мозговым веществом боевика, стекающего по выломанной вентиляционной решетке, стоял огромный, черный волк, размером с небольшого теленка, неспешно озирающийся в комнате. Осмотревшись в помещении, он задержал свой взгляд на женщине с ребенком. Мягкой походкой, словно боясь еще больше напугать и так находящихся в шоке людей, волк подошел к женщине. Та, крепче обняв ребенка, жалась к стене, не смея отвести взгляд от удивительно синих глаз зверя, внимательно ее оценивающих. Через секунду, потеряв к ней интерес, волк перевел взгляд на ее сына. До этого момента Конраду не приходилось сталкиваться людьми за пределами питомника. Опыт общения с людьми ограничивался вечно злыми и

недалекими охранниками, да медиками, которые вызывали у него лишь подсознательный страх. А вот детей ему видеть не доводилось. Ребенок, копошащийся возле испуганной матери, с любопытством, перевесившим ужас, его разглядывающий, вызвал у Конрада живой интерес. Он принялся. Запах оказался неожиданно мягким, незнакомым и лишенным боязни. Обычно люди, видевшие его, пахли отталкивающим страхом и неприкрытой ненавистью. Ребенок не боялся его, и это открытие поразило Конрада и отвлекло от задания. Немного замешкавшись, он пропустил мимо ушей шум, доносящийся из коридора. То, что приближаются враги, Конрад понял лишь по панике, возникшей на лицах заложников, да надоедливо пищавшей рации на поясе мертвого террориста. Приближающихся боевиков было двое. Видимо, молчащая рация убитого вызвала подозрение, а те двое за стеной должны были удостовериться, что здесь все в порядке. Два боевика, с автоматами наперевес, еще не понимали, что, являясь последним препятствием на пути к командному центру, на самом деле были уже мертвы.

«Объект альфа, операция закончена. Возвращайтесь на базу. Дальше работает спецназ, конец связи».

Едва зачистив командный пункт боевиков, Конрад почувствовал неладное. И как будто цель была достигнута, но незначительные помехи, портящие гармоничный фон выполненной задачи, не давали покоя, зудом отдаваясь в голове. Что-то было не так. Конрад, спрятавшись в канали-

зационном узле, внимательно наблюдал за тем, что происходит в освобожденных помещениях. Картина не складывалась. Увлеченный зачисткой командного центра, он упустил нить происходящих событий. Незначительные детали, скрытые за переполохом освобождения заложников, нанизывались друг на друга, не давая расслабиться. Вот растерянный командир спецназа, от волнения снявший маску, сбивчивым голосом торопливо докладывает на базу. Вот бьющаяся в истерике женщина, едва сдерживаемая мужем, что-то выкрикивала через его плечо, обращаясь к бойцам спецназа. И что более всего резало взгляд и путало мысли, так это ухмыляющиеся лица боевиков, стоящих на коленях с заведенными за затылок руками. Лица людей, уверенных в своей безнаказанности и, главное в том, что события развиваются по их сценарию. Они, были абсолютно спокойны, прекрасно осознавая, что для них не всё еще закончено.

– Как он вам? – гордо улыбнулся помощник, почти с вызовом посмотрев на генерала.

– Весьма неплохо, – сухо ответил Дельгадо.

– Есть сомнения? – упавшим голосом спросил помощник. Спесь с его лица, молодого майора службы безопасности, которую возглавлял генерал Адриано Дельгадо, как ветром сдуло.

– Местами он становится неуправляем, – ответил генерал, постукивая костяшками кулака по столу.

– Я бы назвал это автономностью и адаптивностью, – торопливо, запинаясь, произнес майор.

– Игра слов. Его нестандартное мышление и непредсказуемость в будущем обещают нам немало неприятных моментов. Настораживает зависимость его решений от эмоционального фона, – произнес уставшим голосом Дельгадо, проведя ладонями по лицу. – Он способен на эмпатию? Взять бы хотя бы этот вопиющий случай с заложниками. Нарушив прямой приказ, он продолжил выполнение задания, подвергнув опасности уже освобожденных заложников и бойцов спецназа. Этот отход от плана заставляет задуматься.

– Разумеется, сэр, импровизации в его действиях никто не ожидал. Нужно время, чтобы проанализировать выход за рамки программы. Но не думаю, что это сопереживание. Да и специалисты склоняются к тому, что его действия были спровоцированы незапланированной сменой оперативной обстановки. Я бы назвал его действия вынужденными, и изменение плана действий было вызвано не эмоциями, а необходимостью оптимального решения возникшей проблемы и четкого выполнения задачи.

– Я не ученый, всего лишь старый вояка. Но даже у меня, с моим минимальным набором знаний, закономерно возник вопрос. Как он догадался, что у террористов существует запасной план? Молчишь? Полевые испытания нужно продолжать. Необходимо понять, как он поведет себя в условиях полной автономности. Что касается боевых навыков Конра-

да, я вижу, что он готов. И операция в комплексе лишний раз это доказала. Но одного больше к операциям не привлекать. Нам нужна надежная страховка.

– Джина, – майор кивнул, – безусловно, сэр, идея работы в паре не может не оправдать себя. Между Джиной и Конрадом налажена связь. Но, вернувшись к выводам, подтвержденным данными испытаний Джины, – он покачал головой, – она не готова. Что еще больше расшатает его эмоциональное состояние...

– О чем ты говоришь, – скривился Дельгадо. – Эмоциональный фон... Всего лишь инстинкты, которые легко подавить. На данном этапе испытаний твои сомнения неуместны, – Дельгадо поднял вверх ладонь, останавливая офицера. – Не забывай, ты мой заместитель. Решение все равно принимать мне. При других обстоятельствах я бы принял во внимание твое недовольство Джиной. Да у меня и у самого большие сомнения насчет эффективности этой пары. Но пока она рядом, он будет находиться в рамках допустимого риска. Да и прикрытие ему совсем не мешает. Помните главное, она – всего лишь спусковой крючок. Наш туз в рукаве. Если что-то пойдет не так, она устранил его, – закончил Дельгадо и посмотрел на своего заместителя.

У того дернулась левая щека, но штабная выучка помогла майору сдержаться, сохранив каменное выражение лица. Дельгадо усмехнулся, глядя на него, молодого, жадного до карьерных успехов и продвижения по служебной лестнице,

офицера. Офицера, не нюхавшего пороха. Не знающего, что это такое, лежать несколько суток в грязи, ходить под себя, боясь пошевелиться под снайперскими прицелами. Не знающего, что такое рукопашная схватка, когда видишь врага так близко, что ощущаешь запах пота и крови. И потом стоять у расстрельной стенки, в строю из пленных, где пулю получит лишь каждый второй. Любимое развлечение аборигенов. Когда ставят к стенке, и ты уже смирился со смертью – это проще. Но когда так... А потом, уже избежав смерти, сидеть за столом в окружении хитро улыбающихся арабов. Есть вместе с ними, прислушиваясь к вкусу пищи, ожидая, что тебя в любой момент отравят. Эти изысканные изуверства ломали людей. Его не сломали. Лишь сделали жестче и крепче. Давно это было. Его война. Так давно, что иногда ему казалось – все, что происходило с ним там, было всего лишь сном. Тогда он был никто. Рядовой оперативник. Такой же, как сотня других. Где они теперь? Большая часть погибла. Оставшиеся перебивались скромной пенсией. Кто поумнее – ушел в бизнес, другим повезло, и им не пришлось менять имена, устроившись в разнообразные силовые ведомства. Дельгадо тоже мог оказаться в числе тех, кого государство фактически отвергло. Но арабский плен перевернул его жизнь. Тогда он несколько суток провел в яме без еды и воды. Пока клетка над его головой не сдвинулась, и его, чуть живого, не бросили у разграничительной линии. Дойдя до края, заглянув в бездну смерти, он из пешки превратился в ферзя. Дельгадо

лишь много позже узнал, что своим спасением обязан Александре, прошедшей, зачастую со слезами на глазах, все инстанции, до самого верха. Но старался в общении с ней эту тему не поднимать. Даже тогда, когда карьера пошла в гору, а Симон оказалась среди тех, кто выполнял его приказания. Когда же они стали чужими? Почти врагами? Ответов было несколько. Но главной причиной, наверное, было то, что он отвергнул ее, не желая вспоминать время, когда он, совсем юный офицер, оказался в плену. Этот не самый выдающийся факт своего прошлого, он, ставший главой оперативного отдела, удалил из личного дела. Вместе с ним ему пришлось забыть и об отношениях с Александрой, фактически предав ее. А его победное шествие по карьерной лестнице продолжалось. В распоряжение Дельгадо поступили неограниченные технические и человеческие ресурсы. Контроль над вооружением сосредоточился практически в одних руках – его руках. И вот теперь это. Лучшее оружие, которое он когда-либо видел. А самая объективная проверка любого оружия – это проверка оружия в полевых условиях.

К людям Конрад был равнодушен. Одна лишь Танела, их наблюдающий врач, вызывала у него живой интерес. От него не ускользал ее влажный взгляд, с которым она осматривала его раны, вправляла вывихи и обрабатывала ожоги. Для Конрада, привыкшего к боли и крови, ее забота и тревога за его здоровье были непонятными и от этого пугающими. Но со

временем он привязался к ней, преодолев природную настороженность. Привязался той частью своей волчьей натуры, которая, в отличие от циничной оболочки ничего не чувствующего убийцы, была способна на искреннюю преданность и любовь. Среди серой людской массы, окружающей его с рождения, Танела в его глазах стала той единственной, кто относился к своим подопечным с нежностью и заботой. Она видела в них не только подопытный материал, а еще и живых созданий, способных чувствовать боль и страдания. Несколько раз он замечал, как она вступала в спор с такими же, как и она, людьми в белых халатах. Спорила Танела, не выбирая выражений, яростно жестикулируя и энергично махая головой, с забавным хвостиком черных волос. В такие моменты Конрада переполняла злость и дикое желание разорвать зубами тех, кто смел поднять на нее голос. Метаморфоза, происходящая с Танелой, когда та отстаивала своих пациентов, путала Конрада, наполняя его сердце смешанными чувствами. Всегда добрая и нежная со своими подопечными, Танела, защищая их, становилась жесткой и неуступчивой. Конрад уже выучил, что багровые румянцы, выступающие на ее щеках в редкие мгновения вспышки гнева, не предвещали для любого, кто встал на пути Танелы, ничего хорошего.

– Что, Конрад, опять попало нам с тобой, – она со вздохом поправила провода, окутывающие Конрада. Приборы тревожно пищали, отсчитывая зашкалившие уровни химического заражения. Повернувшись к нему, она с печалью в гла-

зах, от которой внутри Конрада всё переворачивалось, провела рукой по его шерсти.

– Ну-ка, давай посмотрим, как твои ожоги, – поправив очки, она ощупала пальцами еще свежие рубцы на его животе. Химикаты тяжело выходили из его организма, затрудняя заживление ран, а токсины отравляли внутренние органы, заставляя Конрада тяжело дышать, мелко подрагивая кожей.

– Так, Конрад, потерпи немного, дорогой, вот та-ак, – Танела аккуратно поставила ему капельницу, пощелкав пальцем по пакетам с физраствором. – Ничего-ничего, пару дней я тебе выбила. Надо же, как на собаке всё заживает, – она довольной прищурилась и потрепала его загривок. Конрад ткнулся носом в ее коленки, и, забыв об острой боли, прищурился от удовольствия, жадно ловя такие редкие мгновения счастья.

Ну-ну, – она поправила накидку на лежаке, – не шевелись, отдыхай.

Заметив, что Конрад прикрыл глаза, уложив голову на вытянутые лапы, Танела подошла к столу. До конца смены оставалось всего несколько часов, а нужно было еще закончить заключение по Конраду. К утру она должна была представить полный медицинский отчет по состоянию его ран и степени готовности к следующему этапу тренировок.

В углу стола пискнул коммуникатор. Вызов был внешний, и не ответить она не могла. Подумав несколько мгновений, пока телефон не умолкал в ее руке, Танела, всё же нажала

кнопку вызова.

«Я просила вас не звонить мне в нерабочее время. Я понимаю, что дело не терпит отлагательств. Да, сейчас он отдыхает, необходимо время, чтобы поставить его на ноги. Нет, повторяю, он пока не готов». – Танела перевела взгляд на отдыхающего волка, и, нахмурившись, приложила телефон к уху. В ответ на тихое бурчание из трубки она механически кивала, местами закусывая губу, а местами, отведя от себя коммуникатор, беззвучно выругивалась.

«Я понимаю вас. Но Джина... Она здесь совсем недавно. Я не готова поручиться за нее. Прекрасно», – она в очередной раз оторвала телефон от уха, и, чертыхнувшись, глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

«Хорошо, я ускорю подготовку. Конрад? Мне нужно трое суток, не меньше. Или за успех следующих испытаний я не ручаюсь», – она еще несколько минут сидела, бездумно рассматривая телефон, пока, словно очнувшись, не отбросила его в сторону. Очнувшись от мыслей, Танела, перевела взгляд на безмятежно спящее черное чудовище, к которому привязалась словно к ребенку.

«Хрен вам, а не испытания», – зло выругалась она про себя, вспомнив хищные лица комиссии, с циничным интересом рассматривающих ее подопечных, метаящихся за клеткой. И острый взгляд генерала, загорелого, стареющего ловеласа, плотоядно ее рассматривающего.

«Нужно подготовить Сверчка и Лютого, без них я не

справлюсь. А Джина... Я отправлю ее в лечебный блок, – утвердительно подумала она. – Сбежать оттуда ей не составит труда».

Она еще раз подошла к спящему Конраду и провела ладонью по его голове.

«Отдыхай Конрад. Набирайся сил. Тебя ждет долгая и трудная дорога».

Охранник, широко зевая, шел по длинному коридору с толстыми решетками по обе стороны прохода, помахивая черной пластиковой дубинкой. Обитатели клеток приветствовали его кто голодным скулежом, а кто и громким, радостным лаем, в предвкушении утренней кормёжки. Охранник скучающе постукивал дубинкой по ряду местами прожаривших, длинных железных штырей, отгораживающих обитателей загонов от коридора с грязными, обшарпанными полами. Черно-белый рисунок, задуманный в шахматном порядке, уже давно был нарушен зияющими цементными выбоинами, на месте которых когда-то была выложена аккуратная плитка. Старый коридор помнил и другие времена; время, когда по блестящему, отражающему свет низко висящих ламп полу, проходили самые опасные преступники, получившие приговор по особо тяжким статьям. Теперь о них напоминали лишь личные автографы да пожелания будущим заключенным на стенах камер. Но нынешние местные обитатели, при всем своем желании, не смогли бы прочитать то,

что было там выцарапано. Наступало утро, время пробуждения и еды, но Конрад уже давно не спал. Лениво встав, он размял затекшие лапы и перевел взгляд на клетку напротив. Тень кружила в своем загоне, тихо скуля и подвывая. Уже две ночи она не давала спать Конраду, не желая смириться со своей участью пленницы.

«Сегодня уж наверняка заснёт, не железная же она, – подумал Конрад. – Домашняя, – утвердился он, отметив ее затравленный взгляд, – наверняка из зоопарка или заказника. Совсем силы не бережет, ну, ничего, привыкнет. Главное чтобы поняла, что если не будет выполнять программу, забракуют, спишут и усыпят».

Конрад с рождения находился в питомнике. За ним закрепилась репутация спокойного и исполнительного бойца. Другой жизни он не знал. Только каждодневные тренировки, без которых мышцы начинали болеть, а жадный до всего нового мозг впадал в непроходимую тоску. Потому он и не любил процедуры, не слишком болезненные, но требующие несколько дней реабилитации, когда от тоски и бездействия хотелось завывать. Но пару дней назад в питомнике появилась Тень. Люди называли ее Джина, но Конраду не нравились имена, которые им давали люди. Странные, ничего не значащие наборы звуков. Между собой они называли друг друга совсем по-другому. Слева и справа от него обитали Джек и Нептун. Джек, молодой и неугомонный, не знающий усталости, впадал в глубокий сон только после процедур. Вот и

приклеилась к нему кличка «Сверчок». Он не был против того, как его называли, добродушный, совсем не злой, но слегка туповатый. Хмурого Нептуна обитатели клеток между собой прозвали Лютым. Скорее всего, за его страсть быть всегда первым, на любой тренировке, не считаясь с ранами и увечьями. Своей или чужой болью – для него особой разницы не было. Азартный и страстный на полигоне, но совершенно спокойный в загоне – в этом был весь Лютый. Лютый и Сверчок свысока поглядывали на других обитателей клеток, проявляющих страсть только при виде еды. Но Конрада, вернее, как звали они его меж собой – Призрака, тем не менее, уважали. Первый, как равного себе бойца, а второй – за ум и рассудительность. Конрад снисходительно относился к своей кличке, тем не менее, отдавая предпочтение более привычному имени, данному ему людьми. А Джина стала Тенью. Не сразу конечно. Почему именно Тень? Конрад точно не мог сказать. Наверное, потому, что и выглядела как тень. Уставшая, изможденная длительным отрицанием воды и пищи. Тень вздрагивала всем телом, едва слышав лязг засовов решеток, и поджимала уши, спасаясь от скрипящего громкоговорителя, без перерыва, монотонно издающего совершенно новые и непонятные звуки. Игнорируя мягкие нары, находившиеся под перекрестным контролем камер слежения, и приглушенным светом дежурного освещения, Тень сворачивалась калачиком в темном углу камеры, пряча нос, на холодном цементном полу. Вот так, как-то само собой, и

привязалась к ней прозвище Тень. Лишь одно только выдавало в ней едва треплющуюся жизнь – свет ярко зеленых, почти изумрудных, с нереальным рисунком радужки глаз, переливающихся всеми цветами радуги.

Так, в беспокойных метаниях Тени и бессонных ночах Конрада, прошла неделя. Тень, наконец, успокоилась. К удовлетворению Конрада, она начала заглядывать в свою чашку с едой. Вначале украдкой, оглядываясь, она выхватывала с миски кусок мяса, и забивалась в угол, где жадно заглывала пищу. А ночью, что больше всего радовало Конрада – она стала спать. На восьмой день Конрад заметил, как Тень, дождавшись, пока надзиратель отойдет от решетки, спокойно, не спеша, съела свою утреннюю порцию. Насытившись, Тень забралась на нары и прикрыла глаза, окончательно смирившись со своей участью.

Прошло три месяца. Тень освоилась, хотя иногда и продолжала спать в углу на полу, и почти не подходила к решетке. К тренировкам она относилась спокойно, воспринимая их, как нечто само собой разумеющееся. Что же касается процедур, то тут она удивила даже умудренного опытом Конрада. Для полного восстановления ей с лихвой хватало суток, а то и одной лишь ночи. Несколько раз перед ее клеткой собирались люди в белых халатах, яростно жестикулируя и что-то записывая в своих блокнотах. Наверняка и они оценили удивительную способность Тени к регенерации, усилив

интенсивность процедур и дозировку препаратов. Тень, однако, к повышенному вниманию и увеличению времени процедур относилась спокойно, воспринимая как должное возросший интерес к своей персоне. Она органично переносила медицинское вмешательство и с легкостью выполняла учебную программу. Поэтому новость о том, что Джину переводят в операционный блок, стала для Конрада страшной и пугающей неожиданностью. Это случилось в то утро, когда Конрад как обычно взглянул в сторону клетки с Тенью и встретился с осмысленным, заинтересованным взглядом пронзительно синих глаз, оценивающе его рассматривающих.

Конрад шел вдоль двух шеренг охранников, еле сдерживающих беснующихся овчарок. Не любил он их. Готовых ради куска еды лизать пятки хозяевам. Недалекие, легко читаемые, но, надо отдать им должное, верные и хорошо знающие свою работу. На псов, которых они сдерживали, Конрад вообще не обращал внимания, не понимая, для чего они здесь нужны. Ведь для того, чтобы его сдержать, понадобится не меньше двух десятков таких, как они; беснующихся с пеной у пасти, наивно полагающих, что чем громче лай, тем больше страха. Охранники, и это не ускользнуло от Конрада, с уважением посматривали ему вслед, признавая в нем бойца и воина. Вот только Конрад к их уважению был равнодушен. С детства воспитанный в страхе перед тюремщиками, он всегда знал, что их страх куда сильнее. Се-

годня очередной экзамен. С одной небольшой вводной. Он не знал, с кем встретится на выходе. Это усложняло задачу. Непонятно, сколько нужно будет оставить сил для поединка. Зная противника, легко было рассчитать силы, оставив ровно столько, сколько понадобится для выживания. Он легко прошел все коридоры бункера, пожалуй, даже слишком легко. Это настораживало всегда готового к любым неожиданностям Конрада. Отмеренные им сотни километров испытательных полигонов подсказывали – трудности ждут его в самом конце. И он не ошибся. Насколько он был прав, Конрад понял только тогда, когда, выскочив из темных коридоров на дневной свет, освещающий арену для поединков, он увидел стоящих наизготовку Сверчка и Лютого. Один на один, в поединке с Лютым, у него были неплохие шансы. Сверчка он вообще как противника не рассматривал. Но против двоих... Конрад ошетинился, заняв боевую стойку. Он медленно, цедя каждую долю секунды, переводил взгляд с Лютого, тяжелой походкой продвигающегося к нему, на юркого Сверчка, пытающегося кругами зайти к нему за спину, да на охранников, азартно ожидающих начало боя. Те же, расположившись вдоль бортов арены, весело улюлюкая под визг собак, подзадоривали волков, предвкушая кровавую схватку. То, что случилось потом, произошло как в кошмарном, с тянувшимися, черно-серыми цветами, нереальном сне. Лютый и Сверчок, словно сговорившись, разом бросились друг на друга, под внезапно опустившуюся на арену тишину. Да-

же собаки притихли, непонимающе поджав уши. И тогда Ко-нрад побежал.

Он потянул ноздрями воздух. Запах был новый, совсем незнакомый, но зовущий и манящий. Сюда его привел инстинкт, иначе быть и не могло. Выжить здесь ему с Тенью поможет то, то чего нет у всех врагов и жертв, которые встретятся на его пути. То, что вложили в него люди, то, чему обучили. И порой невыносимо жестокими были с ним и с Тенью люди. Но они создали из него совершенное оружие, абсолютное и страшное. После побега из комплекса они с Тенью уже полгода бродили по лесам, насыщенным свежим дурманящим воздухом свободы, смешанным с незнакомыми, влекущими запахами. Воля, неожиданно раскрывшая им свои объятия после сумасшедшего побега, радостная Тень, неотступно следующая за ним, и постепенно просыпающееся в нём древнее, забытое чувство охотника, отточенное бесконечным числом предков до совершенства, будоражили и наполняли энергией молодой организм. Они влекли его, не останавливаясь, все дальше и дальше, на просторы неизведанных пространств. Можно ли было назвать это счастьем? Пожалуй, да. Впервые после бегства их из плена, и последующей за ним бесконечно холодной и голодной зимы, ему было легко и радостно. Лес встретил их с удивительным спокойствием и умиротворением. Привыкшему к постоянной опасности и преследованию, ему поначалу казалась дикой

беспечность мира, в который он попал. А Тень была счастлива. Ужас постоянного голода сменился сладкой, усыпляющей сытостью, а страх перед людьми и боль, которую ей причинили, постепенно, день за днем притупляло ощущение защищенности и спокойствия за маленькое сердце, бьющееся внутри нее. Еды хватало вдоволь и ей, и быстрорастущему малышу, который скоро должен был появиться на свет. Пока ей хватало сил охотиться вместе с ним, но все чаще отдышка сбивала темп погони, вызывая его недовольство. Нужно было найти безопасное место для Тени. Укромную нору в стороне от глупых, но наглых кабанов, лисиц, самых опасных врагов здешних мест и конечно людей, распугивающих обитателей леса ревущими моторами машин. Тень нуждалась в таком убежище, к которому бы никто не посмел подойти даже на расстояние запаха. Такое место в лесу было только одно, и оно было занято. И то, что Тень принимала за недовольство ее утяжеляющимся состоянием, на самом деле был страх за нее. Страх за неё и будущее потомство. Он как можно дольше оттягивал этот момент, момент, когда он запретит Тени пойти с ним. Но все решилось само собой. Однажды утром Тень не смогла подняться, взглянув на него тоскливыми глазами. И тогда он понял, пришло время хозяину уступить им место. Конрад не мог не понимать, что шанс против хозяина лишь один – застать его врасплох внутри пещеры, в тесном замкнутом пространстве. В его голове хранились уязвимые точки огромного числа жертв и врагов. У хозяина

таковых почти не было. Почти. К шее он не подпустит ни при каком раскладе. Но было у него еще одно уязвимое место. Восьмой позвонок. Нужно было, чтобы только он подставил спину. В открытом бою против пещерного медведя ему не устоять. Его единственный шанс заключался в изматывающей для гризли карусели боя. Боя, правила которого диким животным были неведомы. Жесткие, циничные, направленные только на одно – победу любой ценой. И когда, измотав и обескровив хозяина, он окажется у него за спиной, нужен будет только один, безболезненный и мгновенный удар. И не то, чтобы он боялся хозяина. Он знал, что люди обнаружат его присутствие в лесу. Может и не сразу, может и успеет их с Тенью потомство появиться на свет. И тогда им придется покинуть этот лес. В пещере хозяина Тень будет в безопасности и сможет спокойно выкормить потомство. Но охотиться без Тени, не боясь быть обнаруженным, он не сможет. Какое-то время им придется перебиваться мелкой добычей. Но голод Тени и быстрорастущего потомства заставит его выйти на большую охоту. Он проберется туда, где его никто не ждал, используя свое преимущество в скрытности и силе. Какое-то время люди не будут понимать, что происходит. Мгновенная атака и умело замеченные следы запутают их. Но он не тешил себя ненужными надеждами, что сможет долго безнаказанно приникать в их дом. Волновало его другое, чтобы Тень успела родить и выкормить потомство, до того момента, когда начнется совсем другая охота, охота людей на них.

Тень лежала рядом, сложив морду на лапы, и тихо поскуливала от голода и зовущего свежего запаха крови, от которого судорогой сводило все внутри. Но Конрад, в отличие от нее, чувствовал в этом запахе примесь омерзительно отталкивающего, почти неуловимого запаха страха. Воспитанный в нём, с тех пор, когда он еще не успел открыть глаза. Инстинкт ужаса перед человеком вопил, звал уйти от этого мрачного места, наполненного отталкивающими звуками, неестественным светом и нестерпимой вонью людей. Будь он один... Но вид голодной Тени пересилил страх, и он поднялся с брюха. В глазах его отразился свет искусственных фонарей, заставив похолодеть внутренности. Но лапы уже сами собой несли его в сторону зовущего, сладковатого запаха крови.

Часть третья. Парад планет

- Выходит, мы лишь орудия?
- Человек и есть орудие, которым пользуются другие люди, чтобы помочь всем нам выжить.

(Орсон Скотт Кард. «Игра Эндера»)

«...война оставила глубокие, еще долго не заживающие раны на теле цивилизации. И многое она изменила в людях, перетряхнув их устоявшиеся привычки, ценности и традиции. Последующий за наступившим миром тотальный запрет на все виды вооружений был разумным шагом, и, казалось, единственно верным решением. А перепаханная атомными взрывами и пропахшая порохом земля стала не только местом упокоения бесконечного числа солдат, но и могилой оружию, которое совсем недавно они направляли друг на друга. Вздых облегчения пронесся над многострадальной планетой, обремененной тяжестью тысячелетних войн, наполнив душу человечества надеждой...»

Еще утром префект северного округа Иван Радуга находился в прекрасном расположении духа. Дела шли как нельзя лучше: политическая карьера стремительно прогрессировала, градус популярности масс неизменно шел вверх, в доме царила идиллия, и будущее рисовалось в самых радуж-

ных тонах. А ведь каких-то десять лет назад он едва перебивался от пенсии до пенсии, которая у рядового ветерана была мизерной, в безуспешных метаниях между равнодушными работодателями. Таких, как он, владеющих одним лишь ремеслом убийства, были тысячи, десятки тысяч, огромная армия безработных военных, в одночасье оказавшиеся без средств к существованию. Многих такое положение сломало, часть смирилась, перебиваясь нищенской пенсией, часть спилась, и это была не самая тяжкая участь. Психика зрелого, полного сил мужчины, в большинстве случаев не выдерживала вынужденного бездействия, отягощенного молчаливым укором общества. Находились такие «Бывшие», которые забывали о своей присяге, озлобленные снисходительным цинизмом благополучного общества, и уходили в его тень, перейдя грань закона. Лишь единицам удавалось найти свое место в новом мире, провозгласившем отказ от насилия. Место, стоившее им своего прошлого, имени, семьи, друзей. Наверное, Ивану повезло. Он умудрился пройти по тонкому лезвию, балансируя между уготовленными его характеру крайностями, рискуя в любой момент потерять равновесие. Сколько раз, доведя себя до иступления, он выходил на улицу, морально готовый к воровству, грабёжам и насилию. Но каждый раз кто-то невидимый удерживал его за локоть, отгораживая, охраняя от безумных поступков. И дверь в его дом открылась. Открылась с внешней стороны. Она не была взломана полицией. Она не была открыта клю-

чом уставших кредиторов. В его дверь вежливо постучали.

И вот теперь, впервые за много лет, Иван почувствовал, что земля уходит из-под его ног, а прочный фундамент благополучия вот-вот даст трещину. Звонок Даниэля, как показалось ему на первый взгляд, с невинной просьбой помочь в одном деле, даже обрадовал Ивана. Все же он был должником Даниэля, как ни крути, а помощь друзьям, тем более друзьям, с которыми вместе проливал кровь, дело святое. Но куда больше ценил Иван помощь Даниэля уже после войны; в тот момент, когда он с головой погрузился в пучину безысходности, именно Даниэль протянул ему руку помощи. Нужно ли говорить, что Иван с радостью согласился помочь старому другу. Но потом... События, последующие за этим, напоминали ночной кошмар, нелепый, страшный и беспощадный. Поиск информации, которую Даниэль попросил найти, отозвался такой головной болью, которую Иван еще в жизни не испытывал. Уровень противодействия и секретности был просто запредельным. Чего только стоили одни звонки с ненавязчивыми, но не оставляющими вариантов для ответных действий требованиями прекратить расследование. Те крупницы информации, которые удалось добыть, могли стоить Ивану карьеры, были способны разрушить весь его мир. То, чем так заинтересовался Даниэль, на деле оказалось бомбой. Впервые со времен войны Ивану стало страшно, он был близок к отчаянию. Но положение можно было поправить. Дело оставалось за малым. Отговорить Даниэля от дальней-

ших поисков. Попытаться найти слова, способные образумить его, оградить от необдуманных поступков, способных поставить под угрозу не только его жизнь, но и благополучие людей, его окружающих. Остановить. Пока не стало слишком поздно.

Даниэль не стал заезжать на территорию института и припарковался в полупустой гостевой зоне. Отстегнув ремень безопасности, он пощелкал указательным пальцем по экрану навигатора, наотрез отказывающегося работать. Выругавшись вслух и мысленно пообещав себе всё же поменять автомобиль до наступления холодов, он хлопнул дверцей, отозвавшейся ему переливным звуком сигнализации. Его архаичная привязанность к старым гаджетам, к капризному навигатору, вызывающему постоянный переполох соседей автосигнализацией, и полное неприятие автопилота, вызывала у большинства знакомых недоумение. У большинства людей, недостаточно хорошо его знающих, сторонящихся и прячущих глаза, избегая тяжелого, мрачного взгляда. Что и говорить – он не особо-то и разубеждал окружающих в своей почти волчьей нелюдимости, а одержимость мерами предосторожности, устаревшими и совершенно ненужными в спокойной и размеренной жизни, являлась частью его натуры. А близкие люди, которых было совсем немного, принимали его таким, какой он и есть, по-доброму посмеиваясь над ним за его спиной. Мэри была одной из них; хотя и не получалось у

них встречаться чаще, чем хотелось бы, близость между ними и родство душ от этого не становились меньше. И ее срывающийся голос в телефонной трубке не оставлял никаких иллюзий по поводу ее состояния. Охранник на контрольном пункте знакомо кивнул, пропуская Даниэля мимо турникета. Даниэль натянуто улыбнулся, погруженный в свои мысли, не останавливаясь, вошел на служебную территорию. Далее институтской аллеи он проходить не стал, выбрав взглядом место в стороне от выходящих во двор окон белоснежных корпусов. Удобно расположившись на пластиковой скамейке, он, после некоторой паузы, достал из нагрудного кармана мобильный телефон и нашел в записной книжке Мэри. Для чего она позвала его? Позвала его тоном, не терпящим возражений и отговорок:

«Нет, Даниэль, с Игнатиком всё в порядке, слава богу. Тут другое...».

«К чему такая срочность», – подумал тогда он, но перепуганный голос на другой стороне телефонной линии говорил сам за себя лучше всяких слов.

Мэри появилась в конце пустой университетской аллеи, пересекающей тонкими ухоженными дорожками сосновый бор, перемеженный карликовыми березами и декоративными кустами. Сотрудники в белых халатах, отдыхающие на редких скамейках, приветствовали проходящую мимо Мэри, улыбающуюся им в ответ. Завидев Даниэля, Мэри ускорила шаг, забавно цокая каблуками туфель по влажному от

дождя асфальту. Даниэль грузно поднялся и, взявшись за ее локоть, поцеловал Мэри в щеку.

– Присядем? – спросил Даниэль. Мэри отмахнулась рукой от неуклюжей вежливости, но все же улыбнулась и, присев, прижалась к нему.

– Как Вика, держится? – спросил Даниэль.

– Она крепкая девочка, справится. Но что было бы с ней, если бы с Игнатом случилось непоправимое, боюсь даже себе представить, – со вздохом ответила Мэри и провела рукой по седой голове Даниэля.

– Игнатик молодой и здоровый парень, выкарабкается, можешь даже не сомневаться, – тихо ответил Даниэль.

– Ему очень повезло, что раны оказались не смертельные. Вот только крови много потерял, – Мэри примолкла, теребя пуговицы на его куртке. – Я соскучилась по тебе, Даниэль. Мне так жаль, что мы редко видимся, – неожиданно вырвалось у Мэри. – Сколько уже можно встречаться украдкой. Даже дети посмеиваются, – закончила она, отведя взгляд.

– Не надо, Мэри, – он покачал головой и поднял на нее глаза.

«Что же происходит сейчас в ее голове, коль она, преодолев застенчивость, решилась на такое откровенное признание. Дело, видимо, совсем плохо», – подумал он.

– Да и не время сейчас. Зачем ты меня позвала? – стальным тоном произнес Даниэль, мысленно одернув себя, увидев, как побледнела от его слов Мэри.

– Боюсь, всё гораздо хуже, чем мы могли себе представить, – похолодевшим голосом произнесла она, поправив воротничок, задравшийся от внезапного порыва ветра, – ты знаешь, чем я занимаюсь, и могу точно сказать тебе – дело плохо, Даниэль, мы все должны благодарить Бога, что он еще жив, – Мэри отвернула голову в сторону, проглотив комок в горле.

– Почему, Мэри? – только сейчас Даниэль заметил, что она изо всех сил пытается скрыть накатывающие слезы. Он, растерявшись ее слез, не придумал ничего лучше, как вытащить папку из безвольно сложенных на ней рук Мэри. Открыв документы, он углубился в чтение, пытаясь скорее не показать Мэри, что он заметил мокроту на ее лице, чем понять, что там написано. Мэри перебросила ногу на ногу, и, нервно порывшись в своей необъятной, совсем не дамской сумочке, достала длинные, тонкие сигареты.

– Вот, посмотри, – она протянула ему медицинскую папку. Пропусти результаты анализов, все равно ничего не поймешь, а вот снимки посмотри, – бросила Даниэлю Мэри, щелкнув золотистой, инкрустированной нефритами, зажигалкой.

Даниэль оторвался от чтения, посмотрев на зажигалку, когда-то подаренную им Мэри. Покачав головой, он сосредоточился на снимках, сделанных профессиональным судмедэкспертом.

– Зачем ты мне это показываешь, я этих картинок в своё

время столько насмотрелся, что до сих пор тошно. Тут и школьнику понятно, – он постучал пальцем по фотографии с трупом косули, – характер нанесенных увечий ясно указывает на волка.

– Волков, – Мэри выдохнула дым сигареты, и повернула голову, внимательно посмотрев в глаза Даниэля. – Вот, – она ткнула пальцем в раскрытую папку, – повреждения практически идентичны, да, но диаметр и форма прикуса абсолютно разные. – Даниэль насупился, почесав затылок.

– Черт, – Мэри вырвала папку из рук Даниэля, развернулась к нему. – Послушай меня внимательно, ко мне приходил Игнат. Принес эти снимки и соскоб с трупов животных. Странная, не правда ли просьба? Не знаю как, но Игнат еще тогда почувствовал неладное. Не иначе, как с твоей легкой руки. Так вот, анализы подтвердили, что волков двое, причём это самец и самка.

– О, как, – присвистнул Даниэль, и на миг задумался. – И Игнат об этом так и не узнал. – Мэри покачала головой, и, отвернувшись от него, достала очередную сигарету.

– Есть еще одно, Даниэль, – Мэри внимательно взглянула на не прикуренную сигарету, и, помедлив, швырнула ее мусорный бак. – Волчица – кормящая. Судя по результатам анализов, оценилась она недавно, что-то около месяца. Этого достаточно для того, чтобы она смогла, в крайних случаях, на некоторое время оставить щенят одних.

– И что? – бессмысленно отозвался Даниэль.

– А вот что, – выдохнула Мэри. – Раны на Игнате Её. Я сличила анализы. На него напала волчица.

Между ними повисла тишина, нарушаемая лишь шумом листвы, да перекатывающимся гулом водопада, у подножья которого и располагался институт.

– А он и не подозревал, что на него устроили охоту, – одними губами прошептал Даниэль, – и подпустил к себе волчицу, – он, наконец, взглянул на Мэри, и она отшатнулась от его взгляда. Таким его Мэри никогда не видела. Это были глаза хищника, глаза охотника, в которых непостижимым образом перемешались противоречивые чувства. Чувства мести, злости, азарта и какой-то inferнальной радости и предвкушения вкуса крови. И тогда она всей кожей ощутила первобытный страх, страх за себя, за детей, за любимого человека, который на твоих глазах превращается в зверя. И, наверное, по-настоящему только сейчас до нее дошла вся серьезность происходящего.

– Я знаю, Даниэль, что ты задумал, – сказала тихо Мэри и осеклась. Даниэль молча встал со скамейки, повернувшись к ней спиной. – Поэтому и не хотела говорить тебе. Не делай этого, ты же понимаешь, что ты уже далеко не юноша. Игнат не справился. Куда уж тебе – пень старый, – добавила она и всхлипнула.

Она и представить не могла, что сможет жить, зная, что рядом нет Даниэля. Ее испугала сама возможность разлуки с ним, и мысль, что она может его потерять, была для нее как

гром среди ясного неба. Нет, оказывается, она до сих пор не разобралась в своих чувствах.

– Я должен, – ответил он, стоя к ней спиной, не смея повернуться.

– Я тебе не все рассказала Даниэль, – тихо произнесла Мэри. – Присядь, пожалуйста, – попросила она. – Ты даже не представляешь себе, с чем придется иметь дело, вернее с кем, – уточнила она, слегка, запнувшись. И эта ее заминка не проскользнула мимо ушей Даниэля.

– Рассказывай, – сказал он, немного успокоившись, и присел рядом. – С кем мне придется иметь дело?

– Эти звери не совсем волки, вернее волки, но...

– Что но? – переспросил он.

– Ты что-нибудь слышал об искусственной репликации ДНК? – спросила она. Даниэль в ответ покачал головой, напряженно ожидая продолжения. – Ладно, объясню на пальцах. Из тех образцов, что удалось собрать Игнату, уже стало понятно, что эти волки – очень необычные звери. Я своим глазам не поверила, когда увидела полученные результаты тестов ДНК, – Мэри встряхнула головой, словно отгоняя наваждение.

– Да что с тобой? – заволновался Даниэль.

– Ничего, – она махнула рукой, и приподняла к небу глаза, пытаясь сосредоточиться и ухватить за хвост ускользающие смутные воспоминания. – Несколько лет назад нам на разработку прислали эталонный образец ДНК, и поставили за-

дачу провести математический расчёт для её последующего проектирования и дальнейшей искусственной репликации.

– Что ещё за образец, – нахмурился Даниэль.

– Вначале мы подумали, что это всего лишь математическая модель идеального организма, – она ненадолго приоткрыла рот, обдумывая, как обойти сложные научные термины, – не ломай голову, есть в нашей среде такой термин. Никого отношения к реальной жизни он не имеет. Скорее он разрабатывается как эталонный образец, для практической работы. Как же тебе доступно объяснить? – она прикусила губу. – Если бы я верила в инопланетян, я бы подумала, что эта ДНК внеземных существ, на Земле такого сложного генетического кода не существует.

– О чём ты? Яснее Мэри, для меня твои слова – тёмный лес, – Даниэль нетерпеливо взглянул на Мэри.

– Ну, хорошо, – она шумно выдохнула, – эндокринная и иммунная система организма, который имел бы такой код ДНК – поразительны, и ни на что не похожи, – Мэри задумчиво посмотрела на Даниэля. – Проще говоря, система регенерации этого организма совершенна. Он практически неуязвим и бессмертен. Уничтожить его можно только разрушив мозг. Но с крепостью костей его черепа – и это будет весьма проблематично. – Она повела плечами, – ...одним словом – совершенство.

– Ну, и как успехи? – усмехнулся Даниэль.

– Безнадёжно, – покачала головой Мэри. – Процесс синте-

за дочерней молекулы на основе матрицы родительской молекулы ДНК нам так и не дался. Но этот, ни на что не похожий код, я запомнила хорошо. – Мэри примолкла, внимательно посмотрев в глаза Даниэлю. – Я вначале не поверила своим глазам, но все же сличила тот, присланный мне образец, с образцами, которые мне передал Игнат. Так вот, – выдохнула Мэри, – они практически идентичны.

Даниэль вздрогнул от ее слов, почувствовав, как по позвоночнику прокатился холод необъяснимого страха.

– Мэри, – не своим голосом, растерянно прохрипел Даниэль, – да объяснишь ты мне, наконец, что происходит?

В ответ она лишь покачала головой и шмыгнула носом.

– Я сама не совсем понимаю, – жалобно произнесла она, окончательно этим выбив Даниэля из колеи.

– Мне нужно знать, кто прислал вам этот образец, – выдавил он из себя несколько слов, ровно столько, сколько смог. В ответ Мэри суетливо порылась в сумке, судорожно перебирая свои вещи.

Она протянула потертый, пожелтевший листок бумаги Даниэлю.

– Заказ был частный, хорошо оплачиваемый. Здесь личные данные клиента.

Даниэль молча, взял протянутый, в несколько раз сложенный лист бумаги, и отвел взгляд в сторону, словно стесняясь посмотреть в сторону Мэри. Развернув его, он мельком пробежался взглядом по его содержимому и озадаченно почесал

затылок.

– Далан Ковач. Где же я слышал это имя, – задумчиво произнес он, напрягая память.

– Он известный врач, профессор, бывший директор института генетики. Год назад умер от рака.

Даниэль в ответ покачал головой, бессильно пытаясь вспомнить события, связанные с этим именем.

– Да, конечно. Официальная информация. Это я помню. Но меня не покидает чувство, что мы знакомы лично, вот только при каких обстоятельствах могло знакомство это пройти – хоть убей, не помню.

– Ну, я сама мало, что о нем знаю. Знаю только, что он ветеран войны. Участвовал в боевых действиях на ближнем востоке, если это тебе поможет.

– Может быть, может быть, – задумчиво ответил Даниэль.

Присев на скамейку, он зажмурился и взглянул на солнце, местами скрывающееся за низкими облаками.

– Сегодня, наверное, будет дождь. Тебя подвезти, Мэри? – спросил он ее, и вопросом этим словно хотел как можно быстрее закончить разговор, вымотавший их до предела.

– Подвези, Даниэль, если не сложно, – вздохнула в ответ она. – Ты всё такой же твердолобый, как и раньше, ничего не поменялось. Даже года не берут тебя, – грустно улыбнулась она.

– Пожалуй, – произнес Даниэль, пропустив мимо ушей ее слова, – я эту папку придержу у себя.

Мэри вскинула на него тревожный взгляд, но тут же отвела глаза, понимая, что спорить бесполезно.

– Здесь результаты анализов, надеюсь, – со вздохом сказала она, – они тебе пригодятся. Генри мечется, грозитя связаться с начальством в столице и дойти до самого верха. Он в панике, Даниэль. Да еще Игнат... Совершенно выбил его из колеи. Не наломал бы он дров. Что будем делать с этим? – она кивнула на папку.

– Есть идея, Мэри. Прежде чем что-то предпринять, нужно связаться с одним человеком. Думаю, он сможет ответить на мои вопросы. И найдет лучшее применение тому, что тут находится.

– С кем? – Спросила она.

– С одним старым знакомым. Большая шишка скажу тебе. Но он мой должник и, надеюсь – всё еще друг. В любом случае, отказать в помощи он не сможет.

– Спасибо, что зашел, Даниэль, – шериф торопливо встал из-за стола, протянув вспотевшую ладонь. Проходи, садись, – Генри суетливо помахал секретарше руками и та, почти испуганно поздоровавшись с Даниэлем, выпорхнула за дверь. Даниэль, улыбнувшись ей в след, перевел помрачневший взгляд на шерифа.

– Даниэль, – шериф прокашлялся; комок в горле никак не хотел проходить, – присядь, пожалуйста, не стой. Прости, что пришлось тебя вызвать официально, но поверь мне, так

будет лучше.

Даниэль удивился неожиданно тактичному, почти услужливому тону тучнеющего с годами Генри, но на стул сел.

– Что ты на меня так смотришь? – Генри виновато отвел взгляд, – да брось ты, ну не смог я удержать его, прости. Эта его гордость и упертость, никогда не представлял, как с ними бороться. Наверное, что-то я в свое время недоглядел.

Даниэль усмехнулся. Генри, заметив усмешку, вспыхнул, но смолчал. Сверкнув глазами, сквозь сжатые губы, он добавил:

– Но и твоя вина в том, что произошло, немалая. Да, я просил его разобраться, но кто бы знал... – он притих и опустил голову. – Ты не подумай чего, но мне просто не к кому обратиться. Связаться с начальством? А что я им скажу? Да меня на смех поднимут. Волки, призраки, хищники, непонятно кто. Все это было бы похоже на страшную сказку. Если бы не Игнат. Молчишь? А ты представляешь, какая буря поднимется, если известия о том, что случилось, со всеми подробностями, выйдут за пределы заповедника. Тут уже никому не будет до смеха. У меня каждый комар на подотчете, – Даниэля аж скривило от этих слов, а Генри все больше распалялся, – да, на подотчете, и не смотри на меня так. А тут появляется непонятно кто. Весь парк на уши поднял. Но мало ему. Решил и в поселок залезть. – Теперь только нам с тобой вдвоем предстоит разобраться с этим зверем. Ты ведь тоже этого хочешь, – Генри вопросительно, почти требова-

тельно, взглянул на Даниэля, но, натолкнувшись на плотную стену молчания, торопливо продолжил:

– Не хотел я поднимать эту тему, но... Многие в посёлке знали, что ты прячешь оружие, – выдавил из себя Генри, уже не зная, как достучаться до Даниэля, опустившись до примитивного шантажа, – знали о стрельбище, о том, что ты охотишься, что используешь незаконное, боевое оружие.

– И ты? – хмуро спросил Даниэль.

– И я.

– К чему, Генри этот разговор? Что ты вечно ходишь вокруг да около. Для чего ты меня позвал? – рассердился Даниэль. – Ворошить дела давно минувших дней? Так я пойду, пожалуй. А ты заходи вечером, посидим, поболтаем по душам.

– Да подожди ты, – словно решившись, выдохнул Генри, и, встав из-за стола, подошел к сейфу. Помедлив, он открыл скрипящую дверь высокого, чуть ли не двухметрового сейфа, он, слегка замешкавшись, достал длинный, в свой рост, сверток, обернутый грубой тканью.

– Что это? – Даниэль вопросительно вздернул бровь.

– А ты не догадываешься?

– Много ума не надо, чтобы сообразить, – пробурчал Даниэль, посмотрев, на поставленную у стола винтовку, обернутую в брезент, перевязанную простой бечевкой. – Откуда, Генри?

Генри внимательно всматривался в находившегося в за-

труднении Даниэля. Казалось, он наслаждается повисшей в комнате тишиной, пытаясь как можно дольше растянуть этот момент. Но, разумеется, это было не так. На самом деле, он смертельно боялся того, что происходит, подсознательно оттягивая возможно самое важное решение в своей жизни.

– Твой подарок, – тихо произнес Генри, – ее нашли рядом с Игнатом.

В комнате повисла громовая тишина, прерываемая лишь шумом вентилятора.

– Волчица, – прошептал Даниэль.

– Тимбервольф, – кивнул Генри. – А ты что же, думаешь, я не знал? – шериф наклонился через стол к егерю, – знал, но молчал. – Генри, устав сдерживаться, взорвался и в сердцах махнул рукой. – Скажи спасибо Мэри – она за тебя просила.

Даниэль нахмурился, и Генри, заметив его реакцию, поспешил оговориться.

– Нет, нет, ты не подумай чего плохого, я согласился с ней, да и не мог не согласиться. Но это было потом. Тогда я еще и представить себе не мог, что ты станешь для Игната вторым отцом, да что уж теперь говорить-то об этом. Ты же понимаешь, что поначалу ничего, кроме подозрения твоя личность не вызывала. Но я всегда уважал тебя, и где-то даже, – шериф запнулся, – восхищался твоим прошлым. Я не докладывал о незаконном оружии, хотя мог бы, еще с тех пор, когда ты взялся за обучение сына. Закрыв я глаза и тогда, когда ты подарил ему волчицу. Да и разве позволил бы я тебе общать-

ся с сыном, если бы не был уверен в тебе? – Генри заглянул в глаза Даниэлю, словно пытаясь рассмотреть в них хотя бы толику понимания. Но, натолкнувшись на непроницаемый взгляд, лишь вздохнул. – Ты представить себе не можешь, чего мне стоило попросить у тебя помощи. Уж к кому-кому, Даниэль, а к тебе бы я к последнему обратился с просьбой. А ты пытаешься, как всегда, отмолчаться. Ведь из-за тебя, – Генри поднял повлажневшие глаза на Даниэля, – да, только из-за тебя Даниэль, Игнат сейчас на больничной койке. Это из-за тебя он решил стать егерем. С тебя он брал пример, не желая ни с кем советоваться, считая себя умней всех. И теперь ты сидишь передо мной, с таким видом, будто ничего не произошло?

Генри хлопнул ладонью по столу и выскочил на середину комнаты. Его будто прорвало. Несколько минут, он, брызжа слюной, и тыкая пальцем в Даниэля, срываясь на крик, высказывал все, что он думает о Даниэле, лесе, с его зверями и твердолобом Игнате. Даниэль взирал на происходящую метаморфозу Генри с нескрываемым изумлением и отвращением. Не сказать, чтобы он испугался. Но таким за долгие годы знакомства и дружбы он видел Генри впервые.

– Ты думаешь, я зря вытащил на свет винтовку? Ведь я мог легко от нее избавиться. Нееет, Даниэль, ведь это твой подарок, в конце концов, и подвел его к краю могилы.

Потрясенный Даниэль молчал, прекрасно понимая, что возразить Генри ему нечем. Оставалось одно, дожидаться по-

ка он успокоится: «И будь, что будет», – уже теперь обреченно подумал он, подавленный откровенностью Генри.

– Думаю, ты найдешь лучшее применение волчице, чем если бы она пылилась у меня в сейфе, – Генри, неожиданно успокоившись, провел рукой по обвязанному брезенту. – Временное разрешение на хранение оружия я тебе выбью, – холодным тоном продолжил Генри, – но когда, – он запнулся, и скосил взгляд на винтовку, – ты решишь ей воспользоваться, об этом никто не должен узнать, – шериф ненавистно взглянул на Даниэля, которого буквально скрутило от этого взгляда Генри.

– Ну, добро, егеря? – Генри протянул Даниэлю руку, в ожидании рукопожатия.

– Ладно, – Даниэль, с запозданием, пожал протянутую руку.

И это рукопожатие было отнюдь не дружеским. Скорее оно было жестом скрепления договора между двумя теперь уже совершенно чужими людьми.

«...подразделение «Timberwolves» – по сути, являлось отрядом диверсантов, скомплектованным преимущественно на базе команд спортсменов-стрелков. Кроме того, в его состав входили егеря и охотники канадских и сибирских лесов, амазонской сельвы и африканских пустынь. Командный состав «Timberwolves» был организован из наиболее опытных офицеров горных егерей и снайперских групп, входя-

щих в состав подразделений быстрого реагирования. Основной задачей отряда являлось ведение скрытной подрывной деятельности в тылу врага, преимущественно в горно-лесистой, пересеченной местности, пустыне, а также, в исключительных случаях, в условиях Крайнего Севера. При формировании отряда «лесных волков» использовался передовой опыт подготовки диверсантов странами, традиционно считающимися лучшими в тактике ведения «бесшумной войны», такими как Израиль, Россия, Корея, Франция, Колумбия, Мали и некоторыми другими....»

«...воинский жетон лесных волков, как неотъемлемый компонент их экипировки, отличался от медальонов общевойсковых воинских подразделений не только материалом, из которого он изготавливался, но информацией, содержащейся на нем.

Нержавеющая пластина из высоколегированной стали, с золотым напылением на изображении волка, несла на себе минимум данных о владельце жетона. Кроме волка, изображенного на пластине в профиль, жетон содержал боевой позывной владельца и цифровой код, расшифровывающийся как номер подразделения, военная специальность и личный номер бойца. Не имея специального доступа к засекреченным данным, содержащим информацию о личном составе подразделений спецназа, установить личность погибшего спецназовца было практически невозможно.

Зачастую тела погибших спецназовцев в спешке боев

идентифицировались лишь по вторичным признакам – шрамам, ожогам и татуировкам.

Однако с опознанием бойцов Timberwolves проблем не возникало почти никогда. У всех них на тыльной стороне предплечья был вытатуирован волк с кличкой-позывным, использовавшимся только в его отряде. Знак зверя – так принято было называть внутри подразделения эту татуировку. Впоследствии «знаком зверя» стали именовать и солдатские жетоны лесных волков...»

От размышлений Ивана оторвал вызов коммуникатора. Секретарша доложила, что гость прибыл, и Иван, подобравшись, неожиданно для себя самого, прокричал в коммуникатор, что он думает о секретарше, ее умственных способностях и скорости перемещения по офису. Нажав кнопку отбоя, Иван откинулся на кресле, и выдохнул, ослабив галстук. Мысли его метались, не оставляя возможности сосредоточиться на визите гостя. А за стеной его кабинета секретарша, суксившись, оторвала трубку с гаркающим шефом от уха, и с грохотом опустила ее на место. Поправив строгую юбку и белоснежную рубашку с высоким воротником перед зеркалом, она показала себе язык, и демонстративно постукивая каблуками, открыла дверь в коридор. Гость, закинув ногу на ногу, скучал в кресле, механически перелистывая буклеты предвыборной кампании Ивана Радуги. Секретарша вежливо пригласила гостя в приемную, с формальной улыбкой доложив, что его ждут, про себя же пожелав шефу, чтобы тот

как можно скорее облез, облысел, ну, и вообще, шел к чёрту.

– Здравствуй, Иван, – вошедший Даниэль подал руку Ивану, который слишком торопливо оторвался из кресла, придерживая ослабленный узел галстука. Нервозность Ивана, его метаящийся взгляд не остались без внимания Даниэля. «Непростой будет разговор», – подумал Даниэль, всматриваясь в Ивана, не зная еще, каких ждать новостей.

– Здравствуй, Даниэль, – нервно ответил на рукопожатие и осёкся, увидев вздернутую бровь Даниэля. – Прости, – Иван махнул рукой, – прости Даниэль, и не обращай внимания на мой внешний вид. Это все нервы, будь они неладны.

– Ничего, Иван, нам сейчас всем невесело, – ответил Даниэль, не глядя на друга, рассматривая многочисленные грамоты и сертификаты, в немалом количестве развешанные вдоль стен. Лицо Ивана посерело. Он медленно опустился в кресло и прохрипел секретарше в коммуникатор, что его не для кого нет. – Есть новости?

– Понимаешь, Даниэль, такое дело, – Иван отвел глаза, многозначительно примолкнув, – в общем, я кое-что нарыл, но это тебе не понравится. – Он замолк, задумчиво прогоняя большим пальцем листки документов в серой лабораторной папке, которую несколькими днями раньше принес ему Даниэль. – Хе, это еще мягко сказано, – почти взвизгнул Иван, – что не понравится. Информации об объектах, – он умышленно сделал ударение на слове «объектах», – тебя интересующих, даже в электронном виде не существует, – со-

рвался он на хрип, отбросив папку в сторону.

Поднявшись на ноги, Иван, запинаясь, изложил всю сложность положения, в которое его поставил Даниэль, дополняя слова несуразной жестикуляцией. Иван острыми уколами из запугивания, взывания к его пониманию и здравому смыслу, пытался донести до Даниэля, что они разом прищемили хвост чуть ли не половине госаппарата страны. Перестав семенить по комнате, он уселся на стол, приблизив лицо к другу, и шепотом, словно боясь, что их подслушивают, продолжил, – Поверь, Даниэль, тебе лучше не влезать в это дело, – он с выдохом провел рукой по старому морщинистому, но по-военному выбритому до синевы лицу. – Без тебя разберутся. Те, у кого есть соответствующие полномочия. И зачем я тебя послушал, – он громко, по-русски выругался.

Таким Даниэль видел Ивана всего пару раз. Первый раз, когда фидаи прорвались в их окопы, сойдясь с бойцами легиона в рукопашной схватке. И второй раз, когда он вытаскивал его из бронетранспортера, с готовой вот-вот рвануть боеукладкой; раненого, обожженного, истекающего кровью, почти умирающего и молящего чтобы тот его бросил.

– Ты мой должник, Иван, помнишь еще? – мрачно спросил Даниэль.

Иван внимательно посмотрел на Даниэля. И не понятно было, что больше в его взгляде – осуждения, непонимания, настороженности или обыкновенного страха. Иван медленно слез со стола и обойдя его, обреченно выдвинул на своей

стороне ящик. Порывшись, он выбросил поверх папки пачку документов и фотографий. Сама пачка не была толстой, но страх в глазах Ивана был слишком многозначительным, чтобы усомниться в важности ее содержимого.

– Не так уж и много мне удалось узнать, Даниэль. Но кое-что есть. Но для начала давай договоримся. Я рассказываю все, что знаю, но документы и твоя папка останутся в этом кабинете, так будет лучше для всех, согласен? – Даниэль с усилием кивнул, соглашаясь с Иваном.

Ну и ладненько, – Иван хлопнул себя по коленям и отошел к окну, оставив Даниэля наедине с чтением папки. В окне пронесся сине-белый экспресс, заставив Ивана застонать от боли, вызванной резким свистом предупреждающих сигналов. Накатывала волна головной боли, холодом отдающей во всем теле. Дрожащей рукой он дотянулся до нагрудного кармана, нащупывая пузырек с трамаолом. Сколько лет прошло, а последствия контузии всё еще давали знать о себе. В голове Ивана была заложена бомба замедленного действия, готовая в любой момент взорваться. Инсульт был неизбежен, и Иван прекрасно осознавал, что его наступление лишь вопрос времени.

– Доволен? – с оттенком обреченности произнес Иван, прервав затянувшуюся тишину. – Это всё, что я смог найти. Но и этого с лихвой хватит для того, чтобы сломать мне карьеру, а тебя изолировать до конца жизни. Я понимаю, тебе плевать на свою жизнь. О моей жизни, – продолжал Иван,

монотонно настукивая всеми пальцами по стеклу, ощущая, как боль медленно разжимает свои костлявые когти, – ты вообще не задумался. Но подумай об окружающих тебя людях, твоих близких, об их судьбе.

Даниэль механически кивал, жадно перелистывая содержимое документов.

– Это всё? – Даниэль вскинул глаза на Ивана.

Иван пожал плечами, устало ответив:

– Объекты шесть и двадцать семь. Альфа и гамма. Рабочие клички – Конрад и Джина. Конрад – группа ликвидаторов, Джина – зачистки. Боевые прототипы, идеальные убийцы, – прошептал Иван. – Их зрению любая оптика позавидует, а скорость и сила..., – Иван отвел глаза в сторону, – если он окажется от тебя на расстоянии менее сотни метров, все, можно читать последнюю молитву, шансов практически нет. Поэтому я думаю, что везение твоего Игната совсем даже не везение, они не хотели его убивать, вот что странно. Характер ран говорит сам за себя. Жизненно важные органы затронуты не были. Конечно, он потерял много крови, но не похоже, что их целью была его смерть. Скорее они восприняли его как досадную помеху. И отсюда вытекает другой вопрос, чему он мог помешать? – Даниэль нахмурился, а Иван, не глядя, продолжил:

– Даже если он и успел нанести волку удар – в горячке боя, с их системой регенерации, они не обратили бы внимания на нанесенный им урон, каким бы серьезным он не был. Пом-

нишь фидаев? Берсеркеры, мать их... – Иван дотянулся до рамки с армейской фотографией, и, протер ее рукавом. Лицо Даниэля почернело, а под глазами показался нервный тик.

– Сомневаюсь, что тебя успокоит мысль о дефективности экземпляра, – продолжил он. – Его программа в любом случае нарушена, если вообще она теперь существует. Им движет инстинкт, инстинкт хищника. Но самое страшное, что навыки его никуда не делись. Его способности и умения на воле только обострились. Я не уверен даже, что кто-то способен его остановить, – он выдохнул и провел рукой по лицу, словно пытаясь смахнуть наваждение. – Эксперты, которых мне удалось уговорить проанализировать отчет, говорят, – очнувшись от своих мыслей, Иван кивнул на документы, – что волчица, в отличие от самца, не приспособлена к выживанию на свободе. Существует большая вероятность того, что он сломал программу после включения более высокого приоритета, чем приоритет инстинкта самосохранения.

– Выживание рода, – кивнул Даниэль.

– Вот именно, – подтвердил Иван и криво усмехнулся. И гримаса эта отдавала уже другими чувствами, нежели страхом и паникой. Больше в ней было усталого непонимания иррациональности происходящих событий и тяжелых раздумий над своей дальнейшей судьбой.

– Для всех лучше будет, если их уничтожить, как можно быстрее и тише, чтобы даже следов от этих тварей не осталось. Иначе поднимется такая буря, которая всех нас словно

стог сена по полю разметет.

«...формально полиция и другие силы правопорядка после запрета на ношение и использование оружия все еще имели на своем вооружении некоторые виды автоматического и полуавтоматического оружия. Фактически же его использование сводилось к нулю. Каждый случай применения оружия являлся экстраординарным событием, и правомерность его рассматривалась со всей строгостью и тщательностью.

Хаос, захлестнувший города после мировой войны, связанный с потерей контроля сил правопорядка над соблюдением законности и ухудшение криминальной обстановки, рассматривался правительствами стран как временное явление, необходимым злом, не имеющим существенного влияния на растущее благосостояние граждан и в целом на стабильность в обществе. Одним из выводов, утвержденных в документальном виде Советом безопасности и Юнеско, многочисленных социальных исследований, являлось то, что с каждым последующим поколением агрессивность отдельных социальных групп и граждан в целом будет снижаться по экспоненте. Прогноз обнадеживал – через два-три поколения такие понятия, как оружие, война, насильственная смерть, сотрутся из памяти людей, навсегда оставшись в истории.

Но накапливающиеся противоречия, вызванные пропастью, разделяющей уровень жизни кучки людей, контроли-

рующую львиную долю доходов и основной рабочей массы, грозили вылиться в социальный взрыв. Несмотря на принятый закон об ограничении применения оружия, на местах этот запрет зачастую игнорировался. Рост напряженности в обществе, вызванный растущим неравенством, временами переходил в открытые стычки полиции и преступного мира, к которому после ужесточения материального ценза стали относить основную массу неработающего населения. Именно тогда, в глубинах одного из бывших военных институтов, теряющих компетенцию из-за сложившегося бездействия, зародилась идея, которая эволюционировала в секретный план, утвержденный под названием «Timberwolf...».

«Если пришли за твоим оружием,
сначала отдай им пули».

Датчики видеофона тревожно пискнули, хаотично замелькав красными светодиодами. К нему пожаловали гости, без приглашения и предупреждения. Привычка ставить на охранную сигнализацию дом и прилегающий двор, с периметром, обозначенным высоким забором, вызывала у знакомых недоумение, у Игнатика – откровенный смех, а Вика за глаза крутила пальцем у виска. Но узнай они сейчас, кто пожаловал к Даниэлю, им было бы не до смеха. Дом был оцеплен вооруженным спецназом, а по направлению к двери продвигалась небольшая процессия из четырех человек. Даниэль не спеша выключил телевизор, переведя взгляд на часы.

Было без малого за полночь, и в такое время к нему при-

шли явно не с пожеланием приятных снов. Посреди тишины раздался сухой стук в дверь, игнорирующий кнопки видеозвонка.

– Ну, здравствуй, – стоявшая в дверях женщина со знакомым прищуром, искаженным безобразным шрамом вдоль щеки, улыбнулась Даниэлю. – Рада видеть в добром здравии. Не ожидал?

– Не ожидал. Заходи. Чего в дверях стоять.

Немолодая, элегантная женщина прибыла к нему в сопровождении двух парней с комплекцией телохранителей и молодого человека, держащего в руках ее сумку – видимо, секретаря. Столь внушительная процессия, возглавляемая старой знакомой, уж точно пожаловала не на дружеское чаепитие. «Началось», – обреченно подумал Даниэль.

– Мы пройдем? – хищно улыбнулась она, одним взглядом отдав приказ охранникам. Телохранители с хмурой молчаливостью и отработанной педантичностью обшарили покои Даниэля. Удостоверившись в безопасности жилища, они утверждающе посмотрели на начальницу и, в ответ на ее кивок, вышли за дверь.

– Кофе будешь? – спокойно и подчеркнуто фамильярно спросил ее Даниэль. От такой беспардонности гостеприимного хозяина, референт непроизвольно открыл рот и покраснел.

– Если можно, что-нибудь покрепче, – знакомым, низким, слащаво-притягательным голосом, произнесла она.

Даниэль почесал шею, и открыл бар с выпивкой.

– Что будешь, Александра? – спросил Даниэль, перебирая взглядом разнокалиберные бутылки, стоящие в старомодном шкафчике, дверцу которого открывал исключительно для гостей.

– Я? – переспросила она, повернув в его сторону все еще красивое, с обострившимися с годами восточными чертами, лицо. – То же, что и ты, Танели. – Даниэль непроизвольно дернулся, услышав давно забытое имя, но, на секунду замявшись, постарался не выдать своих эмоций, сосредоточившись на разнообразии марочных бутылок. – А помощнику, если можно, воду, – референт тактично кашлянул, разместив на столе ноутбук, и склонившись над ним, погрузился в чтение.

– Давно меня так никто не называл. А ты, насколько я помню, предпочитаешь джин, – произнес он, поставив бутылку со стаканом на стол. – Так чем обязан? – спросил он, подвинув к ней стакан, слегка наклоняясь в кресле, – я почему-то тешил себя мыслью, что уже никогда не придется вновь увидеть твое милое личико.

– Скажи, Танели, мой приход напугал тебя, ведь так? – Александра всматривалась в Даниэля, пытаясь уловить на его лице хотя бы тень эмоций.

– С чего бы, – мрачно усмехнулся он. – Твой визит говорит скорее об обратном, – Даниэль поймал себя на мысли, что его ответ попал в точку, в самое уязвимое место го-

сты. Под ее глазами резко обозначились морщинки, а опущенные уголки губ откровенно немилостиво намекнули на ее возраст.

– Ты прав, Танели, – ее лицо после некоторой паузы ослабилось. – Подыши-ка, милый, свежим воздухом, – Александра похлопала референта по коленке, – я позову. – Референт, словно и ожидал этого от начальницы, поспешил оказаться за дверью.

Александра сделала глоток из стакана, неотрывно наблюдая за Танели. Даниэль отрицательно махнул головой в ответ на ее предложение присоединиться выпить. Хмыкнув, она допила свой джин. Поставив широкий, с неженским весом, стакан на стол, она со скрипом провела тонким пальцем по его краю.

– Да, Танели, боюсь, – она сделала паузу, оторвав глаза от стола и взглянув на Даниэля. – Вот только боюсь я за тебя. – Даниэль заглянул в ее выразительные карие глаза, пытаясь понять, насколько она серьезна.

– Вот как, – ухмыльнулся он, – а оцепление вокруг дома, я так понимаю, для моей охраны, – Даниэль всматривался, выискивая в Александре знакомые черты. Как же она изменилась и постарела. Но нет, всё: нагловатый тон, алогизм телодвижений – следствие тяжелой контузии, да и улыбка, от которой до сих пор мурашки по коже, – принадлежали ей, той Александре, которую он когда-то любил. Сколько же лет они не виделись? Целая вечность прошла.

Александра заерзала в кресле, заметив, как внимательно ее изучает Танели. Что сейчас твориться в его голове? Она терялась в догадках. Неуютное чувство ускользающей нити беседы беспокоило и сбивало с толку. Вот так всегда с ним – она совершенно терялась, когда он появлялся в ее жизни. Когда же они последний раз встречались? Пожалуй, лет десять назад. Когда он просил за своего друга.

– Вот что, Танели, – наконец она решилась заговорить, стараясь не смотреть в его сторону. – Оцепление – это часть протокола, – решив не ходить вокруг да около, выдохнула она.

– Ого, – Даниэль почесал лысеющую макушку, – и по какому поводу мне оказана такая честь?

– Думаю, что ты уже понял, – по ее губам проскочила едва уловимая тень усмешки, – догадался, откуда дует ветер, – она замолчала, ожидая его ответа.

– Иван, других вариантов нет, – ответил он, боковым зрением, пытаясь уловить хоть тень движения за окном. Александра коротко кивнула и плескнула себе очередную порцию джина. – Но я почти уверен, то, что происходит в заповеднике – лишь вершина айсберга. Так просвети, Александра, – почти шепотом произнес он, – раз уж ты объявилась у меня, в какую историю я влип.

– Просвещу, – неожиданно легко согласилась она. – Но ты даже и представить себе не можешь, куда вы влезли с Иваном, и насколько непредсказуемы могут быть последствия

вашего любопытства. – О тебе он и словом не обмолвился, – отмахнулась она, увидев, как Даниэль побледнел. – Есть и другие источники, причем, весьма словоохотливые. И можешь не сверлить меня взглядом – знаешь же, всё равно не скажу. Да и неважно сейчас это. Ищейки Ивана топорно сработали, то, что им удалось разнюхать, любой достаточно сообразительный журналист бы разыскал. А вот Ивана они засветили с блеском. Ладно, – она сделала слишком большой глоток джина, и резко замахала перед носом, отгоняя выступившие слезы. – Уф, разошлась я что-то. Так о чем это мы? – спросила она уже захмелевшим голосом. – Ах, да. Ничего серьезного они не нарыли, так, мелочевка. Но тебе этого оказалось достаточно, чтобы зацепиться. Хм, – наконец она приоткрыла рот, поплывшим взглядом взглянув на дно опустевшего стакана.

– Знаешь, Александра, – Даниэль начинал закипать, – не я упустил этих зверей. Мы жили спокойно, но тут явились эти твари и перевернули всю нашу жизнь. Но я хотя бы понимал опасность, понимал к чему готовиться, до тех самых пор, пока ты не оказалась на пороге моего дома. И не нужно тут играть со мной в загадки и шпионские игры. Всё, что нужно сделать, это ликвидировать угрозу, выжечь ее на корню. И мне глубоко наплевать, чего стоило изготовить эти экземпляры, и какова их цена. Ко мне в дом проник враг – а с врагом разговор короткий. И я не понимаю, почему до сих пор, во всяком случае, с твоей стороны, – он ткнул в ее сто-

рону пальцем, – не последовало никакой реакции.

Выпустив пар, Даниэль откинулся в кресле, ожидая ответа Александры.

– Не все так просто, Танели, – она покачала головой. – Угомонись, и включи воображение, – запинаясь, добавила она уже заплетающимся языком, – почему я здесь и разговариваю с тобой.

В комнате повисла тягостная тишина, прерываемая лишь стуком пальцев Александры о стол. Даниэль молчал.

– Шестая поправка, – тихо произнесла она, и подняла глаза на Даниэля. – И в них были лишь печаль и сожаление. – Я связана по рукам и ногам. Вот почему я не отреагировала раньше, и вот почему я здесь.

Даниэля словно наотмашь ударили по лицу. Побледнев, он пододвинул и мрачно налил себе из бутылки изрядную порцию алкоголя и разом выпил. Даниэль подождал, как внутренности отреагируют на алкоголь, и лишь когда внутри возник давно позабытый жар, из его уст раздалась нецензурная брань, заставившая покраснеть Александру до корней волос.

– Александра, зачем ты здесь? – угомонившись, спросил Даниэль, – при чём здесь эти звери. При чем здесь шестая поправка?

Александра, стараясь не смотреть на него, развернула ноутбук, держась двумя руками за его края, экраном к Даниэлю.

– Сама еще не всё понимаю, – задумалась она, – но скоро выясню. Думаю, один наш общий знакомый затеял очень хитрую и циничную игру. И я могла не заводить этот разговор, не показывать тебе эти документы, – она задержала руки на компьютере, когда Даниэль потянул его к себе. – Запомни, Танели, всё, что здесь прозвучит, что ты прочтешь и увидишь, – она кивнула глазами на открытый, мерцающий ноутбук, – должно остаться в тайне. Иначе жизнь не только людей, имеющих отношение к этому делу, но и наша собственная, изменится до не узнаваемости.

– Она уже и так изменилась, – он убрал ее руки и погрузился в чтение. Едва начав читать, Даниэль помрачнел, вскинув глаза на Александру.

– Что это? – спросил он охрипшим голосом.

– Читай дальше, – она поднесла пустой бокал к глазу, загляну в него словно в подзорную трубу. – Ты же хотел правду, – горько усмехнулась она, потянувшись за бутылкой.

– Не верю, – прошептал он, оторвавшись от экрана, – это не может быть правдой.

На глазах Александры с Даниэлем происходила страшная метаморфоза – легкое недоумение сменялось гневом, переходящим в бешенство. Его взгляд, отражающий сменяющиеся картинки, мелькающие на мониторе, метался, а руки со вздутыми венами сжимались в кулаки.

– Но это же, – лицо его скривило от омерзения, – солдатский медальон! Да кому это могло в голову прийти?! – он

запнулся, не в силах продолжить.

Даниэль непроизвольно перешел на финский, из знакомых обрывков фраз которого до Александры дошел лишь смысл молитвы, перемешанной с проклятиями.

– «Death sign», – кивнув, с каменным лицом произнесла Александра. – Знак смерти.

– Воинская могила – это святое, – уже не слыша ее, сквозь зубы, прорычал Даниэль, и поднял покрасневшие от напряжения глаза, посмотрев на нее, словно впервые увидел. На какой-то миг Александре показалось, что Даниэль разом постарел на десяток лет.

– Это за гранью любой этики. Это даже не бесчеловечно, это, – он запнулся, подбирая слова, и не найдя таковых, беззвучно выругался.

– В начале, казалось, это прорыв, на словах всё было благозвучно, Танели.

Даниэль перебил ее, и, используя ненормативную лексику, озвучил, куда ведут благие намерения.

– Проект «Тимбервольф» был одобрен практически сразу, с некоторыми отступлениями, конечно, – внешне невозмутимо продолжала она, – касающимися, собственно, судьбы, самих прототипов.

– Прототипов, – горько усмехнулся Танели, и покачал головой.

– Да, прототипов. Да, неужели ты думаешь, что я появилась здесь из-за твоего зверя? – сорвалась на крик Алек-

сандра. – Какими бы талантами он не обладал, он не стоит моего внимания. Спросишь меня, почему я здесь? А я отвечу тебе так – потянув за его хост, можно на белый свет такие тайны вытянуть, что даже бесы в преисподней скривятся от отвращения, – она ненадолго притихла, взвешивая в голове каждое слово.

– Люди, – Александра посмотрела на темнеющее окно, – имеющее непосредственное отношение к этому проекту, обладают нерушимым иммунитетом, обеспеченным, – она закатила вверх глаза, – на самом верху. Поверь мне, власть будет не только отрицать существование проекта, но и всячески противодействовать любому интересу вокруг «Тимбервольфа». Потому как любая информация по этим исследованиям подобна бомбе, способной взорвать наш хрупкий мир спокойствия и благополучия.

Даниэль молчал, не зная, что ответить.

– Не правда, ли, ирония судьбы? – она подняла лицо и с усилием улыбнулась, – жизнь не лишена сарказма; человек оказался в прицеле своего же оружия, самого совершенного из оружия, когда-либо им созданных.

Неожиданно тон ее смягчился, а в глазах появилась, казалось уже забытое, тепло.

– Танели, – вкрадчиво произнесла, Александра, – послушай меня, отбрось сейчас в сторону эмоции, и подумай, как мне поступить. Пойми, вся это история с Джиной и Конрадом должна остаться в тайне. Их нужно срочно нейтрализо-

вать и доставить обратно в питомник. И я не могу, – она покачала головой и достала сигарету, – в сложившейся ситуации пойти на крайние меры. Ты лучше всех знаешь заповедник. Пойдешь в составе группы проводником. Я должна их поймать, пока вся эта история не всплыла наверх.

– Нет, – Даниэль помахал головой, – ты же понимаешь, зверь переступил черту, за которой назад пути нет.

– Даниэль, – вкрадчиво, по слогам, произнесла она, словно извиняясь, – что-то сбило его программу. – Чувствуя, что натывается на непробиваемую стену, она по инерции добавила, – нарушив запрет, он должен был превратиться в обычного зверя, защитные механизмы должны были активироваться на генном уровне, не понимаю. – Александра уже разговаривала сама с собой, словно не видя Даниэля.

– Я даже не буду и пытаться играть с ними, – грубо прервал ее Даниэль, – Волк переступил черту, за которой назад пути нет. И теперь это моя война. Следа от него не останется, запаха. А группа... Забирай своих молодцов и выметайся. Я сам разберусь. Думаешь, я не понимаю, что эти твари нужны тебе только затем, чтобы прижать хвост Дельгадо?

– Ты бредишь, – Александра побледнела и отвернулась.

– Нет Александра. Это вы все впали в бред, играя во взрослые игры. А я... Я живу обычной жизнью и всё еще нахожусь в здравом уме. И хватит себя тешить иллюзиями. Твой мир, Алекс, выдуманный мир «спокойствия и благополучия» уже давно таковым не является. Да и не был он таким

никогда. Ваш мир – мираж, выдуманная сказка, которой вы прикармливаете сытое меньшинство. А эти звери показали нам, в каком мире мы живем на самом деле. И, если тебе еще интересно мое мнение, – она тягостно молчала, даже не смея прервать его, – я не сторонник надуманных псевдогуманитарных ценностей, и когда вижу перед собой врага, то беру в руки оружие.

– А ты хоть понимаешь, на кого собираешься охотиться? – она сжала вместе ладони, и, облокотившись, наклонилась к Даниэлю.

– Не говори мне об опасности и ценности этих зверей. Мне это уже не интересно. Ты дашь мне три дня на решение этой проблемы, – абсолютно ровным голосом продолжил он, – три дня, – по слогам, тихо закончил Даниэль.

– С чего это вдруг? – спросила Александра, нервно постукивая костяшками пальцев по столу.

– Три дня, – словно не услышав ее, сказал он сквозь зубы. – Если я не справлюсь – можешь вызывать своих спецов. А до того момента ты забираешь своих сторожевых псов, забываешь о моем существовании, и глушишь любую волну, поднятую вокруг заповедника. Я ясно высказался? – спросил он.

Александра задумалась и, натянуто улыбнувшись, встала из-за стола, повернувшись к Даниэлю спиной.

– А иначе? – она горько улыбнулась и помахала рукой, требуя продолжения, – давай, заканчивай Танели.

– Вспомни, Александра, нам ведь есть, что вспомнить – нашу первую встречу. Думаешь, я забыл, как ты меня вытащила из того пекла. Если бы не ты, я бы остался лежать в песках, и рано или поздно – это случилось бы. Мы ведь все были обречены, и ты прекрасно понимала это. Ты знала, что мы ходячие мертвецы, и поставила свою жизнь под удар, из-за какого-то рядового снайпера. Да, я долго не мог простить тебя. Ведь тогда я, ослепленный юношеским эгоизмом и злостью, считал, что ты цинично использовала меня, – он на мгновение замолчал. – Переступить через себя и простить было выше моих сил. Но теперь я понимаю, в какую передрагу ты попала. Молодая еще совсем девчонка, вынужденная принимать взрослые решения, – он со вздохом провел ладонью по лицу. – Скажи, почему именно я? Ведь были и лучше, – Даниэль разом выдохнул вопрос, который уже столько лет не давал ему покоя.

А Александра так и осталась стоять к нему спиной, боясь повернуться. Она лишь мелко подрагивала всем телом, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться в эмоции. Даниэль, подошел к Александре, и обнял за плечи, уткнувшись носом в ее волосы. Подбоченившись левой рукой, правой она взялась за голову, неожиданно шмыгнув носом.

– Да, я выбрала тебя. В тот момент я лучше тебя самого знала, на что ты способен. Знала, что твое задание самоубийственно. И, тем не менее, я послала тебя на смерть, потому что верила, верила в твой звериный нюх и везение, –

она развернулась, и, высвободившись из его объятий, устало села на диван. – О боже, – выдохнула она, закатив глаза с выступившими слезами, – что я несу. Когда ты ушел, я вдруг ясно поняла, что потеряла тебя и больше никогда не увижу твоих глаз.

Даниэль обомлел, придавленный ее откровенностью.

– Я так испугалась, Танели, – произнесла она, глотая слёзы.

Даниэль присел рядом с окаменевшим лицом, потрясенный услышанным признанием Александры. Ему всегда казалось, что она использует его, казалось даже тогда, когда она была в его объятиях. Да она особо и не разубеждала его в этом. Такой уж у нее был характер. А вот сейчас, когда она совершенно размякла, ему стало вдруг невыносимо жаль ее, жаль то время, которое они упустили, стараясь стереть из памяти вспоминая, отравленные ненавистной войной. Но, как оказалось, не всё они забыли, как бы этого ни хотелось.

Только победители решают,

в чем состояли военные преступления.

(Гари Уиллс)

«...блестяще проведенная операция по устранению верховного командования Повстанческих сил, разработанная в недрах контрразведки Европейского Альянса, позволила стабилизировать фронт на африканском побережье Средиземного моря и сорвала планы высадки десанта противника на юге Европы. Успех операции в немалой степени

был обусловлен скрытностью подготовки, связанной с повсеместной утечкой информации на самом высоком уровне, энергетическим шантажом со стороны ряда арабских стран, и неприятием правительствами некоторых государств Европы и Америки активизации боевых действий. Ошеломительный эффект от ликвидации верхушки повстанцев заставил пересмотреть штаб объединенных сил стратегию боевых действий, перейти от позиционной войны к тактике точечных ударов. Для проведения операций подобного рода были сформированы силы быстрого реагирования, включавшие в себя штурмовые бригады, отряды спецназа и группы зачистки. Основой сил быстрого реагирования стали подразделения специального назначения «Timberwolves», военные операции которых, по мнению ряда историков, стали решающим аргументом в деле достижения мира...»

«...тактика, применяемая «Timberwolves», по ведению подрывной деятельности в тылу врага, не отличалась гуманностью и характеризовалась особой жестокостью и бескомпромиссностью. Однако именно крайне бесчеловечные методы проведения операций, носивших зачастую карательный характер, заставили сесть за стол переговоров глав основных противоборствующих сил и положили начало переговорному процессу, приведшему к заключению мира. В дальнейшем силы отряда использовались рядом вновь созданных правительств для поддержания мира, а также для усмирения остатков сил, не желающих примириться с новым миропо-

рядком».

«...после окончания войны в свете новых политических веяний прошлые заслуги «Timberwolves» были искусственно забыты, все документы под грифом «особой важности» легли в архив, а сами подразделения расформированы. Бойцы подразделений получили новые имена, биографии и места жительства. Было сделано все возможное, дабы стереть со страниц истории само название «Timberwolves». Слишком неудобной для целого ряда стран и политиков, их представлявших, стала тема самого жестокого и кровавого военного подразделения в мировой истории. Отряда, на своих штыках, протянувшего обезумевшей от войны планете спокойствие мирной жизни...»

«...человеческая жизнь является исключительной общественной и гуманитарной ценностью, являя собой основополагающий пример священной и неприкасаемой сущности. Любые посягательства на ее неприкосновенность, являются открытым вызовом социальному согласию и караются полной изоляцией от общества...»

(Цитата из текста 6-ой поправки к Всеобщей декларации прав человека)

«Быть сильной – это как быть леди.

Если надо говорить об этом, значит,

ты таковой не являешься». (Маргарет Тэтчер)

После присвоения мне внеочередного воинского звания,

вместо так ожидаемого отпуска приказом начальника оперативного штаба я была откомандирована в Египет. Меня направили на базу в Александрии, которая являлась едва ли не последней линией обороны миротворческого контингента в Северной Африке на пути в Европу. Нас должны были сбросить в Средиземное море, и отступление, наверняка готовое превратиться в паническое бегство, было лишь вопросом времени. Активных боевых действий не велось, главной задачей штаба объединенных сил было создание коридора для безопасной эвакуации остатков миротворческих сил на Большую землю. Прикрывать отход основных сил было поручено Египетской бригаде Иностранного легиона. Моей же задачей было заполучить подготовленного снайпера для выполнения самоубийственного задания по устранению одного из «эmissаров» повстанческой армии. Успех миссии, как считали в генштабе, минимум на неделю отсрочит наступление, и подарит так необходимое время для перегруппировки сил. Теоретически, среди хаоса и неразберихи и паники, царящей на крошечном пятаке побережья Средиземного моря, эта задача считалась невыполнимой. Из всех разрозненных подразделений, отступающих в спешке обескровленных войск, единственно организованной силой, способной задержать наступление с юга, был Иностраннный легион. Среди них и было мне поручено найти подготовленных снайпера и наблюдателя.

Лопасты вертолета еще вращались, поднимая в воздух

снопы пустынного сыпуна, перемешанного с пылью и кусками грязи, а ко мне уже подбегал офицер-посыльный. Сутулясь под напором воздуха, разгоняемого винтами старого, но надежного Bella, он пытался удержать на голове белоснежный «Kéri blanc», неуместно дикий посреди грязных палаток и на фоне выгоревшей на африканском солнце формы легионеров. Судя по его пурпурному лицу и почти извиняющемуся воинскому приветствию, ловить мне здесь было нечего. Несмотря на царящее уныние, я всё же встретила на пути в штаб батальона несколько заинтересованных взглядов. Наверное, молодая женщина в полевой форме спецназа, с погонами майора, хоть немного, но все еще притягивала взгляд изможденных солдат, и отвлекала от мыслей о неминуемой смерти.

Худой, поджарый полковник – командир бригады, вместо воинского приветствия крепко пожал мою руку и кивком головы отправил адъютанта из палатки.

– Не хочу вас огорчать, но нашего аса вместе с наблюдателем накрыло миной. Поминай теперь, как его звали, – мрачно съехидничал сквозь зубы полковник. – Есть еще снайперские группы, но они не подготовлены для операций подобного рода, зеленые еще – джидды одним словом. Чай будете?

– Руки помыть где можно?

– Давайте полью, у нас тут без изысков, уж извините, – полковник набрал кувшином из фляги грязноватого цвета воду, отдающую бензином.

От меня не ускользнуло то, как внимательно полковник рассматривал, поливая воду в обшарпанный, эмалированный таз, мой шрам, идущий вдоль подбородка, заканчивающийся безобразным рубцом на левой щеке. Шрам, убрать который не хватало ни времени, ни смелости преодолеть страх перед врачами. И, наверное, совершенно не нужное изменение нагловатой и уверенной манеры поведения, которое вызовет новая внешность, приведет еще к большему дискомфорту. И эта простая, по-женски понятная мысль, перевешивала все трезвые доводы в пользу операции. Нет уж, пусть до лучших времен остается это лицо, обезображенное, но привычное.

– Интересно? – спросила я, подняв глаза на полковника. Он замер, продолжая держать уже пустой кувшин над тазом.

– Спасибо, полковник, – я постаралась усмехнуться как можно язвительнее, сдернув с его плеча полотенце. Он сделался пунцовым как перезрелый томат, что очень меня позабавило, и, кашлянув в кулак, сел за разборный столик. Разлив по кружкам зеленый чай из термоса, он хмуро указал на стул.

– Не хочу вас обидеть, – произнес он, приподняв чашку, словно в театральной имитации традиционного японского чаепития. – Не подумайте ничего дурного, но женщина в наших краях редкость. Мне доложили, что прибудет майор контрразведки....

– Но о том, что это будет молодая женщина – умолчали, –

перебила я его и с удовольствием глотнула из чашки чай, щурясь от полуденных лучей солнца, бесцеремонно проби- вающихся сквозь прохудившуюся ткань палатки.

– Пейте, – кивнул полковник. – Здесь только чай и утоля- ет жажду, – я кивнула и, сделав еще один глоток, отодвинула чашку в сторону. На карте, разложенной на столе, осталось бледное пятно, точно по центру расположения частей про- тивника.

Где-то вдалеке послышались хлопки, через мгновение сменившиеся глухими взрывами. Я прислушалась, пытаюсь определить, откуда доносились звуки.

– Что это? – спросила я, помешивая ложечкой чай, пыта- юсь хотя бы внешне не выдать беспокойства.

– Минометы, с той стороны. Балуются, утюжат нейтраль- ную зону. Пристреливаются, – оскалился полковник, – тем- ный народ, что с них взять.

Я посмотрела прямо в его глаза, в надежде определить их цвет. Странно, таких выцветших, болотного цвета глаз я еще не встречала. Смутившись, он отвел взгляд, а я, пытаюсь скрыть повисшую в воздухе неловкость, перевела тему раз- говора:

– Ладно, полковник, покажете мне оставшихся снайперов, как это здесь принято говорить – «джидды»?

– «Джидды», – согласился он. – Местное название необ- стрелянных солдат. Вот, – он протянул ко мне несколько дел, – я тут подготовился к вашему визиту, – то ли пошутил,

то ли попытался нелепо угодить он, – взгляните.

Я, конечно, согласилась, не в моем случае было привередничать. Новобранцы так новобранцы. В конце концов, нужно сделать всего один точный выстрел. Проблем с эвакуацией группы не будет, так как не будет и самой эвакуации. Два билета в один конец. Стрелку и наблюдателю. А мне – орден на грудь. И звание. И повышение, возможно. Если раньше здесь свои же не закопают. Ну, нет у меня сейчас времени на глупые сантименты и ненужную суету вокруг детальной разработки операции, с путями отхода и прикрытием.

«Джидды, ну и словечко», – внутренне усмехнулась я, начиная сомневаться в успешном выполнении задания, и со вздохом открыла первое дело. Ничего особенного я там не нашла. Впрочем, меня несколько это не удивило. Похожие лица и биографии, как под копирку перенесенные в личные дела бойцов Иностранного легиона. Но вот одно дело в глаза мне все же бросилось.

– Зовите вашего стрелка, – сказала я и пододвинула указательным пальцем одну папку.

– А у вас намётанный глаз, – полковник довольно прищурился – Этот боец хоть и новобранец, но стрелок от бога.

Полковник свистнул, и через мгновение в разрезе палатки показалась лысая голова адъютанта.

– Танели сюда, живо.

– Сейчас будет, – коротко бросил адъютант и скрылся за палаткой.

– Расскажите мне о нем, – я решила расположиться в углу палатки, таким образом, чтобы крупный полковник оказался впереди меня. Идея побыть в тени полковника показалась мне забавной. Раз уж меня не собираются принимать здесь всерьез, пусть полковник и «вынимает внутренности» этого джидды.

– Да особо что тут рассказывать, – полковник пожал плечами. – Он из пополнения, месяц назад прибывшего. Очередное мясо. Довесок. Сейчас не те времена, когда в легион был конкурс по три – четыре человека на место. Берут всех желающих, невзирая на прошлые «подвиги», отсутствие образования и состояние зубов, – я непроизвольно хохотнула, но прикрыла рукой рот, когда поняла, что он не шутит. – Да никто и не интересуется их биографией и здоровьем. Сейчас профессиональные навыки не так ценны, как укомплектованность подразделений, – полковник щелкнул позолоченной зажигалкой, инкрустированной полудрагоценными камнями. Насколько я помнила, такие «сувениры» вручали выжившим легионерам, то ли за участие в боевых действиях, то ли за боевое ранение, то ли за мертвого забита в звании не ниже майора. Поди, пойми этих наемников, с их непонятными ритуалами.

– Я, да простит господь мою несознательность, заглядываю в их личные дела только когда нужно оформить похоронные листы, так быстро они гибнут, – он замолк, сосредоточенно делая затяжку за затяжкой, словно стараясь как

можно быстрее встретиться зубами с фильтром сигареты.

– Танели Ранта, – после секундной паузы произнес он, выдохнув очередную порцию дыма. – Снайпер 2-го взвода, 4 роты. Принимал участие в двух зачистках. На личном счету трое аборигенов, из них один забит, кстати, полковник, – я непроизвольно вздернула голову, начиная внимательнее вслушиваться в монотонный доклад офицера. – Что еще? Молчаливый, уравновешенный, физически развит нормально. Психических отклонений нет. Вполне адекватный боец, – полковник извлек из личного дела Ранты листок с автобиографией. – Финн по происхождению. Родом с севера страны. Хантер. – Хантер, – добавил он, заметив мое замешательство, – профессиональное название охотника на хищников, – полковник, словно прочитав мысли, унял зуд моих извилин. – Редкая профессия, – полковник оскалился, открыв ряд желтых, но аккуратных зубов. Его ответ, непонятно почему, но заставил меня вздрогнуть. Сделав зарубку в голове, я продолжила механически перелистывать его дело.

– Хм, ничего интересного, – произнесла я, переворачивая белые, потертые листы в обычной папке из плотного чёрного картона. – Двадцать два года, здоровье отменное. Не курит, не пьёт. Спортсмен. Награды, так, понятно, – бубнила я, перелистывая, как показалось мне в начале, банальную историю обычного парня. Пусть и отменного стрелка, но, сколько их таких.

– Читайте дальше, – усмехнулся полковник.

Девятая страница личного дела всё же заставила меня задержать на ней взгляд. Профессия – Хантер. Профессиональный охотник. Невыполненный контракт. – Так-так, интересно.

– Знаете что, полковник, а оставьте-ка нас наедине.

– Разрешите, господин полковник? – полог палатки откинул молодой, черноволосый парень среднего роста, с забавным «ежиком» на голове. Загорелое лицо, резко обозначенное выдающимися скулами, жилистые руки, нервно мнущие кепку, и бросающаяся в глаза несуразность телосложения. Несмотря на нелепую сутулость, непропорционально длинные ноги и юношескую худобу, в нем чувствовалась сила и массивность, а в движениях просматривалась спортивная подготовка.

Полковник молча кивнул головой, разрешая ему войти.

– Знакомься, – майор контрразведки Александра Симон. В ближайшие дни твой непосредственный начальник.

– Майор Симон, – я привстала и подала парню руку.

– Мэм, – коротко махнув рукой в воинском приветствии, Танели неуверенно ответил на рукопожатие.

– Располагайтесь, Ранга. Полковник?

– Не буду мешать вам, беседуйте, – ответил тот и вышел.

Ранга крутил головой и не решался взглянуть в мою сторону, рассматривая внутренности палатки.

– Пить хотите? – словно очнувшись, спросила я. Танели,

не ожидая такого обращения, проглотил комок в горле, и торопливо кивнул.

Хмыкнув, я порылась в своем рюкзаке и протянула ему бутылочку швепса.

– Немного теплый, но здесь и такого не встретишь.

– Спасибо, – произнес он с усилием, не решаясь открыть пробку.

– Да вы пейте, – почти с материнской заботой протянула я, и мысленно усмехнулась:

«И что я с ним, как мамка. Мы с ним почти ровесники. Младше он меня всего-то на пару лет».

Танели тактично сделал несколько глотков и занялся дальнейшим изучением палатки. Вздохнув, я привстала с бесцеремонно занятой койки полковника, и дотянулась до полевой карты, лежащей на столе.

– Вот так, – я разгладила карту на кровати, застеленной байковым одеялом с грубым ворсом. – Знакомо? – Танели коротко кивнул, следя за моим пальцем, перемещающимся по карте с нанесенными вручную рубежами обороны.

– Здесь находимся мы, наши рубежи обороны, огневые точки, тут проходы минных полей, – ровным голосом докладывал он, присев у карты на корточки. – Двух грунтовок вдоль нейтральной линии, да этих, считай, почти уже нет, сплошные воронки и рвы. Чуть выше, ближе к рубежам аборигенов, высокие дюны. С них удобный обзор поселка и прилегающих к нему дорог. Что еще... В этом квадрате находит-

ся полевой аэродром. Нам он как кость в горле. Через него арабам забрасывают оружие, снаряжение и припасы. С моря перекрываем дыхание им мы, а с юга пустыня, – он улыбнулся на удивление ухоженными зубами, и посмотрел на меня. – Разбомбим аэродром, и им край придёт.

– Умник, – усмехнулась я, – много ты понимаешь, – неожиданно сама для себя я перешла на ты. – Присаживайся удобнее, разговор будет долгим, – сказала я, поставив рядом табурет. Танели насупился, но все же присел, широко расставив ноги, и уперся взглядом в карту, даже не посмотрев на меня.

– Не обижайся, все правильно, – успокоила я его, – аэродром для них жизненно важен, уничтожим его – перекроим им кислород. Сами потом к нам с белым флагом приползут. Знаю я этих аборигенов, те еще вояки. Только, вот, Танели, никто нам с тобой не позволит этого сделать, – вздохнула я.

Он вопросительно взглянул на меня.

– Ладно, – давай не будем об этом, скажи мне лучше, что за дюны?

– Удобная снайперская позиция, – ответил он. – До поселка рукой подать, и все подъездные дороги простреливаются. Подходы заминированы, самое главное не засветиться. Снайперов нигде не любят. Только учуют, что снайпер где-то рядом, роту на прочесывание бросят, – глаза его сверкнули, – уважают нашего брата.

– Хорошо. Думаю, это-то нам и пригодиться. А засвет...

За него не волнуйся – делаешь один выстрел, ноги в горсть, и назад, – я задумчиво посмотрела на него. – А ты разбираешься в картах.

– Карта стандартная, километровая, я такими пользовался, – он слегка запнулся, торопливо отведя от меня взгляд, – когда-то, не здесь. Свободную охоту мне пока не доверяют, так – зачистки и прикрытие.

– А забит?

Танели замялся и слегка покраснел.

– Повезло мне. Я ведь даже не попал в него.

Я вопросительно взглянула на него, и он с усилием продолжил:

– Был тут один до вас, тоже контрразведчик, поднял бригаду по боевой тревоге и поставил боевую задачу по зачистке селений, прилегающих к дороге.

Я мрачно кивнула, припомнив своего не в меру ретивого коллегу.

– Испанец? – переспросила я, уже зная ответ.

– Точно, мадам, – он замялся, – если честно, ходили слухи, что не заладилось у них что-то с полковником, и испанец, бросив все, уехал. Между собой мы шептались, что, наверное, пришлют нам нового командира. А нет, – Танели оскалился и повертел головой, перешел на шепот, – до сих пор этот волчара командует.

Наверное, я засмеялась, но прикрыла рот ладонью, взглянув на озадаченного Тanelи.

– Не обращай внимания, – я махнула рукой, – ласково ты с командиром. Кстати, я немного знакома с тем испанцем, скажу тебе по секрету – очень неприятный тип, и несдержанность твоего полковника мне понятна. И что командир? Отдал приказ о зачистке?

– Отдал, – уныло ответил ТANELИ. – Вот только боком нам эта внеплановая проверка вышла. Взвод зачищал селение, здесь, в паре километров от базы. Ас наш вернулся с ночной охоты и отдыхал. Так что взводный взял меня.

– Первое задание? – я вздернула бровь. ТANELИ, проглотив комок в горле, нервно кивнул и продолжил:

– Я прикрывал. Началось все спокойно, как и всегда. Взвод тремя группами прочесывал барахолку и прилегающие дворы. Все шло к тому, что как обычно найдут пару-тройку аборигенов, торгующих мелочёвкой. Ну, – в ответ на мой немой вопрос, он уточнил. – Патроны, автоматы, пистолеты, гранаты, и вытряхнут их для галочки. А для профилактики выбьют пару зубов, да отпустят. Так принято, они торгуют, мы для порядка, раз от раза наведываемся к ним, чтоб не расслаблялись. И они не в обиде, понимают. И нам вроде как спокойно. Мы их не трогаем, они нас.

– Порядочки у вас, – покачала я головой. ТANELИ покраснел, и я торопливо добавила, – впрочем, не мое это дело. Так что дальше-то произошло?

– Одна из групп нарвалась на наемников, – он примолк.

– Ихрамы? – спросила я.

– Они, – ответил он, и ненадолго примолк. – Бой плотный завязался. Ихрамы настоящие профи, стараются не сдаваться – понимают, упыри, что нежиться с ними никто не будет. Короче, не без потерь, почти всех их наш взвод и положил на том дворе. Понятно дело, они не ждали зачистку, и попали в кольцо. Большинство как зайцев перестреляли. Но несколько человек прорвалось из деревни на джипе, по грунтовке, в сторону пустыни. По радиии я услышал о том, что несколько наемников уходит в пустыню. А потом я увидел приближающуюся пыль, из-за которой был виден лишь силуэт машины. Стрелять прицельно не было смысла.

– И что? Ты упустил их? – Танели покачал головой, не зная, как ответить.

– На мгновение, – он задумался, – я четко увидел саму машину и тех, кто в ней находился. До нее недалеко было, шагов триста, – непроизвольно я присвистнула, – но джип слишком быстро двигался, прицельный выстрел я сделать не мог.

– И? – протянула я.

– Топливный бак, – Танели замялся и покраснел, – я знал, что в него попаду точно. Потом, когда из сгоревшей машины извлекли тела, оказалось, что среди них находился заместитель Адиля, полковник. И еще два его охранника и водитель.

В палатке повисла неловкая тишина, и я, видя затруднение Танели, решила ее прервать:

– Танели, ты стрелял в живых людей? – осторожно спро-

сила я.

Он в очередной раз покраснел, заставив меня чертыхнуться.

– Так, – протянула я, – просто замечательно.

«У меня три дня, снайпер, не знающий как нажать на курок, когда в прицеле человек, и полное отсутствие разведанных. Да и полковник хорош, подкинул мне салагу», – я выдохнула и провела рукой по лицу.

Я видела, что Танели не находит себе место. Нужно было что-то делать, чтобы растормошить парня. Понимая, что дальше пытаться Танели не стоит, я попыталась расспросить о его прошлом.

– Ну, хорошо, расскажи о своей жизни. В деле написано, что ты профессиональный охотник, – Танели с готовностью кивнул, словно ждал этого вопроса.

– Сколько помню себя, меня всегда окружал лес, – казалось, он преобразился. – Я знал его. Я жил им. Потом я научился стрелять. Или я всегда умел это делать, – улыбнулся он, – иногда мне кажется, что первые воспоминания связаны с карабином и длинными блестящими патронами, с красными наконечниками. И запахом пороха.

Он рассказывал о своем детстве, охоте, дикой тайге. О том, как сделал первый выстрел, о первой добыче и о деде – старом охотнике, всю жизнь обитавшем в лесу. Я молчала, боясь прервать его рассказ, начинающий меня зачаровывать.

– Дед многому меня научил. Я стал отличным следопы-

том и стрелком. Но для охотника мои навыки и умения были слишком хороши. Мне был заказан путь в хантеры. Вы знаете, мадам, кто такие хантеры? – я неопределенно помахала головой, а он и не ждал моего ответа, увлеченно продолжая рассказ, – это не просто охотники на крупного зверя. Это охотники на таких же охотников. И их цель далеко не все звери, – Танели с затуманенным взглядом помахал головой, – не всех они выслеживали, – повторил он, задумавшись. – Только тех, для которых охота была не способом пропитания, а способом выживания. – Он внимательно посмотрел мне в глаза, – не знаю, понимаете ли вы, о чем я, – я механически кивнула, замороженная его тихим, низким голосом, от которого по телу бежали мурашки. – Хантер выслеживал ренегатов, изгоев, выроdkов. Волков одиночек, бешеных лисов, медведей-шатунов. Зверей, отверженных тайгой, переставших быть частью леса.

В моих краях на хантеров молились. Для нас они были полубогами. Про них легенды слагали. О них мечтали все женщины. И когда один из них взял меня к себе – я был счастлив. Это было лучшее время моей жизни.

– А женщины? – спросила я.

– Была у меня невеста, – ответил он.

Я вздернула на него взгляд, и он слегка покраснел.

– Денег на свадьбу не хватало, и я подписал контракт, – он махнул рукой, – глупое решение. Не готов я был к вольной охоте. Но тогда мне казалось, что одним выстрелом удаст-

ся решить все проблемы и исполнить, наконец, желание будущей жены – сменить профессию и покинуть наши глухие места.

– Что за контракт? – спросила я. – Тот самый, из-за которого ты и попал в легион?

– Да, – с усилием ответил Танели. – В одном из таёжных поселков объявился волк, наводивший ужас на местных жителей. Поговаривали, что такой огромный зверь, с метр в высоту, и весом не меньше центнера, в здешних местах еще не появлялся. Преувеличивали конечно. Пару раз его засекали охотники, но куда там. Таких оборотней могли выследить и убить только специально подготовленные для такой охоты, профессионалы. Местные сбросились на покупку контракта – кто сколько смог, ведь услуги хантера не всем по карману. Они обратились в артель и заключили контракт на отстрел, ну уж а артель наняла меня.

– И что дальше?

– За неделю я почти выследил его. Но волк ушел, – Танели примолк.

– Ты не выполнил контракт. Стоило из-за этого сбегать в легион? Разрывать помолвку и покидать близких тебе людей?

– Всё немного не так, мадам. Вернее, все вышло гораздо хуже, чем могло бы показаться, – Танели притих, и через мгновение продолжил с усилием в голосе.

– Несмотря на круговую поруку, артель решила всю вину

перевалить на меня.

– Какую вину?

– Волк, которого я упустил, как потом рассказывали, напал на семью егеря, жившую отшельниками в лесу, – я вздрогнула. – Обошлось без смертей, но шум уже был поднят. В случившемся жители обвинили артель охотников, и это грозило не просто потерей клиентов, а отзывом лицензии и исками в суд. Я не мог доказать, что это был не мой волк, но как можно вразумить обезумевшую от страха и злости толпу. Да уже и неважно было, виновен я или нет. Хантер, нарушивший контракт, в глазах людей был не лучше убийц и насильников. Артель сдала меня и умыла руки. Невеста разорвала помолвку, семья отвернулась. Я стал таким же изгоем и выродком, каких совсем недавно выслеживал. Ирония судьбы, – мрачно улыбнулся он. – Куда мне было податься? Будущее рушилось на моих глазах, – Танели поднял на меня тяжелый взгляд, – впереди уже ничего не было. Не знаю, что было бы со мной, если бы не война.

Не знаю, что нашло на меня тогда. Наверное, обычная женская слабость. Но я, поглощенная его рассказом, сама не помню, как положила на его руку свою, холодную от волнения. И когда я почувствовала исходящее от Танели тепло, наши взгляды встретились.

– У тебя есть сутки, – шмыгая носом и вытирая глаза платком, произнесла Александра, – мне пора, Даниель, – она

грустно улыбнулось ему. – Дельгадо нажимает, ты уж извини, больше он нам времени не даст.

Услышав о Лисе, Даниэль скривился от злости.

– Не злись, Танели, – она грустно улыбнулась. – Буду прикрывать тебя столько, сколько смогу, но не требуй от меня слишком многого. А что касается Лисёнка – обещаю, что сотру его в порошок. И, Танели, – она ненадолго примолкла, собираясь с силами, – мне жаль, что все так сложилось, жаль, что я не стала для тебя чем-то большим, чем друг, – она запнулась, – чем любовница. Все не так, все не так, – остановившись, бросила она уже через плечо, взявшись за ручку двери. – Даниэль. А ты бы хотел поменять свою жизнь, вернуться в прошлое и изменить его?

– Какой в этом смысл? – устало ответил Даниэль. – Изменив прошлое, я не был бы тем, кто есть сейчас. Да и, – он слегка задумался, – сомневаюсь я, что в ситуациях, о которых сейчас сожалею, поступил бы иначе.

Захлопнув за собой дверь, Александра перевела взгляд на ночное небо. Где-то впереди, у озера, слышалась трескотня сверчков, смешиваясь со всплесками воды играющего сазана. Сатурн, Юпитер и Марс уже появились, стройно выстроившись в ряд, словно в горку взбираясь на вершину небосвода. Чуть позади них выглядывала из-за горизонта Венера, оттеняемая пепельным светом луны, с плетущимся в хвосте Меркурием. Парад планет достигал своего апогея, утвержда-

ьясь, как самое яркое созвездие, пусть и ненадолго, прежде чем еще на десятилетия рассыпаться на отдельные, светлые точки, готовые потеряться в ослепительном блеске мириады звёзд.

«Вот уж не подумала бы никогда, что придется еще раз встретить вас вместе», – она вспомнила те самые безоблачные, короткие африканские ночи, проведенные с Танели. Они, как оказалось, стали самым ярким и счастливым ее воспоминанием.

«И почему наши мечты остаются только мечтами, а воспоминания – лишь воспоминаниями», – горькая мысль, непонятно откуда-то всплывшая, почему-то напугала ее, отозвавшись болезненной ностальгией по времени молодости, любви и счастливого безрассудства. Даже война была не в силах заслонить своей мрачной тенью свет тех чудесных мгновений.

«Чертов парад планет, что сейчас ты нам приготовил, какие перемены и бури. Чего теперь мне ждать от тебя», – Александра повела плечами, вздрогнув не то от неожиданно накатившей слабости, не то от приступа необъяснимого суеверия, не то от наступающего холода.

Шагнув за калитку, она махнула рукой в темноту. С низким гулом подъехал огромный служебный додж. Александра, подобрав юбку, ловко юркнула в услужливо открытую заднюю дверь. Расположившись в салоне, она выдохнула и, собравшись с мыслями, дотянулась до кнопки на пуль-

те. Темно-матовое стекло с легким жужжанием отгораживало ее от водителя, а она уже доставала телефон, на ходу подбирая нужные слова, смысл которых максимально точно и емко обрисует сложившуюся ситуацию.

«Это я, – произнесла она, услышав в телефоне ответный щелчок, с вызываемой стороны. – Всё в порядке. – В рубке раздалось тихое бормотание, в ответ на которое Александра коротко, но часто кивала, местами морщившись, словно от зубной боли. – Да, я знаю. Вы были правы, всё прошло, как и задумывалось. Да, наши опасения были беспочвенны. Я знаю, но ручаюсь, язык за зубами он держать будет. Да, я уверена, что он возьмётся за это дело. Почему? Да потому, что я два часа отговаривала его от этого, – наконец не выдержав, Александра сорвалась на крик. В общем, – успокоившись, произнесла она, – я дала ему три дня. Он выполнит, то, что обещал. Иного варианта устранения прототипов без поднятия лишнего шума у нас все равно нет. Думаю, он не заподозрил подвоха, шестая поправка – сильный аргумент. Он солдат, и данное им обещание забрать чужую жизнь для него не пустой звук. Что? Нет, никаких действий с нашей стороны, лишь ожидание. Дельгадо? Его я беру на себя. Уверена ли я? Уж поверьте, господин министр, в ближайшее время ему будет не до этого».

В трубке раздались короткие гудки, и Александра откинулась на сиденье. Она поймала себя на мысли, что страшно устала от подковёрной битвы бульдогов. А она была буфером

в этой борьбе, сохраняя, хоть и на словах, условный нейтралитет. Дельгадо своими беспринципными действиями нажил себе врагов чуть ли не в половине госаппарата страны. Но у него была поддержка администрации президента, напуганной нарастающими волнениями в народе. И пока на его стороне президент, ей остается только выждать. Ждать удобного момента, чтобы свернуть Лисёнку шею.

Она вздохнула. Слишком длинный день. Слишком много переживаний. Слишком много неожиданных открытий, открытий самой себя; чувств и эмоций, о которых она уже начинала забывать, и поступков, на которые, как ей казалось, уже не осталось сил. Она так и не смогла открыть перед Танели истинную причину своего появления. Волки были лишь предлогом для встречи с ним. Она собиралась поговорить с ним совершенно о другом, личном, настолько сокровенном, что признание потребовало бы от нее мобилизации всех душевных сил. Об их дочери. Танеле. Но она не смогла сказать правду, поделиться тайной, которую носила в себе столько лет. Тайну, на обладание которой он имел полное право.

«На войне часто незначительные обстоятельства приводят к большим переменам».

(Гай Юлий Цезарь)

– Вы очень красивая, госпожа майор, – Танели провел по моим волосам, и от этой ласки по всему телу пробежал невы-

носимый озноб желанья. Еще мгновение назад я бы подумала, что все, хватит. Поразвлеклись и разбежались. Но тело протестовало, а ноги вдруг становились предательски ватными. И впервые за долгое время захотелось забыть обо всем и остаться в его объятиях.

«Вот стервец», – подумала я, млея от его ласк. А на душе скребли кошки. Танели, после некоторой заминки, развернул меня к себе, и я поняла, что гораздо слабее, чем могла о себе подумать.

Потом, вспотевшие и уставшие, мы лежали, обнявшись в тишине, наедине со своими мыслями и ощущениями. Танели полулежал, прислонившись к спинке койки, закинув руки за голову, думая о чём-то своём. А я, воспользовавшись моментом, пристроила голову на его груди. Уперев в грудь подбородок, я постукивала пальцами по его крепким мышцам, исподтишка наблюдая за ним. Мой любовник был где-то далеко, казалось, совершенно забыв обо мне.

– Почему ты тогда не выстрелил? – вопрос вдруг сам сорвался с моего языка. Я мысленно чертыхнулась, но Танели уже перевел удивленный взгляд на меня.

– Ты о чём, Александра?

Казалось, я тогда покраснела, чего со мной не происходило с самых лейтенантских пор, когда офицерские погоны на плечах женщины вызывали больше усмешек, чем уважения.

– Ты сомневаешься во мне? Боишься, что не выполню задание? – спросил он, распрямившись в кровати. Мысленно я

хотела убить себя. Танели сел у края кровати, а я подползла сзади, словно нашкодившая кошка, пытаюсь приластиться. Обняв его за шею, я поцеловала его небритую щеку и проворковала, сама не узнавая свой голос:

– Ну, прости. Сорвалось с языка, ты не так меня понял. Просто все, что касается тебя, мне интересно, я хочу больше узнать о тебе, о твоей жизни, о твоём прошлом. Понимаешь?

Он полуобернулся и внимательно посмотрел на меня, и не понятно было, что больше во взгляде его; юношеской злости, задетого за живое самолюбия или все же уже мужского понимания.

– Дался тебе этот волк, – ответил он. – Гнилая история, не хочу об этом говорить.

– Я понимаю, Танели, но из-за него ты попал на войну. Почему так случилось, ведь я точно знаю, не попасть ты не мог, – он задумался.

– Что ж... я шел за ним по пятам уже несколько дней. Пару раз я видел его силуэт в прицеле, но каждый раз какие-то незначительные помехи: то качнувшаяся ветка, то внезапно поднятый ветром сноп снега, то вспорхнувшая стая тетеревов, мешали сделать выстрел. Везло ему хронически. Я не торопился, терпеливо выжидая момент, когда он выдохнется и окажется от меня на расстоянии вытянутой руки. Иногда, сидя у ночного костра, мне начинало казаться, что мыслю как он, чувствую лес его кожей, вижу его глазами, вдыхаю морозный воздух его ноздрями. И тогда мне станови-

лось невыносимо тяжело от нахлынувшей тоски, заставляющей неметь пальцы и отбирающей остатки решимости. И когда я загнал его в ловушку, когда явственно видел его дрожащее тело, держал его на мушке, тогда я не смог нажать на спусковой крючок. Почему? Скорее всего, я и сам не до конца разобрался в этом. Наверное, в тот момент мне показалось неправильным и кощунственным, вот так просто, после всего того, что мы с ним пережили, одним движением пальца всё это прекратить. И тогда я отпустил его. Сколько раз я потом мысленно возвращался к тому моменту, и думал, думал, думал.

– Вернуть всё назад, и ты поступил бы также, – я поцеловала его, – теперь я понимаю, что увидела в тебе. Ты чудный, Танели, и чудной, – я потянулась, удобнее расположив на груди голову. Он заплел руку в моих волосах, – ласка, от которой хотелось замурлыкать и выпустить от удовольствия коготки.

...он еще что-то рассказывал о лесе, охоте, о своей семье и родине. О жутком зимнем холоде и длинных, звездных ночах. О тайге, нескончаемом хвойном океане и озерах, тянущихся до самого горизонта. Я и сама не заметила, как под его убаюкивающий голос начала засыпать.

Я еще долго лежала, наслаждаясь накатившей негой. Счастье витало вокруг меня, обволакивая свежестью и остротой ощущений, тревожащих каждую клеточку тела.

Танели не стал меня будить. В ответ на мое невнятное,

полусонное бормотание он лишь чмокнул меня в щеку. Я, еще не до конца проснувшись, привстала на локтях, но он остановил меня, лишь на прощание махнув рукой. Незакрытая за ним входная накидка палатки еще трепыхалась, а я уже затосковала по несимпатичному, но дьявольски притягательному парню, во взгляде которого хотелось утонуть, голос которого завораживал, заставляя забыть о времени. И тут мне стало страшно. Впервые на этой войне стало страшно до одури, страшно до дрожи в ногах. И не понятна была природа этого, не иначе как потустороннего, страха. Вот что пугало по-настоящему. Не знаю, чего я страшилась больше, что уже никогда не увижу Тanelи или наоборот, что увижу его снова. Бред какой-то. Туман в душе и бардак в голове. Неспособность понять свои чувства, бессилие перед неожиданно острыми эмоциями раздражали и злили. Не знаю, долго ли я еще крутилась в кровати, смяв простыни и взбив до полной невесомости подушку, пока под тяжестью переживаний и невеселых мыслей я всё же провалилась в сон. Усталость, накопленная неделями каторжного труда и постоянного недосыпа, словно гранитной плитой придавила меня к кровати. Сколько раз потом я кляла себя за это. За то, что не смогла справиться с усталостью. За то, что отпустила Тanelи, так и не попрощавшись с ним. За то, что не успела сказать ему, как он мне дорог. Но так распорядилась судьба. Больше мы уже никогда не были вместе. Наверное, он так и не смог простить меня. Как изменилась бы наша жизнь, не

провались я тогда в тяжелое забытие? Не знаю даже. Может, и к лучшему, что обстоятельства сложились именно так, а никак иначе. Да и ненавижу я прощания.

Во сне я звала Танели, заблудившись в лесу с высокими соснами, закрывающими кронами темное небо. В то время, как я потерянная блуждала между одинаково нескончаемыми стволами деревьев, Танели лежал на пустынном бархане, накрытый камуфлированным балахоном. Сжимая бинокль с целеуказателем, локтем чувствуя своего наблюдателя, ожидая появления цели. Он уже ясно видел просыпающийся поселок, с пробежавшими по маленьким улочкам худыми, облезлыми собаками. Он ждал лишь того мгновения, ради которого и стал снайпером, четко представляя себе, как наведет прицел на араба с фотографии, навсегда запечатленной в голове, и положит сухой палец на курок. Не знал он только одного, что всё пойдет не так, как он себе представлял. Что не придется сегодня ему никого убить. И что цель – не араб с фотографии, а он сам.

Из трясины серого, пугающего своей безысходностью, сна, меня вырвал знакомый голос. Открыв глаза, я увидела адъютанта полковника, трясшего меня за плечо.

– Госпожа майор, – вид у него был виноватый и встревоженный, – извините, вы не отзывались, пришлось войти. Полковник вас вызывает, срочно.

– Сколько времени, лейтенант? – спросила я, протирая заспанные глаза.

– Начало четвертого.

– Черт, – я резко распрямилась в кровати, открыв все свои прелести, – группа ушла? – запальчиво спросила я, сама уже зная ответ.

– Да, – непонимающе ответил растерянный и смущенный адъютант, – уже два часа назад. Полковник приказал не беспокоить вас. Он сам проинструктировал группу.

Я громко, не выбирая выражений, выругалась, доложив адъютанту, где видела я их легион, самого адъютанта, полковника, с их накрахмаленными кепи. Адъютант густо покраснел и, подождав, пока я выдохнусь, продолжил:

– Ночью в лагерь пробрался перебежчик, араб. Полковник сейчас его допрашивает. Он хочет, чтобы и вы присутствовали.

– Что за перебежчик? – спросила я.

– Переводчик Адиля. Просит, чтобы его семью срочно переправили на Большую землю.

– С чего бы это? – угрюмо просила я.

– Утром начнутся переговоры о наступлении. Он боится, что от их селения камня на камне не останется, – внутри меня всё сжалось от нехорошего предчувствия. Неужели всё же командование решило окончательно сдать африканские позиции. Эта мысль крутилась в голове, ошарашивая своей простотой и безжалостной ясностью. Если так, то у меня к перебежчику будет только один вопрос. И ответ на него я, если потребуется, выйду и силой, плюнув на все приличия

и этические нормы.

– И еще, госпожа майор, – адъютант запнулся, боясь произнести еще хоть слово.

– Что? – похолодела я, видя, как адъютант прячет взгляд, почувствовав неладное.

– Он сбивчиво объяснил, не всё понятно было. Но вроде как нашу снайперскую группу ждут. Информация просочилась, и Адиль принял меры. В общем, – выдохнул он, – Танели ждет засада.

Не знаю, что увидел на моем лице лейтенант, но судя по тому, как он побледнел, вид у меня был еще тот.

– Я подожду на выходе, – торопливо сказал он, – через час рассвет, госпожа майор.

Я, еле сдерживаясь, лишь махнула рукой, и адъютант, коротко козырнув, ретировался из палатки. Поджав под себя обнаженные ноги, я развернулась на кровати, дотянувшись до планшета.

«В хорошем же я виде предстала перед ним, – подумала я о молодом адъютанте. Почти голая, растрепанная, да еще и позволила себе сорваться на крик. Что обо мне подумают. Истеричка – не иначе. Да о чём это я, господи, нужно же что-то делать», – лихорадочно думала я, наконец, начав понимать, что может произойти непоправимое. К горлу подкатывал комок, а паника постепенно заволакивала разум. Я выдохнула и покрутила головой, пытаюсь сориентироваться в расплывающемся пространстве, отключить эмоции, успо-

коиться и собраться с мыслями. Карты местности с нанесенными рубежами обороны я разложила перед собой, пытаюсь сконцентрироваться на задании, почему-то краем глаза наблюдая за мухой, ползущей по потолку палатки. Тело еще помнило прикосновения теплых ладоней Танели, предательски сковывая движения, а мозг напрочь отказывался работать. В сердцах я скинула карты с кровати, и принялась кусать ногти. Дурацкая привычка, помогавшая сосредоточиться и восстановить самообладание. В верхнем углу палатки громко зажужжала муха, отозвавшись в голове знакомым зудом. Я задумчиво следила за ее тщетными попытками выбраться из паутины, а в голове уже формировалась идея, от неожиданности и смелости которой перехватило дыхание. Перевернувшись одним движением через кровать, я перебрала взглядом разбросанные по грязному полу карты, в поисках той самой, с полукруглым чайным пятном. И, увидев знакомое пятнышко, я приняла решение, изменившее мою дальнейшую судьбу. Бывают в жизни такие моменты, когда один маленький шагок в сторону от уготовленной нам стези переворачивает вверх тормашками все спланированные и заранее обговоренные где-то наверху события. Так и случилось тогда. Кусочки мозаики сложились в единую, стройную картину.

Круто развернувшись на каблуках, поправляя наскоро наброшенную форму, я бросилась в штаб бригады, огибая в темноте палатки с приглушенным светом. В голове на хо-

ду созрел план, безумный по своей задумке, но в тот момент казавшийся единственно верным. Точно я знала только одно. Я вытащу ТANELI из этой западни. Не дам ему умереть. Переступлю судьбу, плюну и разотру логический расклад этой проклятой войны. Пойду наперекор, забуду о приказах трусливого начальства, неспособных перейти к решительным действиям. Заставлю TANELI жить, чего бы это мне ни стоило.

Караульный коротко козырнул и вежливо откинул край входной двери. Полковник уже вел допрос. С заложенными за спину руками он ходил вокруг сидящего на стуле в центре палатки перебежчика.

«Хороший прием», – профессионально отметила я про себя манеру полковника ведения допроса. Ссутулившейся араб явно находился не в своей тарелке, то беспокойно потирая ладони, раскачиваясь словно маятник, то сжимая ими затылок, исподлбья следя за каждым движением полковника. Заприметив меня, полковник торопливым жестом пригласил войти. Кивнув, я села на ближайший табурет, поправляя растрепанные волосы на голове, пытаюсь собрать вместе разметавшиеся мысли. Судя по опешившему виду араба, тот не ожидал увидеть здесь женщину в погонах офицера. Тут-то я и решила воспользоваться моментом и вытрясти из перебежчика, пока он не ждет от меня подвоха и не готов к такому повороту событий, все, что он знает о переговорах. Полковник, заметив мой настрой, пряча улыбку, отошел в

сторону.

– Как выглядел тот человек? – жестко спросила я, едва оторвав зад от табурета, отбросив в сторону смятую нервными пальцами кепку. – Конкретно – рост, цвет волос, глаз, примерный возраст? Ну! – грубо, словно забивая гвозди в стену, спросила я, не давая опомниться арабу. Взгляд его метался между мной и полковником и понятно было, что он лихорадочно размышляет, как подороже выторговать жизнь себе и своей семье.

– Какой человек? – непонимающе спросил араб.

– Хватит строить из себя невинность, я говорю о европейце, госте Адиля, ну, вспоминайте, вспоминайте, господин переводчик. От этого сейчас зависит судьба вашей семьи.

На лбу араба выступили крупные капли пота, а неровные складки у самых бровей выдавали усиленную работу мозга.

– Был европеец, – с усилием выдавил он из себя, – пробыл недолго, вчера вечером в спешке уехал, – от нетерпения я закричала зубами, ожидая продолжения. Видимо, почувствовав мое настроение, араб продолжил, теперь уже без пауз.

– Выглядел он обычно, ничего особенного, – поперхнувшись, ответил он. – Молодой человек. Вел себя с Адилем вызывающе. Был с ним на ты, чего господин никогда и никому не позволял. Внешность, – переводчик задумался, – загорелый, острые черты лица, скорее всего испанец.

Я чертыхнулась про себя, почувствовав, что сбываются худшие опасения.

– Знаю только, что он эмиссар Европейской контрразведки, – полковник иронично, казалось, даже весело взглянул на меня, чем окончательно вывел из равновесия.

Я рванулась с места, схватив переводчика за грудки, и с силой встряхнула его. Араб запрокинул голову, в глазах его ничего кроме ужаса и паники я не увидела. Он что-то быстро забормотал на своем языке, сбивчиво подмешивая арабскую речь английскими словами.

– Ты уверен, что это был испанец? – продолжая встряхивать араба, почти прокричала я.

– Да мадам, – торопливо ответил он, – я не только переводчик, но еще и лингвист, – запинаясь, тараторил перебежчик, – он совершенно точно говорил на английском, с испанским акцентом.

Я шумно выдохнула.

– Что еще?

– Адиль, – уже чуть ли не плача, продолжил он, – со смехом называл его «Черным Лисом», – я отдернулась, словно меня наотмашь ударили по лицу. Сотрудника под этим псевдонимом в управлении знало всего несколько человек. В том числе и я.

«Ай да лисёнок, – подумала я, – засунул-таки в самое пекло свой пронырливый нос. Как же тебе это удалось?»

Полковник, заелозив на стуле, с нескрываемым беспокойством посмотрел на меня, но вмешиваться не торопился.

– В качестве жеста доброй воли, испанец предупредил

Адиля о готовившемся покушении, сделав акцент на то, что исполнитель – снайпер, убравший его заместителя, – закончил переводчик и примолк, ожидая моей реакции.

С затуманенным взглядом я отошла от перебежчика, и, оперевшись ладонями о край стола, громко, не выбирая выражения, выматерилась.

– Рассказывай дальше, – внешне спокойным и холодным голосом продолжила я. Переводчик часто закивал головой, суетливыми движениями протирая смешные круглые очки.

«Странно, – в голову пробралась неожиданно трезвая мысль. – Личный переводчик Адиля, а денег на коррекцию зрения так и не заработал».

– Полковник, – попросила я, чувствуя, что нахожусь на грани срыва. – Продолжите, я передохну, пожалуй.

Полковник понимающе кивнул, и сев напротив перебежчика, продолжил допрос.

В целом картина выглядела так.

Со вчерашнего утра в Эль-Муссаф, резиденцию Адиля Аль-Джажари, начали прибывать представители племен, полевые командиры, набибы генерального штаба, духовные лидеры разного уровня и эмиссары из других стран. Кроме того, в режиме полной секретности и повышенных мер безопасности, прибыли представители некоторых европейских стран. В том числе и разведки. Речь должна была пойти о будущем разделе Северной Африки, экономических сфер влияния, о политическом режиме ряда стран и реорганиза-

ции повстанческих сил для дальнейшего наступления в Европу. Переговоры закончились поздней ночью, и европейские представители спешно ретировались, стремясь поскорее покинуть зону боевых действий.

Полковник присвистнул, я оставалась внешне невозмутимой, но внутри уже нарастала буря. С каждым словом араба росла моя уверенность в правильности собственного плана и решимость привести его в действие.

Со слов переводчика, мне стало очевидно, что управление разработало несколько вариантов операции и решило разыграть втёмную несколько карт. В том числе и мою карту, и лисенка. Вот только от действий Дельгадо всё мое нутро выворачивало наизнанку. И чего уж в управлении никак не могли предвидеть, так это того, что я начну вести собственную игру.

В ответ на вопросительный, и как на мгновение мне показалось, немного ошарашенный вид полковника, я разом выдохнула остатки своего авантюрного плана.

– Вы с ума сошли, – тихо произнес полковник. – Нашли время шутить. Вас, госпожа майор, солнцем ненароком не напекло? – полковник почесал небритый подбородок, разливая по стаканам теплый виски. – Давайте выпьем, и спокойно обо всем поговорим.

Я судорожно сглотнула порцию горячего пойла, и, поморщившись, занюхала заботливо поднесенным полковником к

моему носу лимоном.

– Успокойтесь и выслушайте меня, – исподлобья полковник наблюдал за мной, – связи с Танели нет. Но как только он подтвердит цель, вы можете отдать команду о прекращении операции.

Я помотала головой, казалось слишком резко для простого отрицания.

– Не получится, – с бессилием в голосе прошептала я. – Как только уйдет подтверждение, он будет обнаружен. Мы провалим операцию и потеряем группу.

– Давайте-ка, Александра, переведу весь этот бред на простой язык.

В ответ я, наверное, чересчур, быстро кивнула, соглашаясь и с его спокойным тоном и внезапной фамиллярностью.

– Значит так, – он потер ладони, разлил еще по одной порции виски и свистнул караульному. – Боец, принеси нам льда. И можешь не торопиться, – полковник внимательно посмотрел на меня. – Я так понимаю, лишние уши нам ни к чему.

Вместо ответа я подняла вверх указательный палец. Полковник ухмыльнулся и продолжил:

– С самого начала вам нужен был не снайпер, а наводчик-целеуказатель, – я внутренне напряглась, боясь, что полковник может меня раскусить. То, что я предлагала, иначе как безумием назвать было нельзя. Но у Танели появится, пусть крохотный, но все же шанс вернуться живым с зада-

ния. Но он так и не поднял головы, продолжая рассуждать о моем наскоро состряпанном плане, и я с облегчением поняла, что это было утверждение, а не вопрос.

– Ну, конечно, кто лучше снайпера сможет навести на цель, – продолжал он разговор сам с собой. – Логично, но и цинично, парень получает билет в один конец, ведь вы не собираетесь его оттуда вытаскивать? – спросил он, и разом выпил свою порцию. Я воздержалась, пытаясь сосредоточиться на непростом разговоре.

– У него будут пути отхода, и теперь это не обсуждается, – я подняла на полковника холодный взгляд, и он, не выдержав, отвернулся. – О плане эвакуации я уже позаботилась. Как только мы получим координаты с целеуказателя, его уже будет ждать борт в точке сбора.

– Но все же почему сразу мне не рассказали, не доверяете?

– Доверяю, потому и разговариваю сейчас с вами. Но у пустыни, тем более на вражеской территории, повсюду уши, – полковник кивнул, видимо нехотя, но соглашаясь с моими не совсем уместными словами.

– Сказать честно, большая часть генштаба отмела любые силовые акции как слишком дерзкие и неоправданно рискованные. Среди них был и удар с воздуха, и артобстрел, и даже, – я сделала паузу, набрав в легкие побольше воздуха, – тактический ядерный удар.

Полковник вздрогнул, но продолжал слушать молча, сдерживаясь, как мне показалось, от того, чтобы сорваться в

нецензурную брань.

– Уничтожить вражеское гнездо вместе с командованием повстанцев – не только лакомый кусок. Он еще и слишком большой, чтобы его смогло проглотить наше командование, – с бешенством, смешанным с каким-то почти садистским злорадством, сказала я. – Но слишком уж много совпадений, полковник, для того, чтобы мы бездействовали. Да и показания этого араба, – задумчиво сказала я, – такого шанса больше не представится.

– Хорошо, я так понимаю, в связи с чрезвычайной важностью и секретностью задания, все приказы будут устными, – с ухмылкой переспросил он. Я закусила губу и смолчала. Полковник хмыкнул и продолжил.

– Вы не можете не понимать, что жертв среди местного населения не избежать. Нас объявят военными преступниками.

– Да понимаю. Но полковник, не забывайте – я обладаю чрезвычайными полномочиями. Вплоть до возможности отстранения вас от командования в случае неподчинения, – сказала я и тут же обозлилась на себя за несдержанность. Полковник нахмурился, но смолчал. – Молчите? Хорошо. Не мне вам говорить о том, что мы на войне, и без потерь среди мирного населения не обойтись. А у нас ситуация куда печальнее, речь идет не о победе, а об элементарном выживании, – я замолчала, соображая, не перегнула ли палку. Внешне полковник оставался спокойным.

– Решать вам, – кивнул он. – Но подумайте, достаточно ли у вас причин для того, чтобы отдать мне этот преступный приказ. Мало того, выполнив его, я поставлю под удар всю бригаду. Мы лишимся последнего аргумента, сдерживающего аборигенов на их позициях. Если я использую свою последнюю козырную карту, мы останемся без прикрытия, да нас тут..., – полковник заметно разволновался и замолк, встав из-за стола, начал нервно отмерять жилую площадь штабной палатки. – Нас передают, как слепых котят, – выдохнул он и, подойдя к окну, нервным движением достал смятую пачку сигарет.

Впервые за все время разговора я задумалась над последствиями своих действий. Выбор у меня был невелик, и от осознания своего бессилия хотелось завывать, спрятаться поглубже и забыться. Если план удастся, то моей карьере как офицера контрразведки придет конец. Скорее всего, меня ожидает трибунал. Если план провалиться... Ну, тут всё просто, тогда все мы покойники. Но игра стоила свеч, если все пройдет, как я задумала – повстанцы минимум на месяц потеряют инициативу. Я как никогда ясно осознавала правоту своих действий. Еще бы, такая удача, практически вся верхушка повстанческой армии в одном месте, полевые командиры, эмиссары и духовные лидеры. Но у нашего командования не хватит духа воспользоваться этой ситуацией. Страх перед провалом перевешивал все трезвые доводы в пользу проведения акции по ликвидации практически в полном со-

ставе командования противника. Война шла так давно, что сама мысль о проведении диверсионной операции в глубоком тылу врага казалась кощунственной. Состояние стагнации, похоже, устраивало обе стороны. И даже если они решатся, время, поглощенное многоэтажной военной бюрократией, будет упущено. Но сегодня утром хрупкое равновесие сил будет нарушено. Конечно, глупо было бы утверждать, что на узком перешейке Средиземного моря, который аналитики генерального штаба уже вычеркнули из стратегических планов, решится судьба всей войны. Но то, что расстановка противоборствующих сил изменится до неузнаваемости, можно было утверждать совершенно точно.

Я, не придумав ничего лучше, встала за спиной полковника, и, молча, положила руку на его плечо.

– Я отдам этот приказ. Но вы пойдете под трибунал, – мрачно изрек полковник. – И я с вами. Это в лучшем случае. А худшем – нас хлопнут тихо, без суда и следствия, – он повернулся ко мне и неожиданно грустно улыбнулся.

– Вы страшная женщина, Александра. Но я рад, что судьба свела меня с вами, – он опустил голову и прошел мимо меня. На мгновенье задержавшись, он, не поворачиваясь, добавил, – отдохните, госпожа майор, меня не будет пару часов, можете расположиться здесь. – И кстати, – продолжил он, поправляя форму, – о лучшей компании я и не смог бы мечтать, когда нас с вами поставят рядышком к стенке.

И тут я засмеялась, по-детски, искренне, с повлажневши-

ми глазами. На душе вдруг стало неожиданно легко. Я сбросила весь груз ответственности на двух человек, командира бригады и рядового снайпера. Теперь лишь в их руках находилась моя дальнейшая судьба и жизнь тысяч людей.

Мы сидели на холодном песке, у штабной палатки, и, скрестив ноги, курили в нервном ожидании. Все было решено. Приказы отданы, подтверждения получены, подразделения находились в полной боевой готовности. Дело оставалось за малым – получить координаты от Танели. Я знала, что не подведет, такие люди не умеют подводить в принципе. Но сердце волнительно стучало, отзываясь нервной отдышкой и дрожащими пальцами с зажатой, полуистлевшей сигаретой «Gitanes». Дымок от сигареты тонкой струйкой тянулся к темному, почти черному небу, залитому отблесками тысячи звёзд.

«Странно, – подумала тогда я, выдыхая изо рта пар, – пустыня, и вдруг холод. Несовместимые вещи, как и все то, что здесь меня окружает, в мирной жизни существующее лишь в нереальных кошмарах, здесь же считающееся в порядке вещей».

Ночную тишину прервал нарастающий шум, заставивший повернуть меня в его сторону голову. Он, словно грохот цунами, наступал со стороны моря; низкий гул, отозвавшаяся внутри радостью, от которой перехватывало дыхание. Зарево поднималось от самой линии горизонта и неумолимо

приближалось к нам, играя причудливыми цветами на гладкой поверхности моря. Палатка вдруг мелко задрожала, и через секунду звёзды погасли, словно их не было. И над нашими головами, расчеркивая черное небо ослепительными трассами, промчались управляемые ракеты. От оглушительного свиста, сопровождающего их полет, закладывало уши. Непроизвольно закрыв их ладонями, я взглянула слезившимися от ослепительного света глазами на лицо полковника, на котором играли отблески огненных трасс, оставляемыми уходящими в южном направлении ракетами. И непонятно было, чего больше в его виде: гордости, злорадства или облегчения. Наверное, всего в равной мере. Не было в его взгляде только одного – сожаления. Пока. Конечно, мы не могли знать, что эта атака лишь первое звено в цепочке страшных событий, которые в будущем обезобразят мир до неузнаваемости...

Умница Вольф заскочил на стол и сел около приклада. Ему всегда нравилось наблюдать за руками Вики, когда она помогала в доме по хозяйству. Отточенные, аккуратные движения рук Вики околдовывали его, а когда они прикасались к его шерсти, он замирал в предвкушении удовольствия, совершенно забывая о своей природной кошачьей настороженности. Вольф удобнее улегся на столе, неотрывно следя за каждым движением Вики, замороженный плавностью движений ее пальцев. С затвором она управлялась не менее лов-

ко, чем с посудой, веником и тряпками. Руки Вики, словно бабочки, порхали по винтовке, уверенно, без суеты, словно гвозди в доску загоняя очередную деталь на место. Закончив сборку, она одним уверенным хлопком отправила затворную раму, и с громким щелчком закрыла крышку ствольной коробки. Присоединив прицел, Вика поставила винтовку на приклад, и, улыбнувшись коту, еще раз провела рукой по Тимбервольфу. Защелкнув магазин, она бережно положила винтовку на стол.

– Патроны с урановым наконечником, – Вика задумчиво крутила в руках винтовочный патрон с пулей ярко красного цвета. Если такой найдут – закроют без суда и следствия. Кто ж так расстарался?

– Одна знакомая, – отмахнулся Даниэль.

– Ну-ну, – хмыкнула Вика, подмигнув Вольфу. – Сколько лет прошло, ты все не стареешь, – она грустно улыбнулась лежащему на винтовке коту и погладила его шерсть, отдающую сединой. А тот, урча, украдкой наблюдал за хозяином. Даниэль, сидя в кресле, шлепал ладонями по подлокотникам, задумчиво глядя в стену.

– Мальчишка самоуверенный, один пошел, не предупредив. Сколько раз говорил ему, смотри за спину, – проворчал он себе под нос. – Мало я его в свое время гонял.

– Не казни себя, значит, он не ждал, что к нему подкрадутся сзади, да и откуда было ему знать, – не глядя на Даниэля, вздохнула Вика, – молоко есть, дядя Денни? – Даниэль

махнул рукой в сторону кухни, и Вика, оттирая куском ветоши руки от оружейной смазки, отправилась к холодильнику.

– Они охотились вдвоем не зря – так они были обучены. Быстрота, скрытность и маскировка, прежде всего. А когда волчица забеременела, Конрад, зная, что одного его очень быстро обнаружат, растворился в заповеднике, затаился. И залез к нам в дом, словно обычный вор. Но как же хитро он действовал, – он покачал головой. – Проникнуть туда, где его никто не ждал.

– Вольф, – позвала кота Вика, наливая в блюдце молоко. Кот мягко спрыгнул со стола и, потеревшись об ее ноги, переключился на миску, раздраженно стряхивая с усов капли молока.

– Думаю, он просто боялся надолго оставлять ее в лесу одну, – подала голос из кухни Вика, наблюдая за чавкающим Вольфом, – потому и решился на воровство.

– Пожалуй, да... – протянул Даниэль. – Когда они пришли в заповедник, то охотились только на диких животных, весьма эффективно используя тактику засад. Без нее он вынужден был бы раскрыться. Думаю, он предпочёл бы сдохнуть с голода, чем быть обнаруженным людьми. Но странное все же дело, – Даниэль оживился, наклонившись в кресле, пытаясь высмотреть Вику, – ни одна камера не обнаружила его присутствие в сараях, овцы даже не пошевелились, когда он проник внутрь. Лишь датчики отреагировали, но этого никто не учёл. Слишком уж часто сигнализация срабатывала без по-

вода. А я говорил Генри, – зло прошипел Даниэль, – что нужно менять охранную сигнализацию. А они, – он неопределенно махнул головой в сторону дверей, – лишь отмахивались в ответ. Это не простое везение – он обучен проникновению в охраняемые помещения. Камеры он, не глядя, обходил, четко зная, где находятся слепые зоны. Какой уж тут призрак – он не призрак, а умный и изворотливый оборотень.

– Да кто же, чёрт побери, он такой, – прошептала, вернувшаяся в комнату Вика.

– Лучше, девочка, тебе не знать об этом, – хмуро ответил Даниэль. – Вика, нужно отдохнуть – глаза краснущие, сколько ты не спала? – Вика взглянула на него, вдруг ее губы предательски задергались, и она разрыдалась, закрыв лицо руками. В первый раз за несколько кошмарных дней в ожидании смерти Игнатика она дала волю чувствам.

– Будь осторожнее, дядя Денни, я наверно не переживу, – она запнулась, громко всхлипнув, – если еще и с тобой что-нибудь случится.

– Не говори глупостей, – Даниэль прижал к себе Вику, которая вцепилась руками в его спину, словно боясь отпустить. – Тебе нельзя беспокоиться, подумай о ребенке, – Вика с усилием проглотила слезы, пытаясь успокоиться. – Игнат проснется, и все у вас будет хорошо, – он успокаивающе провел рукой по ее голове.

– А ты? – она подняла на него полные слез глаза.

– А со мной все в порядке будет. И не говори мне об Иг-

нате. В отличие от него, я хотя бы понимаю, с кем мне придется иметь дело.

«...А ты, ты, видишь ли, скажи,

Порой хоть Тень мою,

Когда полями вдоль межи,

Спускаешься к ручью».

(И. Гете, «Вечерняя песня охотника».)

Конрад неспешно вышел на опушку леса, освещенную полной луной. Впереди, на вершине берега реки его поджидал охотник. Важно было, чтобы луна не подвела его, этот охотник был аккуратен, не как тот, молодой, который так беззаботно подпустил Тень к себе. Старый охотник знал его, знал все его повадки и хитрости. Уже сутки Конрад ощущал его присутствие в лесу. Охотник незримо был рядом, осторожно выжидая. Конрад тоже выжидал, сам того не заметив, начав играть в игру охотника. Они оба ждали ошибки другого, боясь сделать неверный шаг. Словно бег по тонкому, хрупкому льду. Но нужно было рискнуть, и тогда они спокойно покинут лес. Здесь им больше делать нечего. Да и осень на подходе. Сегодня все встанет на свои места. Они должны были встретиться. И этот момент неумолимо приближался, будоража каждую его клеточку. С таким противником Конрад еще не сталкивался. Враг был рассудителен и

умен, ловко минуя его ловушки, тем не менее, не отпуская Конрада из вида. Пару раз он засек охотника на возвышенностях. Но было очевидно, что тот светился намеренно, давая ему понять, что он рядом. Игра продолжалась. Время и место Конрад выбрал идеально. Свет луны исказит его отражение в воде, а Тень верно выберет момент броска. Главное, чтобы охотник был на месте. И тогда, когда он уже ясно ощущал вкус победы, посреди вечерней тишины леса, нарушаемой лишь шумом ручья – Конрад услышал сухой треск капсуля и успел лишь повернуть голову в ту сторону, где должна была сейчас находиться Тень.

«Вот и всё. Как просто. Так легко обвел вокруг пальца, – обреченно подумал он. – Тень, уходи, – взмолился он, и это была его последняя мысль. Егерь передернул затвор, и патрон еще не коснулся земли, а свет в глазах Конрада уже померк.

Тень вышла на схрон одновременно с Конрадом, который уже мелькнул вдалеке, на освещенном лунной ручье. Шерсть ее встала дыбом, глаза загорелись адским огнем, тело вдруг стало легким и неправдоподобно послушным. Она уже была готова к прыжку, когда молнией в голове ударила ясная в своей жестокости мысль – в схроне никого не было. Она растеряно повела мордой, все еще не веря в то, что происходит. Впервые она не знала, что делать, чувствуя, как паника обволакивает голову. И тут раздался выстрел, совсем с другой стороны ручья. Тень опустила уши и вжалась в землю. Она

перестала слышать Конрада, лишь холодный запах смерти проник в ее сознание. И тогда она разжалась в полный рост, и пронзительно взвыла, задрвав к небу морду. И это не был вой страха, это был крик отчаяния и боли, тоски и злости.

Даниэль обернулся на вой, раздавшийся из фальшивого схрона. Загнав очередной патрон, он перевел прицел на свою ловушку. В прицеле он ясно увидел горящие глаза волчицы, и на мгновение показалось ему, что мелькнуло в них что-то человеческое. Но палец на курке не дрогнул. Раздался выстрел, за которым все тело словно окатило ледяным холодом. А затем волной накатила дьявольская радость. Забытое, упоительное чувство победы, пьянящее и дурманящее голову, неправдоподобно замедляющее бег времени. И потом всё вдруг исчезло. Внезапно и быстро, уступив опустошающему чувству, сродни похмелью, да противоположному, металлическому привкусу в пересохшем рту. Даниэль присел спиной к окопчику, поставив «волчицу» рядом с собой. Пальцы, сжимающие ствол винтовки, мелко дрожали, предательски напоминая о возрасте. И настала тишина. Оглушительная, отдающая в висках мерзким пульсирующим стуком крови.

«Тот, кто борется с монстрами, не сможет уберечь себя, чтобы самому не стать монстром».

(Фридрих Вильгельм Ницше).

Александра суетилась на кухне, готовя обед для внука,

сброшенного на нее вечно занятой матерью. Громкий стук ножа о разделочную доску отвлек ее от сигнала о сообщении.

– Бабуль, – пятилетний внук, улыбнувшись большими зелеными глазами, протянул ей телефон.

– Ты мой сладкий, – чмокнула она в челку внука, краем глаза взглянув на экран. Сообщение было коротким, но новость заставила Александру радостно вздрогнуть. Две короткие фразы были сколь долгожданны, столь и неожиданны. В глубине души она продолжала надеяться, что доктора удастся разыскать. Но не думала, что это произойдет так скоро, так вовремя. Учитывая то, что уже как год формально Эскулап считался умершим, и шансы найти его были чрезвычайно малы. Слишком хорошо она знала Лисёнка. Уж в чем в чем, а в небрежности при заметании следов обвинить его было сложно. И тут такой подарок судьбы. Всего предусмотреть нельзя. Разве мог Лисёнок предвидеть, что всплывет давно забытый документ, за подписью доктора, благодаря которому, собственно, она и вышла на след Эскулапа.

«Эскулап обнаружен. Ждем указаний».

Александра одним движением ножа смахнула с доски в кипящую кастрюлю порезанные овощи и дотянулась до полотенца, задумчиво посматривая на экран.

«Сейчас главное не пороть горячку», – вытерев руки, она развязала фартук, и, отбросив его, присела рядом с прозрачным обеденным столом. Под стеклом стола, на вытянутых ногах на нее поглядывали забавные тапки – собачки, пода-

ренные внучком. Сбросив их, она размяла затекшие пальцы ног и дотянулась до телефона.

«Нашелся-таки, кровосос», – ухмыльнулась она еще раз, с удовольствием посмотрев на экран. Задумчиво покрутив телефон в руках, она ввела сообщение, и в ответ на сигнал о доставке откатила его вдоль стола, словно желая побыстрее сбросить с себя груз ответственности.

«Ничего не предпринимать. О любой активности вблизи объекта докладывать немедленно».

«Вот и всё, Лисенок. Теперь поквитаемся. Посмотрим теперь, как будет выкручиваться наш знаменитый хитрый лис».

Выдохнув, пытаясь успокоиться, она встала и подошла к шкафу. Налив в рюмку порцию джина, она одним залпом выпила ее и занюхала кусочком лимона. На плите зазывно застучала крышка кастрюли, выдернув Александру из задумчивости.

Александра подошла к двери, где стояли ее люди – оперативники из наружного наблюдения. Один из них четким движением приоткрыл перед ней дверь, пропустив в помещение, пропитанным запахом лекарств и затхлым смрадом, извергаемым пролежнями старческого тела. Комната была пропитана противным, сладковатым запахом – таким знакомым запахом смерти. Эскулап полулежал на кровати, с подложенной под спину подушкой, словно паук, опутанный пау-

тиной проводов и капельных трубок. Его дыхание, прерываемое отрывистым свистом из легких, перемешивалось с монотонными звуками медицинских приборов, окружающих кровать, и аппаратурой, поддерживающей едва теплящуюся жизнь умирающего.

«Судьба, всё же, иногда может быть справедливой», – злобно подумала она, глядя на доктора, умирающего в одиночестве, пускающего безвольные слюни под действием обезболивающих препаратов.

– Сможете привести его в чувство? – спросила Александра врача. Тот поднял на нее голову, оторвавшись от больного.

– Да, – ответил он, слегка задумавшись, – но ненадолго, максимум на полчаса – час, потом он снова начнет бредить, и скорее всего опять впадет в беспамятство, – врач покачал головой, – тут я бессилён – последняя стадия болезни. Пациент большую часть времени проводит в бессознательном состоянии. Даже не знаю, можно ли в его случае говорить о возможности пребывания в здравом рассудке. Я бы на вашем месте не рассчитывал на какую-то определенность в суждениях больного, – он поправил очки и коротко кашлянул. – Хотя решать, безусловно, вам. Но если вы хотите знать мое окончательное мнение...

– Не хочу, – сквозь зубы процедила Александра. – Делаете то, что вам велено. А ваше мнение, – Александра ядовито улыбнулась, и от этой улыбки внутри доктора все похолоде-

ло, – я попросила бы вас оставить при себе.

– Да конечно, – торопливо согласился врач, и подсев к больному доктору, взял его за запястье, нащупав пульс. Утвердительно кивнув, он аккуратно поставил на колени медицинский ящик и достал шприц и препараты. Щелкнув ногтем по краю ампулы, он еще раз посмотрел на Александру, и, не отводя от нее глаз, надломил ее кончик. Александра, поведя желваками, отвернулась, не собираясь вникать в смысл его манипуляций, и, обняв свои щеки ладонями, сосредоточилась на Эскулапе. Доктор размеренно дышал, находясь в глубоком сне. Руки его были вытянуты вдоль тела, поверх бледно-голубой простыни. И глядя на иссохшего, почти умершего Эскулапа, Александра начала сомневаться в том, что визит сюда имел какой-либо смысл.

Врач поднялся и, нащупав катетер капельницы, ввел содержимое шприца в пакет с физрасствором. Александра с нетерпением наблюдала, как на землистом, неестественно грязно-желтом лице старика начал проступать румянец.

Через какое-то мгновение веки больного задергались, а костлявые пальцы рук сжались в кулаки, скомкав простыни.

Открыв глаза, доктор обвел взглядом комнату, и остановил свой взгляд на Александре. Некоторое время он рассматривал ее живыми, совершенно разумными глазами, словно пытаясь вспомнить, кто же она такая. От острого, пронизывающего взгляда Эскулапа, Александра поежилась, в глубине души, однако, почувствовав удовлетворение от пробуж-

дения доктора.

– Кто вы? – спросил ее умирающий низким скрипучим голосом. – Ваше лицо мне знакомо.

Александра иронично взглянула на врача, стоявшего у изголовья больного, и тот в ответ лишь пожал плечами.

– Ааа, – протянул старик, – Симон, как же, как же, а я ведь помню вас.

– Ну, раз так, то не будем терять время, у нас и так его мало, и сразу перейдем к делу. Вам знакомо имя Адриано Дельгадо? – спросила она, взявшись руками за спинку кровати у ног эскулапа.

Доктор хранил молчание, остановив взгляд на потолке.

– Молчите? Странное желание – защищать человека, который, запугав всех ваших родственников, запер вас здесь, догнивать остаток дней.

Лицо старика на мгновение исказила гримаса ненависти. Он прекрасно сознавал свою беспомощность, но мера злости от осознания своего бессилия не уменьшалась.

– Как вы себя чувствуете? – Александра осеклась, мысленно обругав себя за несдержанность, и попыталась сменить тему, – у вас есть какие-либо просьбы?

Доктор посмотрел на Александру, и она почувствовала, что он смотрит не на нее, а куда-то вдаль, словно обдумывая, что ей ответить. Эмоции стерлись с его морщинистого лица, и доктор снова надел маску безучастности к происходящему в комнате.

– Для моего положения – неплохо, меня больше беспокоит судьба моих близких. Что вы хотите знать, Симон? – произнес доктор уже совершенно спокойным голосом, – спрашивайте, я постараюсь, чем смогу, помочь, – тяжело произнес он, цедя каждое слово.

– Оставьте нас наедине, – прошептал он, и Александра кивнула врачу, который воспринял эту просьбу с видимым облегчением. Как только за ним захлопнулась дверь, Александра под села к доктору, достав заранее подготовленный диктофон.

– Вы можете говорить, доктор? – спросила она без тени беспокойства, скорее следуя официальным правилам, нежели элементарному сочувствию. В ответ Эскулап закрыл глаза в знак согласия. – Что ж, протокол вам известен, в любой момент вы вправе завершить дачу показаний. И не забудьте подтвердить, что вы находитесь в трезвом уме и ясной памяти. Пожалуй, это всё, приступим, – Александра щелкнула диктофоном и положила его на тумбочку у изголовья больного.

«Вот так думаешь, думаешь, думаешь –
и, в конце концов, выдумываешь порох».

(Аркадий и Борис Стругацкие. Трудно быть богом.)

Моё имя – Далан Ковач. С чего начать? Не знаю, думаю, прежде всего, я должен сказать, что не вправе рассчитывать на прощение. Даже время не в силах похоронить в умах и

душах людей злодеяния, совершенные мной. А хочу я только одного – чтобы моя исповедь хотя бы немного, но помогла бы понять мотивы моих поступков. Скорее всего, вам покажется странным мое видение известных всем событий, но поверьте, большая часть истории либо выдумана, либо искажена в угоду капризной конъюнктуре. Я постараюсь как можно объективнее изложить факты и события тех дней. Во всяком случае, тех событий, к коим имел непосредственное отношение.

Начать, наверное, нужно издалека, с тех времен, когда я еще не был отягощен ни званиями и должностями, ни титулами и наградами, а являлся обычным практикующим врачом. После медицинского университета меня направили в один из небольших городков, которые иногда и на карте сложно найти, в муниципальную клинику на должность участкового врача. Жизнь провинциального доктора удручала меня, отягощала своей предсказуемостью и определенностью. Максимум, чего я мог достигнуть, продвигаясь по карьерной лестнице, учитывая отсутствие связей и далеко не блестящее образование, это должность главврача заштатной клиники. Но я всегда верил в свое предназначение, уготовленное мне небесами. Хотя и представить себе не мог, до каких высот доберусь в будущем. Так бы я и занимался выпиской рецептов для стариков и детскими прививками, если бы не воля случая. Через пару лет, когда я уже почти смирился со своим положением, моя жизнь совершила совершен-

но неожиданный поворот. В начале курсы повышения квалификации, которые мне предстояло прослушать в свете назначения на новую должность, были восприняты мною как бесполезное времяпровождение, но необходимая кадровая карусель. Тут нужно добавить, что меня никогда не тянуло в медицину. Еще в университете я мечтал об аспирантуре и научной работе. Меня совершенно не прельщала перспектива посвятить свою жизнь служению у операционного стола. Куда ближе мне были книги, отчеты и лабораторные исследования. Но жизнь рассудила иначе, определив мне стезю обычного работяги. Но на курсах я был замечен одним из академиков, представителей новой, пробивающей себе путь наверх науки – схемогенетики. Удивительная вещь случай. Когда совпадает время, место и характеры людей. Я нашел общий язык со своим преподавателем на почве обоюдной одержимости неограниченными возможностями и ресурсами, которые были заложены в геноме человека. Идея совершенного человека пьянила и будоражила. Целые вечера мы проводили в беседах, заканчивающихся за полночь, в оживленных спорах и дискуссиях. А когда курсы закончились, я получил высшие балы и твердое обещание академика помочь мне с переводом. Вскоре я получил приглашение в престижный научный нейрохимический институт, где мне предстояло, наконец, со спокойной душой заняться кандидатской работой, а в перспективе и докторской. Параллельно я должен был принимать участие в исследованиях, целью которых

было определение предельных возможностей человеческого мозга.

В институте я специализировался в области искусственной репликацией ДНК, собственно этому и была посвящена львиная доля моих научных работ. Но речь не об этом. Я хочу, чтобы вы поняли, как одержимость идеей может изменить человека, перестроить его внутренний мир, подчинив своей воле, сведя все его поступки только к одному – к достижению поставленной цели. Это было прекрасное время, время чудес и открытий, время, наполненное смыслом, каждодневной научной пахотой, приносившей одну лишь радость, и удивительных прозрений. Удачно складывалась и личная жизнь. Я женился на молодой лаборантке, студентке университета, которая вскоре забеременела, и к рабочим обязанностям прибавилась еще и ответственность за семью и будущих детей. Но эти обязанности не тяготили меня, а доставляли удовольствие, заставляли аккумулировать все мои интеллектуальные способности, стимулируя к новым открытиям. Мне казалось, что не существует задач, которые я бы не смог решить. Но потом начались проблемы. Ряд препятствий, скорее практического, нежели теоретического плана, тормозил всю работу. Для эффективной исследовательской работы были необходимы подопытные экземпляры. Добровольцев найти было совершенно невозможно, а эффект от работы с материалом умерших по мере усложнения научных задач постепенно приближался к нулю. Работы с ис-

кусственным интеллектом, призванным стать заменой интеллекту человеческому, с треском провалились, и казалось, что мы уперлись лбом в непроходимую стену, сломать которую смогла бы только новая методология. А это означало бы фактически закат научной карьеры большинства сотрудников института.

Решение проблемы пришло само собой. Но об этом позже.

Началась война. Я не мог и представить себе, через какие испытания мне придется пройти в будущем, и с какими искушениями вседозволенности и неподсудности придется столкнуться. Сколько раз я буду балансировать у черты, разграничивающей человеческую жизнь, с устоявшимися моральными ценностями, и области неизведанного, где царила совершенно другая этика. Меня как военнообязанного направили на Ближний Восток, в самое пекло боевых действий. От того времени у меня остались смешанные и туманные воспоминания, большая часть которых сейчас либо стерлась, либо, пожалуй, превратилась в легенды из жизни какого-то другого человека. Да и вспоминать-то особо было нечего: изматывающая работа за операционным столом, по двадцать пять часов в сутки, иногда под непрерывным обстрелом, и море крови, смешанного с непрекращающимся стоном раненых и хрипом умирающих. С другой стороны, там я стал мужчиной, впервые ощутив вкус врачебной работы и гордость от спасения сотен жизней. Но боль и страдания людей, отсутствие какой-либо ценности жизни, заста-

вили огрубеть мою душу и превратили в неисправимого циника с синдромом Бога. Через три года я вернулся домой, к семье, с подрастающим сыном и расцветающей женской красотой женой. Демобилизовали меня в звании майора медицинской службы, кавалером нескольких боевых наград, с бесценным опытом военно-полевого врача, инвалидной тростью и совершенно другим человеком. Изменился до неузнаваемости и мир, в который я вернулся. Жена оказалась совершенно чуждым мне человеком, до той степени, которую я раньше не мог заметить в силу своей влюбленности и незрелости. Для сына я оказался почти посторонним человеком, отцом, которого он знал только по фотографиям.

Вернуться в семью, которая стала для меня чужой, оказалось страшнее всего того, через что мне пришлось пройти на войне. Я не стал насильно менять что-либо в моих отношениях в семье, разбираться в себе, в своих чувствах, в чувствах когда-то близких мне людей. Проще было пустить всё на самотёк, замкнуться в себе, понадеявшись, что со временем всё изменится к лучшему; отгородиться от жены и сына, которые, как мне казалось тогда, восприняли мое решение скорее с облегчением, нежели с сожалением. В той ситуации я не придумал ничего лучше, чем окунуться с головой в работу, прикрыться ей от бытовых проблем, как накрываются подушкой, спасаясь от утреннего шума. Какое-то время я перебивался частной практикой и временными подработками, пока, при помощи старых связей, не был принят на государ-

ственную службу, тюремным врачом. В непростое, временами голодное время, пережить которое на армейскую пенсию было невозможно, новая должность обещала стабильность и неплохой достаток. Я был восстановлен на военной службе. Продвигаясь по служебной лестнице, довольно скоро меня назначили на должность главврача лагеря. Впрочем, тюремная практика не мешала мне вести активную переписку со своим институтом, находясь в непосредственном контакте с бывшими коллегами. К тому времени институт приобрел статус оборонного предприятия, и был включен в штат министерства обороны. Это означало не только финансовую свободу, средства на исследования выделялись огромные, но и разрешение на проведение опытов над людьми, цинично называемых между сотрудниками – людским материалом. Если вы спросите меня, когда же в моей голове возникла идея об использовании человеческого материала, я затруднюсь ответить. Но совершенно точно эта мысль пришла мне в голову еще в бытность главного врача лагеря, когда ни о каких активных исследованиях в институте речи не велось. Поэтому, не без гордости, хочу заметить, что идея об использовании в процессе лабораторных испытаний человека принадлежит лишь мне. Что в будущем и предопределило научный прорыв в области генетического конструирования. Видя ущербность и неполноценность заключенных, с которыми мне приходилось сталкиваться по роду службы, я не раз в мыслях возвращался к идее усовершенствования человека.

Благо, условия лагеря предоставляли мне прекрасные возможности для полулегальных лабораторных и медицинских исследований, без страха преследования законом. Наверное, тогда я и стал «Эскулапом», хотя это прозвище появилось гораздо позже. Был ли у меня выбор? Пожалуй, нет, и если сейчас, по истечению стольких лет, меня спросят, как бы я поступил, я бы ответил – так же.

Тут, мне нужно сделать небольшое отступление, дабы в дальнейшем не возникало двоякого суждения, уточнив, что же я подразумеваю под термином «человеческий материал». Лично для меня принятие решение об опытах на людях явилось своеобразным Рубиконом, раз и навсегда отгородившем меня от остального мира. Когда на моих глазах умер первый заключенный, не выдержавший лабораторных испытаний – мне стало кристально ясно, что пути назад уже нет. Либо я добиваюсь успеха, невзирая на всевозрастающее число жертв, и получаю пожизненную индульгенцию, либо, в случае неудачи, на моей карьере и жизни можно будет поставить крест. Страшнее всего была мысль, что с потерей работы, ставшей для меня всем, я потерял бы всякий смысл к существованию. Разумеется, моя медицинская деятельность не могла быть не замечена наверху. Чаша весов в любой момент могла склониться как в мою сторону, так и в сторону моих врагов, коих с пришедшими ко мне успехом и признанием становилось всё больше. Со смертью первого подопытного я перешел черту, и вверил свою судьбу воле случая. Но

случилось так, что в условиях ухудшающейся обстановки на фронтах, дефицита времени и человеческих ресурсов, министерство обороны оказалось заинтересовано в результатах опытов. Мои исследования, касающиеся вырождения человеческого генофонда и изыскания путей улучшения его наследственных свойств, были высоко оценены. Я был представлен к очередному званию, с предложением занять должность директора вновь организованного института генетики.

До моего прихода исследования в области генетики находились в упадочном состоянии, вызванном неспособностью руководителей к ответственным и смелым решениям. Количество подопытных, попадающих в институт в добровольно-приказном порядке, уменьшалось, а неудачных экспериментов – увеличивалось. Росла и кипа бумаг с отписками по каждой неудачной операции, и с приказами усилить интенсивность исследований, идущих сверху. Военное руководство мало считалось с жертвами, а объективные преграды и научные неудачи интересовали их меньше всего. И случилось то, что должно было случиться – нажим сверху, и растущее сопротивление неподдающихся насильному вторжению тайн человеческого организма – произвели эффект разжатой пружины. Теперь, скорее всего, точно и не узнать, каким образом это решение смогло пробить себе путь наверх. Мое обивание порогов различных министерств носило скорее формальный, нежели практический характер. Я прекрасно понимал, что утверждение моего предложения может по-

виснуть в воздухе очень надолго, если не навсегда. Но факт остается фактом. Идея очистки генофонда наверняка имела множество поклонников и высокопоставленных покровителей. И положительное решение по моим предложениям было лишь вопросом времени. Так и случилось. Шлюзы открылись, и уже ничего не могло помешать мне завершить начатое. Институт получал в свое распоряжение неограниченное количество человеческих ресурсов, не требующее жесткой отчетности, контроля и боязни за их утерю.

Я говорю о заключенных концентрационных лагерей.

В начале войны в большинстве стран европейской оси были организованы закрытые территории, в простонародье называемые резервациями, в которые были согнаны незаконные эмигранты из Африки, Ближнего Востока, часть азиатской и восточно-европейской диаспоры. Не знаю, чем было вызвано это решение: боязнью ли открытых бунтов, организации подполья или обыкновенной ксенофобией. Но как показала история, постройка резерваций возымела обратный эффект. Ограниченное пространство, лишённое элементарных бытовых удобств, вело к тотальной антисанитарии, и как следствие – к вспышкам вирусных заболеваний и непрекращающимся волнениям и бунтам. Фактически решение по организации резерваций привело только к одному – к тому, что страны Европы получили в своем тылу второй фронт, отнимающий колоссальное количество ресурсов, и оттягивающий часть боеспособных воинских частей для поддер-

жания порядка. В условиях тяжелой войны единственным, как тогда казалось, верным решением была организация целой сети концлагерей, со строгой иерархией, жесткой дисциплиной и бесчеловечными методами поддержания порядка. Как и всё, деятельность концлагерей была подчинена только одной цели, перевооружению и укреплению армии, пытающейся остановить накатывающиеся волны экспансии стран третьего мира, и наращиванию промышленных мощностей оборонного комплекса. Это, разумеется, касалось не только бесплатного рабского труда. По любому требованию, из лагерей доставлялось любое количество крови для госпиталей, и, о чём сейчас всячески замалчивается, так необходимый донорский материал. Потому ни у кого не возникло и тени сомнения по поводу использования заключенных в качестве материала лабораторного.

Внезапно Эскулап закашлялся, и, отвернув к стенке голову, начал что-то бормотать. Александра запаниковала, и, щелкнув диктофоном, склонилась над доктором, вслушиваясь в его шепот. Понять что-либо из бессвязных фраз, большинство из которых он произносил на сербском языке, было совершенно невозможно.

– Доктор, – она громко, но уже вежливо, позвала наблюдающего врача, с бессилием чувствуя, как желанная добыча на глазах ускользает из ее рук.

Вошедший врач, лишь мельком взглянув в сторону Эскулапа, покачал головой.

– Мне нужно еще несколько минут, сделайте что-нибудь, приведите его в сознание, – процедила не своим голосом сквозь сжатые губы Александра.

Наверное, взглянув на нее, врач понял, что споры бесполезны, но и промолчать он не смог:

– Хорошо, но я должен буду остаться рядом с пациентом, извините, но...

– Оставайтесь, – холодно прервала его Александра. – Но запомните, ко всему тому, что вами будет услышано, теперь и вы будете иметь непосредственное отношение. И поверьте мне, лучше вам помалкивать о том, что здесь будет произнесено.

От его лица отхлынула кровь, но он всё же предпочел остаться. Совершив необходимые манипуляции, он взглянул на наручные часы, и коротко сообщил:

– Минут тридцать он поспит, ему нужно отдохнуть. После пробуждения у вас будет не больше десяти минут. А потом..., – врач покачал головой. – Когда он будет в следующий раз в трезвом уме, и будет ли вообще... Успевайте, мадам, потом разбудить его уже будет не в моей власти.

Тем временем, Эскулап прекратил бормотание, видимо лекарство, введенное его лечащим врачом, всё же начало действовать, и он, притихнув, уснул.

Армейская форма, наспех подогнанная портным из числа заключенных барачков, в которых содержались выходцы из

юго-восточной Европы, жутко стесняла движения. Да и вообще, мне в ней было неуютно, не по себе, что ли. Та старая, с погонами майора, удобная и привычная, была вынуждена пылиться в шкафу. Придется теперь привыкать к этой, новое звание обязывало. А в лагере стоял переполох. Все службы были подняты на уши, заключенные загнаны в бараки, в подразделениях охраны проведены строевые смотры. Внушительная делегация из представителей министерств обороны и внутренних дел должна была посетить нас с ежегодной инспекцией. Вот только времена менялись. Ухудшающаяся обстановка на фронтах диктовала новые условия содержания заключенных. Ничего хорошего этот визит не предвещал, кроме урезанного бюджета, повышения норм выработки и ужесточения режима заключения. Что касается меня, угроза того, что исследования будут свёрнуты, с каждым днём становилась всё явственнее. Потому я и находился в нервном, разобранном состоянии, не зная, какие аргументы подобрать, чтобы выпросить у ничего не понимающих в науке чиновников хотя бы месяц. Я подошел к зеркалу со снующим рядом портным, так и норовившим уколоть меня иголкой.

– Еще секунду, господин начальник, – портной подобострастно улыбнулся, – почти готово.

Он стряхнул несуществующую пыль с боков черного армейского кителя и с дрожью в голосе спросил:

– Как вам, господин, ничего не жмёт?

Я еле сдержался, чтобы не нахамить. Нельзя было давать волю чувствам. От сегодняшнего визита комиссии зависело очень многое, и мне не следовало начинать день с нервной ругани.

– Всё хорошо, Штефан, ты можешь быть свободен, – портной коротко поклонился и в сопровождении караульного покинул комнату.

Угольного цвета форма, с погонями полковника, абсолютно на мне не смотрелась. Она, словно издеваясь своим идеальным покроем с нескрываемым аристократическим лоском, подчеркивала моё плебейское происхождение. Диссонанс картины дополнялся внешним видом: изможденным лицом с выдающимися скулами, обтянутыми серой кожей и ввалившимися глазами, мутными от хронического недосыпа. В целом же высокий, поджарый мужчина в зеркале, облаченный в форму полковника внутренних дел, с начищенными до блеска сапогами, смотрелся весьма внушительно и вполне представительно. Военская выправка, оставшаяся еще со времен войны, никуда не делась. Я натянуто улыбнулся сам себе и одернул китель.

«Что ж, господин полковник, вам и карты в руки», – с сожалением взглянув на свой костыль, я накинул черный плащ и не спеша, с трудом удерживая ровную походку, вышел в коридор. В ответ на приветствие караульных, стоящих с оружием наизготовку в дверях, я небрежным движением прикоснулся к козырьку фуражки. Годы офицерской службы так и

не заставили меня проникнуться пиететом к воинскому этикету, соблюдение которого у меня, как и у любого армейского врача, далекого от строевой муштры, вызывало лишь раздражение и головную боль.

Косой дождь, непрекращающийся с раннего утра, со звоном шлёпал по плащу и фуражке. Подняв воротник, я поёжился и взглянул на низкие темные тучи, отражавшиеся в большой луже у здания комендатуры. Противно ныла нога, непременно дающая знать о себе в пасмурную погоду сквозящей болью.

«Мерзко на улице», – подумал я и поднял прищуренные глаза к небу, нервно, в ожидании комиссии, со скрипом потирая друг о друга руки, облаченные в перчатки. Нужно было собраться, мандраж не отпускал, и стало на мгновение жалко, что отказал себе в сотне грамм водки. Прыгая через лужи, ко мне подскочил дежурный по лагерю, на ходу раскрывая зонт. Нам с дежурным и стоящими поодаль караульными с автоматами наперевес предстояло встретить внушительную процессию из нескольких машин, вкатывающихся в огромные стальные ворота. Совершив круг почёта по плацу, прилегающему к административным зданиям, головная машина колонны выкатилась к нам и развернулась, на ходу открывая двери. Подскочившие офицеры сопровождения услужливо придержали дверцы машин, выпуская приехавшее начальство. А лица были сплошь знакомые и представительные. Пара офицеров из высшего генералитета, несколько

государственных функционеров, представляющих комиссии по правам человека, с громкими, но ничего не значащими названиями, и конечно министры, имеющие непосредственное отношение к оборонному комплексу. Первым из машины, не дождавшись, пока ему откроют дверь, выскочил комиссар по правам заключённых – худой и непропорционально высокий старик, обезображенный хронической сутулостью. Заметно было, что здесь он чувствует себя совершенно неуютно, как умный человек, понимающий весь комизм и нелепость своего положения. А вот этот розовощекий с погонами генерал-лейтенанта, грузно выползающий из машины, занимал должность заместителя начальника генерального штаба по вооружению. Тот еще упырь, знакомый мне по Ближнему востоку своими методами по борьбе с местным населением. Его заслуги в деле борьбы с сепаратизмом были замечены наверху, послужив неплохим стартом для продвижения по служебной лестнице. На нем я не стал задерживать свой взгляд, тревожно ожидая следующего персонажа. Вслед за генералом на воздух выбрался тип в гражданской одежде, удерживая за широкие борта щеголеватый борсалино. Оглядевшись по сторонам, он по-хозяйски указал генералу пригласительным жестом в нашу сторону и взглянул на меня. Даже с расстояния нескольких метров, я заметил его леденящий, принизывающий взгляд, словно бездушный сканер, беспардонно ощупывающий меня с ног до головы. Его, в отличие от недалеких военных, мне более всего следовало

опасаться, постоянно находясь настороже. Человека, организатора и вдохновителя концепции концентрационных лагерей, в условиях войны подчинившего достижению своей цели немислимые в мирное время административные и военные ресурсы.

– Полковник, – он коротко поприветствовал меня, небрежно подав руку.

– Господин министр, – я козырнул и ответил на его рукопожатие.

– Вы подготовились, я надеюсь? – его короткие, рубленые фразы нервировали, заставляя собеседников впадать в ступор и смущение. Он успешно пользовался этим приемом, как правило, захватывая инициативу, играя на неуверенности и скованности оппонента. Человек, умеющий завести толпу, чутко улавливающий ее настроение и желания. Я постарался не поддаться магии его тяжелого взгляда, и даже где-то почти мистическому обаянию, попытавшись как можно дольше удерживать дистанцию. В случае с министром лучшим способом угодить ему было придерживаться официального протокола, не выходя за служебные рамки. Что я и попытался сделать, несмотря на небольшой опыт общения со столь высокопоставленными лицами. Мой сухой, сжатый доклад о ситуации в лагере заставил министра недовольно скуксить. Видимо, он ожидал другого, более бравого и подбострастного отчета. Однако, сделав над собой едва заметное усилие, он, коротко кивнув, прошел мимо меня в сопро-

вождении догоняющих его генералов и чиновников.

– Ваше решение о переносе части лабораторных мощностей в полевые условия было весьма смелым и самоуверенным, – министр, сидя в мягком кресле, оценивающе рассматривал меня бесцветными глазами, взглядом, совершенно лишенным эмоций. Я, стоя поодаль по стойке смирно, решил-ся посмотреть на министра, и заметил нервный тик на его левой щеке.

«А ведь министр нервничает», – поразился я, и эта мысль, как ни странно, приободрила меня.

– Только в условиях концлагеря нам удастся наладить конвейер с удовлетворительной производительностью, господин министр, – твердым голосом ответил я.

– Вам виднее, – казалось, министр расслабился, опустив плечи и глотнув кофе. – Да вы садитесь, полковник, – он небрежно махнул рукой, – не стесняйтесь, – добавил он. – Но хочу порекомендовать вам повысить интенсивность исследований и как можно быстрее перейти к выпуску прототипов. Какими средствами вы этого добьетесь, меня мало интересует. Но вы не можете не понимать, что доверие, оказанное вам, скоро перейдет все доступные пределы. Армии нужны солдаты, а не произведения искусства. Запускайте конвейер как можно быстрее. Закончите свои исследования в процессе производства.

– Господин министр, не будем ходить вокруг да около. Скажу прямо, – продолжил я, собравшись с духом. – Мне

нужно три месяца.

– Месяц, – не дослушав меня, отрезал тот, и я, боясь выдать свои эмоции, с облегчением вздохнул. – Но если ты не уложишься в срок, – неожиданно министр сменил тон разговора, перейдя на Ты, и в его голосе послышались стальные нотки, – обещаю тебе, что прослежу за тем, чтобы ты закончил офицерскую карьеру в должности вшивого тюремного врача. И это в лучшем случае, – я поднял на него глаза и похолодел от злости, горевшей в его глазах. – А в худшем – оформлю тебе бессрочную прописку в одном из этих ваших вонючих барачков.

– Доктор, – Александра, заметив открывшиеся глаза Эскулапа, тактично прокашлялась, – вы можете говорить?

– Думаю да, – он перевел усталый взгляд на Александру. – Не обращайтесь внимания, я в последнее время спонтанно проваливаюсь в сон, – с горькой иронией добавил он. – Будь неладна эта болезнь, – совсем тихо сказал он и натянуто улыбнулся.

– Это ничего. Я понимаю. Но, доктор, – вкрадчиво произнесла Александра, словно боясь спугнуть здравомыслие во взгляде Эскулапа, – ваши воспоминания – это, конечно, интересно и познавательно. Но оставьте их для своих будущих мемуаров.

– Шутить извольте, – Эскулап засмеялся, и от его смеха, напоминающего скорее карканье старого ворона, по позво-

ночнику Александры пробежал неприятный холодок.

– Куда больше меня интересует Дельгадо, – тихо произнесла она, – рассказывайте все, что знаете, у нас немного времени.

– Дался вам этот засранец, – лицо Эскулапа скривилось, – чувствую, Симон, у вас с ним своеобразные отношения, – он ехидно взглянул на нее, – что я могу о нем сказать... Сколько помню его, высокомерная ухмылка никогда не сходила с его губ. Всегда ставил себя выше других. Умник. И женщины. Ни одну не пропускал. Даже на мою жену заглядывался.

– Доктор, меня мало интересуют сексуальные похождения Дельгадо, – она с явным омерзением, грубо прервала доктора. – Мне нужны подробности проекта: имена, должности, специализация, и, в конце концов, как Адриано смог завербовать вас.

Эскулап недоуменно посмотрел на Александру.

– Право, Симон, неужели вы так и не поняли? – он откровенно изумился, но заметив её озадаченный вид, противно захихикал, заставив Александру брезгливо поморщиться. – Великая Александра Симон находится в затруднении. Ну, надо же, – Эскулап прокашлялся и поманил пальцем врача, который замешкавшись, всё же закрыл рот пациенту кислородной маской.

– К Лисёнку попали архивы концлагерей, – шепотом произнесла она. – Конечно же. И документы, подтверждающие причастность вашего института к опытам над людьми. – Эс-

кулап, молча согласившись, моргнул глазами. – Теперь понятно, как смог уговорить вас Дельгадо, – задумчиво сказала она.

– Я военный преступник, Симон, – Эскулап сам снял маску, отмахнувшись от врача. – После окончания войны обе стороны, как вы знаете, обменялись списками военных преступников, и заверениями, что будет сделано всё возможное для поиска и поимки таковых.

– Неужели Дельгадо уже тогда взял вас на прицел?

– Не думаю, – покачал головой Эскулап, – зеленый еще он тогда был. Ближе к истине другая версия. Выдав меня, пришлось бы выдать еще с десятков генералов и политиков разного уровня. Обоим сторонам было выгодно, чтобы вещи, творившиеся в концлагерях, были как можно скорее забыты. С другой стороны, гораздо проще было бы удалить меня, как воспалившийся на заднице чирей. Вот тут-то я теряюсь в догадках, каким образом моей шее удалось уклониться от петли правосудия, – доктор примолк, вернув на лицо кислородную маску.

– Но это не всё, что вы хотели сказать, не так ли, Эскулап? – глаза Александры хищно свернули, и она решила, что пора брать доктора за горло, – вы ни за что не разубедите меня в том, что существовало еще что-то. Что-то, что стало для вас, человека потерявшего страх перед судом и смертью, которые вы, несомненно, восприняли бы с удовлетворением, решающим аргументом. Так что это было, профессор? –

Александра низко склонилась над Эскулапом, так низко, что почувствовала его зловонное дыхание. Эскулап взглянул на нее с удивлением, смешанным со страхом, и еще что-то было в его глазах, нечто неуловимое. Возможно чувство, о существовании которого он уже начал забывать. Наверное, это было ощущение откровения, способного родиться лишь в момент наивысшего переживания, даже если этим переживанием была близость смерти. И, скорее всего, чувство предвкушения законченности картины, удовлетворения от правильности и гармонии сложившегося момента. Всё устроилось, как и должно было, и последний кусочек мозаики занял свое пустующее место.

– Вы правы, Симон, а я недооценил вас, – тихо, словно сдавшись, ответил он. – Разумеется, одним запугиванием Лисенок ничего бы не добился, – Эскулап на мгновение замолк, взвешивая каждое последующее за заминкой слово. – Когда после войны я избежал суда и смерти, то поклялся перед Богом, – Александра внутренне усмехнулась, чего-чего, а речей о Боге из уст этого паука она уж никак не ожидала услышать, – что более никогда не причиню вред ни одной живой душе. Мне пришлось уехать с континента, сменить имя, биографию, порвать все связи, имеющие хоть какое-то отношение к моему прошлому. Теперь я понимаю, как наивно было полагать, что удастся перечеркнуть свою прошлую жизнь. Все это время за каждым моим шагом следили, и Лисенку не составляло особого труда разыскать меня.

Дельгадо знал, подлец, что одним шантажом ничего от меня не добьется. Для того, чтобы склонить чашу весов в свою сторону, нужны были аргументы повесомее. Потому он и оказался у меня не с пустыми руками.

– С чем он пришел? – ее глаза загорелись адским огнем. – Ну, же доктор, говорите!

– В его руки попали тщательно скрываемые данные, – казалось, Эскулап тянет время, но скорее, ему было просто невыносимо тяжело говорить вслух о своем, возможно, самом большом преступлении.

– В его руки, – запинаясь, закончил Эскулап, – попали опечатанные архивы с грифом «Особой важности» и пометкой «Вскрыть по истечению срока давности».

– Что за архивы, доктор?! Ну! Говорите же!

– Цифровые копии, – продолжил он, с нескрываемым усилием, словно подавляя рвотный рефлекс, – личностей бойцов элитного отряда «Timberwolves».

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь хлопками лопастей допотопного вентилятора. Только за одно это Лисёнка уже можно было подвесить за ноги. Александра почувствовала, как от волнения начали неметь корни волос.

– Вместе с ними он и нашел меня, предложив возобновить проект. Меня подкупил момент, что не придется иметь дело с опытами над живыми людьми. О, Лисёнок еще тот дьявол искуситель, вам ли не знать об этом, Симон. Имея в своем распоряжении такой материал, моя исследовательская груп-

па в праве была рассчитывать на прорыв. Так и вышло, из «сегодня», мы шагнули «в послезавтра». Но никто не мог и представить, какотреагируют на «совмещение» прототипы. Воистину, то, что последовало за «погружением», напугало если не всех, то меня уж точно. А как вы понимаете, меня напугать крайне сложно.

– Погружением? – спросила Александра.

Эскулап вздохнул, и поднял на нее тяжелый взгляд.

– Полное осознание прототипом своего человеческого Я. Достигнуть полного погружения до конца так и не удалось. Думаю, и сейчас проект топчется на месте. Эффект погружения проявлялся лишь во сне подопытных прототипов и в моменты наивысшего эмоционального переживания. И неважно какого, естественного либо вызванного искусственными методами. Так, сами того не желая, мы подарили давно умершим людям вторую жизнь.

– Боже, – ужаснулась Александра. – Да это не банальное продление жизни, тут дело явно другим пахнет.

– Воскрешением, – усмехнулся Эскулап. – Называйте, Симон, вещи своими именами. Вот тогда-то я и решил, что пора не просто уходить, пора бежать. Такую ответственность я уже не мог выдержать. Тем более было одно «но».

– Вы о чём? – быстро переспросила Александра, боясь, как бы доктор опять не ушел в небытие.

Эскулап ухмыльнулся и, сделав театральную паузу, добавил:

– Работая с прототипами, мы уткнулись в непреодолимое препятствие. Это природные инстинкты животных, выработанные эволюцией за миллионы лет. Куда уж нам, с нашей несовершенной наукой, да еще и с ограничением по времени. Для того, чтобы условные рефлекс подавили безусловные, потребовалось бы несколько поколений. Нам никто бы не дал столько времени.

– И какие инстинкты способны подавить программу прототипов? – спросила Александра.

– Какие? – доктор задумчиво глянул на Александру, – страсть к воле. Немотивированная агрессия, которую мы так и не смогли устранить. И конечно, – он запнулся, – тяга к продолжению рода. Нужен был новый подход. Новое решение. На которое у меня не оставалось ни сил, ни желания. Я постарел, Александра. И физически. И морально. Да еще эта болезнь. Формально мой уход был оправдан назначением нового директора проекта. Кстати, моего ученика, юноши, не лишеного ума и характера, но с совершенно размытыми этическими понятиями.

– Лисенок использовал вас. Ну, а когда до него дошло, что вы не просто выходите из-под контроля, а не справляетесь или не хотите справляться со своими обязанностями, заменил вас более сговорчивым и честолюбивым учеником.

– Когда я понял, – продолжил Эскулап, пропустив мимо ушей слова Александры, – как далеко могут зайти эти исследования, от меня уже толком ничего не зависело. Маховик

проекта уже был раскрыт, и исследования вполне могли обойтись без меня. И я попытался уйти в сторону. Но Дельгадо сделал всё, чтобы нейтрализовать меня, явно не веря в мою лояльность, закрыв навсегда от общества. Сильно стараться ему не пришлось, начатое им успешно dokonчила болезнь.

Александра удовлетворенно откинулась на стуле, и, шумно выдохнув, щелкнула диктофоном.

– Скажите, доктор, – Александра глотнула воды, и, поставив стакан, спросила, – как вы сейчас оцениваете своё участие в проекте?

– Это может прозвучать странно, но я не жалею об этом. Хотя я и достиг того, к чему стремился, лишь на закате жизни. Может, то, чем я занимался, кому-то покажется кощунственным, но я с молодости осознавал, сколько в человеческой природе вещей, которые следовало бы исправить. В силу несовершенства своего организма, человек создал искусственную среду, используя единственное преимущество перед другими видами. Мозг и уникальный интеллект. Я же стремился создать совершенный организм, независимый от среды обитания, наделив его человеческим разумом, отточенным тысячей поколений людей.

– И лишенный человеческих эмоций, – попыталась вставить фразу Александра.

– Да, но машине убийств эмоции ни к чему. Способность чувствовать и сопереживать лишила бы прототипа достаточ-

ной степени агрессивности, мобильности и адаптивности, физического превосходства и интеллектуальной уникальности.

– Может быть, может быть. Но вы, Эскулап, не учли самую малость – силы его звериных инстинктов и непредсказуемости человеческого разума.

Доктор ничего не сказал в ответ и обессиленно отвернул к стене голову. Врач обеспокоено взглянул на Александру, и она слегка кивнула, показав тому два пальца.

– Достаточно, доктор, – произнесла она, но у нас есть еще несколько минут. Осталась одна маленькая деталь, данные о проекте, только не говорите, что их у вас нет.

– У меня их нет, – он повернул к ней изможденное длительным допросом лицо. – Только благодаря этому компромату моя семья всё еще находится в относительной безопасности. Вся информация о проекте и Дельгадо окажется у вас, когда я буду уверен в безопасности моей семьи. Получив от вас гарантии, я назову имя человека, у которого и хранятся эти данные.

Александра поднялась и, молча отвернувшись от него, поскрипела зубами.

«Упырь, уже смотрит в бездну, а всё пытается удержаться на ее краю», – подумала она.

– Доктор, само мое появление здесь лучше всяких гарантий.

Эскулап кивнул и перевел взгляд на врача. Тот торопливо

вложил в руку больного ручку и подsunул блокнот. С трудом Эскулап нацарапал несколько цифр и откинулся на подушки.

– Здесь, Симон, четыре цифры. Наберете номер и произнесете ключевое слово. «Эскулап». Вас соединят с нужным человеком.

– Отлично, доктор, – оторвав листок из блокнота, сказала Александра, – но я должна быть уверена, что «этот ваш человек», не воспользуются информацией в своих интересах.

– Не воспользуется. До сих пор, во всяком случае, не воспользовался.

– Откуда такая уверенность?

– Потому как он даже не подозревает, что у него находится, – Эскулап довольно оскалился, и Александра, раздраженно кивнув, повернулась к двери.

– Что ж, тогда, пожалуй, мы закончим, и прощайте, Эскулап. С этого момента вы и ваша семья находитесь под моей охраной.

– Спасибо, Симон. Но неужели вам больше нечего мне сказать? – ехидно спросил Эскулап.

– Отчего же, – Александра обернулась, и взглянув на изможденного доктора, не нашла в себе никаких иных чувств, кроме брезгливой жалости. – Могу пожелать Тебе, Эскулап, только одного, чтобы Ты как можно быстрее и безболезненнее сдох. Так будет лучше для всех, в том числе и для твоей семьи. И это, Эскулап, пожалуй, всё, прощай, больше мы не увидимся.

Доктор в ответ лишь хрипло, протяжно рассмеялся. Александра на мгновение задержала руку на входной двери. Последняя фраза, заготовленная ею для Эскулапа, крутилась на языке, не давая покоя. Если бы не этот его паршивый смех. ... Решившись, она толкнула дверь, и торопливо стуча каблуками по деревянной лестнице, словно боясь передумать, спустилась вниз.

«...такие люди, как вы, Эскулап, рождаются раз в столетие. И, главная ваша вина не в том, что вы сделали человечеству, а в том, чего вы для него не сделали...»

Сев в машину, Александра торопливо набрала номер и произнесла ключевую фразу. Через несколько секунд в трубке раздались длинные гудки. Голос, раздавшийся на той стороне, заставил Александру вздрогнуть и похолодеть от накатившего животного страха.

– Привет, – с хрипотой в голосе произнесла она, – у тебя всё хорошо?

– Да, мама, а что?

– Срочно приезжай домой, это важно, я жду.

– Что случилось, мама, у вас все в порядке? – тревожно спросила Танела.

– Не волнуйся, внук с няней. Но у меня к тебе срочный разговор, который не терпит отлагательств.

– Хорошо, – коротко ответила та, и в трубке послышались короткие гудки.

Александра дрожащей рукой дотянулась до фляжки с ко-

ньяком, и, открутив крышку, сделала большой глоток. Вытерев выступившие на лбу крупные капли пота, она щелкнула пальцами. В ответ на вопросительный взгляд референта, Александра взглянула на часы.

– Дело Эскулапа пора закрывать, – произнесла она. – Наружку пока не снимать, и поаккуратнее, прошу вас. Дельгадо нервничает, а нам сейчас не нужны проблемы, пока не нужны... И, – она задумалась, – проследите за моей дочерью. Нежно, аккуратно, ненавязчиво, – референт кивнул и вежливо поинтересовался:

– Куда теперь, мадам?

– Домой, – ответила она и, откинувшись на сиденье, прикрыла глаза.

Проект «Timberwolf» – секретная научная разработка, сумевшая обрести жизнь благодаря непосредственной поддержке силовых ведомств и лоббированию заинтересованных лиц в государственных структурах. Одним из вдохновителей и создателей проекта называют Адриано Дельгадо, в прошлом контрразведчика, героя Североафриканской компании, обладателя прозвучавшего на весь мир псевдонима «Черный лис».

Непосредственно ему принадлежала идея при создании боевых прототипов использовать Death Sign – посмертные слепки бойцов подразделения «Timberwolves».

Смертельный знак (англ. Death sign), солдатский ме-

дальон, воинский жетон. Различные названия жетонов из нержавеющей стали, предназначенных для идентификации бойца в случае его гибели. Спецподразделениями, в частности «Timberwolves», использовался посмертный слепок – цифровая копия и подпись личности бойца.

– Разрешите, шеф, – молодой человек с аккуратной прической, не смея войти, заглянул в чуть приоткрытую дверь кабинета начальника.

Адриано Дельгадо устало поднял голову, посмотрев через длинный кабинет с ковровой дорожкой, заканчивающейся у двери, на подобострастно улыбающееся лицо подчиненного, и со вздохом рукой подозвал его к себе. Все потуги Дельгадо вспомнить вошедшего молодого человека ни к чему не привели, что было совсем не удивительно, в силу раздутости штата службы, им возглавляемой. Молодой человек, повернувшись спиной к Адриано, не спеша прикрыл дверь, боясь побеспокоить начальника громким стуком, и подошел к длинному столу. На лице подчиненного ясно вырисовывалась дилемма, на какой из многочисленных стульев, идущих в два ряда у длинного стола, ему присесть. Ошибиться тут было совсем не сложно. Сядешь близко к начальнику – тот сочтет за панибратство. Далеко – наверняка начнет подозревать в каких-то грехах.

«Где же я его видел, – подумал Дельгадо, мучаясь совершенно ненужным вопросом, который начинал его раздра-

жать. – Для оперативного отдела или технической службы одет вполне себе прилично. Недешевый костюм, кожаные ботинки, аккуратная прическа. Планшет опять-таки недешевый. Тьфу ты», – Дельгадо мысленно сплюнул, одернув себя. Идиотская привычка бывшего оперативника к непрерывному анализу и оценке обстановки раздражала и не давала покоя, не расставаясь ни на секунду с уже давно ушедшим вперед по служебной лестнице хозяином.

А подчиненный тем временем определился-таки с местом, где ему расположиться. Получилось примерно на полпути от двери до непосредственно самого Адриано.

«Дипломатично. Точно младший офицер аналитического отдела», – про себя усмехнулся Дельгадо, наблюдая за отточенными, лишенными нервозности и суетливости, движениями молодого человека.

– Докладывай, – рассеяно разрешил Дельгадо.

Офицер, тактично кашлянув, приоткрыл планшет, и, нажав пару кнопок, повернул в сторону шефа голову:

– Прототипы были обнаружены в пределах особой зоны национального парка, – Дельгадо вздернул брови, – недалеко от Скалистых гор, – словно извиняясь, поправился подчиненный.

– Я знаю, где это находится, – он отвернул голову в сторону, собираясь с мыслями. Занесла их нелегкая, и именно в особую зону, где его полномочия теряли свою силу.

– Дальше, – сказал он. – Откуда информация?

– Бывший егеря парка, – продолжил подчиненный, проглотив комок в горле, – Даниэль, – он наклонился ближе к экрану, – Грант, – Дельгадо вздрогнул, услышав знакомое имя, и подобравшись, приготовился к плохим новостям, – встречался с бывшим сослуживцем, ныне префектом Северного округа, Иваном Радугой. Насколько известно, им были переданы результаты анализов крови трупов животных, предположительно убитых нашими прототипами. Откуда у Гранта эта информация, в данный момент выясняется. Хотя есть основание полагать, – молодой человек нагнулся к экрану планшета, – что помогала ему сотрудник биологического отдела комплекса, Мэри Смит.

– Дальше, – подчиненный мельком взглянул на лицо шефа, остававшееся непроницаемым, и продолжил:

– Радуга провел собственное расследование, результатами которого, собственно...

– Он и поделился со своим другом, – глядя куда-то в сторону, казалось с отсутствующим видом, продолжил за подчиненного, Дельгадо.

– Совершенно, точно, шеф, – просиял довольный аналитик. – Вот только..., – он внезапно осёкся, боясь переходить к плохим новостям.

– Что только? – нахмурился Дельгадо.

– Радугой и Смитом интересовались не только мы.

– Продолжай, – Дельгадо напрягся, уже почти наверняка зная, что сейчас услышит.

– По-видимому, не мы одни следили за ними.

Адриано молчал, ожидая продолжения. Собравшись с силами, подчиненный продолжил.

– Была замечена наружка, которая, как удалось узнать позже, была инициирована Александрой Симон, – Дельгадо побагровел, но сдержался, продолжая сверлить взглядом ссутулившегося аналитика.

– Кроме того, – с несчастным видом, почти прошептал тот, – спустя два дня было отмечено движение у дома Эскулапа.

– Продолжай, – не своим голосом прошептал Дельгадо.

– А несколько часов назад Симон лично посетила доктора.

Дельгадо, не сдержавшись, хлопнул кулаком по столу. От его удара подпрыгнула килограммовая пепельница из оникса. Подчиненный побледнел, совершенно сникнув, и не спеша, отодвинул планшет.

– Старая ведьма, разнюхала-таки, – шеф, не стесняясь подчиненного, долго и витиевато матерился. – Теперь не успокоится, пока наизнанку меня не вывернет, как клещ вцепится, и не отцепишь, – молодой человек нервно хихикнул, но встретившись с разгневанным взглядом шефа, тут же притих.

– Так, – Дельгадо провел двумя руками по волосам и шумно выдохнул, – нужно собраться, – прошептал он самому себе и нервным движением расстегнул пуговицы на воротничке рубашки.

Сказать, что Лисёнок испугался – значит, ничего не сказать. Страх сжал холодными липкими пальцами горло, затуманив взгляд, не давая ни нормально дышать, ни адекватно соображать. Почему-то вспомнилось, как однажды, в Тунисе, он попал в ловушку сыпуна. Не проходящее ощущение потери контроля тела, почвы, ускользающей из-под ног, нехватка кислорода и понимание неотвратимости смерти, до сих пор преследовало его, словно параноика, откликаясь на любую угрозу личной безопасности. Мысли лихорадочно металась в голове, сталкивались друг об друга, спотыкались, не давая сосредоточиться на главном – на угрозе его благополучию, успешной карьере и военным заслугам. Слишком большую ответственность он взвалил на себя, возглавив проект «Тимбервольф». Постепенно приходило понимание ошибочности этого решения. Теперь враги, окружающие его, непременно воспользуются возможностью стереть его в порошок.

– Шеф, взгляните на это, – подчиненный, дождавшись, пока шеф успокоится, достал из портфеля лист документа, и протянул его начальнику.

– Что это еще? – уставшим голосом спросил Дельгадо и пробежался взглядом по документу.

– Тут такое дело, – подчиненный замялся, пытаясь подобрать слова.

– Ну, говори, не томи, – сказал Дельгадо, еще раз пройдясь взглядом по списку фамилий. – Что это за имена?

Молодой человек оживился, и, пододвинувшись к шефу, вполголоса произнёс:

– Есть основания полагать, что побег прототипов не был случайностью.

– Так, так, – продолжай, – Адриано заинтересованно взглянул на офицера.

– Их побег был тщательно спланирован, – торжествующе произнес он, – заранее, было выбрано время, когда должны вывести из программы напарницу Конрада, Джину. В момент наибольшей неустойчивости, у Конрада были отключены программы контроля и блокировки. Кроме того, в его мозг во время одной из процедур были подгружены планы здания и пути отхода. А часть охраны, – молодой аналитик, словно подчеркивая возросший градус в помещении, растегнул пиджак, – была отвлечена инцидентом на полигоне.

– Что за инцидент? – с пасмурным видом спросил Дельгадо.

– Во время тестов началась драка. Между прочим, что интересно, драка случилась между соседями по камере Конрада, – молодой человек взглянул на открытый экран планшета, – между Джеком и Нептуном. В этот момент двери внутреннего крыла открылись и Конрад, покинув полигон, спокойно добрался до медицинского блока, где готовили к операции Джину. Дальше вы знаете, персонал блока и не смог оказать какого-либо сопротивления. А так как охрана внешнего периметра весьма условна, им не составляло труда

скрыться. Дальше их след пропал, и всплыл только сейчас.

А этот список, – подчиненный перевел тему, заметив, что шеф заскучал от его монотонного бормотания, и взглядом показал на документ, – персонал, который мог иметь отношение к исчезновению искомых прототипов.

– Ну, так разбирайтесь, – пробурчал Дельгадо, уже безразлично взглянув на подчиненного, мне ни о чем эти имена не говорят.

– Это не все, шеф. При наборе сотрудников в курируемый нами проект была допущена досадная промашка.

– Промашка? – скучным тоном спросил Дельгадо.

– Совершенно верно, сэр. Обратите внимание на этого сотрудника, сотрудницу, – поправился он, – Лоуренс Танела.

– Редкое имя, – что-то кольнуло генерала изнутри – давно забытое чувство интуитивного азарта. Он почесал сморщенный лоб и ожидающе посмотрел на торжествующего офицера.

– Вот, – тот всеми пятью пальцами медленно пододвинул к Дельгадо лист документа. – Копия свидетельства о рождении. Фамилию Лоуренс Танела получила в возрасте трех лет, при удочерении. А вот настоящая...

– Симон, – прошептал Дельгадо, едва взглянув на свидетельство, – здесь нет ошибки? – подчиненный торопливо покрутил головой, – как вы могли пропустить такую информацию? – хрипло спросил Дельгадо.

Офицер пожал плечами и добавил:

– Когда Танеле было три года, Симон вышла замуж за профессора медицины Альберта Лоуренса. Тот принял ребенка как своего и дал ей свою фамилию. С этой фамилией она и проходила по всем документам. Имя матери нигде не указывалось. Думаю, мадам Симон подстраховалась.

– А я ведь припоминаю ее, – задумчиво произнес Дельгадо. – Видел один раз в питомнике.

– Она возглавляет отдел испытаний, – кивнул офицер.

– Тогда мне показалось знакомым ее лицо. Движения, манера говорить, даже эта ироничная улыбка. Все от матери. Наверное, тогда я слишком пристально ее рассматривал. Представляю, что она подумала обо мне, – он непроизвольно улыбнулся, но мгновенье спустя вновь помрачнел.

– Шеф, инсталляцией прототипов занималась непосредственно она, – молодой человек в нетерпении вытянул шею, пытаясь носом дотянуться до листка в руке шефа.

– Симон, – Дельгадо устало потер глаза, – это не совпадение, – воспаленными от напряжения зрачками он взглянул на подчиненного. – Хорошая работа, офицер.

Тот резко встал из-за стола и коротко козырнул.

– Садись, – махнул рукой Дельгадо, и задумался.

«Вот это поворот, – подумал он и поднял трубку телефона. – Теперь, Симон, тебе даже твои покровители не помогут. Пора тебе, ведьма, на пенсию, лакать свой любимый джин», – от накатившего возбуждения он потер ладони и кивком головы отпустил подчиненного.

«Даже ты, Симон, не можешь предусмотреть всего. Еще посмотрим, кто кого», – злорадно подумал Дельгадо и нажал кнопку вызова.

– Мне всегда было странно, почему он выбрал тебя, но теперь я понимаю, – Александра пристально рассматривала хозяйку лаборатории, облаченную в белый халат. В жизни Мэри оказалось симпатичнее, чем на фотографиях; мило-видная женщина, выглядевшая гораздо младше своих лет, с простеньким русым хвостиком на голове. – Хорошо у тебя здесь, уютно и спокойно, – Александра перемещалась по лаборатории, с деланным видом рассматривая компьютеры и разнообразное специализированное оборудование, по большому счету, ей непонятному. Один только анализатор спектра чего только стоил.

– Дорогая, наверное, штучка, – Александра провела по нему пальцем, с ухоженным маникюром, слегка склонив набок голову.

– Разве мы знакомы? – Мэри внимательно рассматривала немолодую, пожалуй, лет на десять ее старше женщину. С виду довольно привлекательную брюнетку, со скромным, но ухоженным макияжем и неброской косметикой.

– Не думаю, – та покачала головой, внимательно посмотрев в глаза Мэри. – Но зато мы знаем о существовании друг друга.

– Александра, – выдохнула Мэри, – Симон.

– Вот мы и свиделись, Мэри, – Александра натянуто улыбнулась. – Думаю, эта встреча была неизбежна.

– Что ж, раз так, располагайся, не стесняйся, – Мэри, встав из-за стола, пригласила Александру присесть.

– Душно у вас, – Александра расстегнула пуговицу на строгой, почти армейской рубашке неестественно белого цвета, – пожалуй, с твоего разрешения я открою окно.

Она бросила пиджак на спинку придвинутого стула и пошла к окну, раскрыв жалюзи. Из приоткрытого окна потянуло свежим воздухом, встряхнувшего темные кудри Алекс.

– Как Танели?

– Он не любит, когда его так называют, – нахмурилась Мэри. – Ты, – она запнулась, – встречалась с ним?

– Сложно назвать это свиданием, но да, мы встречались, – Александра повернулась к Мэри, успев заметить, как у той исказилось лицо.

– Зачем ты здесь? – Мэри беспардонно разглядывала Александру, словно надеясь найти ответ на мучавший ее вопрос. – Зачем тогда ко мне пришла?

Алекс молчала, лишь постукивая пальчиком по губам, скривленным в легкой усмешке.

– Неужели ты подумала, что я здесь из-за Танели? – Александра улыбнулась, не то со злорадством, не то с сожалением. – Поверь мне, если бы я решила вернуть Танели, то сделала бы это давно. Причин быть рядом со мной у него гораздо больше, чем около тебя.

Мэри вспыхнула, но смолчала, подавив приступ гнева.

– Наверное, я пришла попрощаться с ним, – тихо добавила она. – Мне давно нужно было это сделать. Для себя. И, Мэри, я рада, что рядом с ним ты.

– Ну, хорошо, – Мэри расслабилась и оглянулась в комнате. – Может, кофе? И спокойно поговорим.

– Да, пожалуй, – ответила Александра, и подошла к столу.

– Прости, Александра, мою реакцию, – Мэри разливала на скорую руку сваренный кофе, – но ведь и меня можно понять, – казалось, лёд отчуждения дал трещину, и намечалась обычная, душевная женская трепотня, наполненная воспоминаниями и связанными с ними переживаниями.

– Ничего, – тихо ответила Александра, – спасибо, Мэри, – она впервые назвала ее по имени, взяв из рук протянутую чашку. – Я сама была не права, заявившись вот так, без приглашения. Давай, оставив Даниэля в покое, расскажи лучше о дочери, – продолжила Александра, с неожиданной грустью, что не осталось незамеченным Мэри.

– Вика, ее зовут Виктория. – Мэри улыбнулась. – И, – Мэри слегка покраснела, – я скоро стану бабушкой.

– Вот как, – оживилась Александра, и маска безразличия окончательно спала с ее лица. – Дети это счастье. Всё, что мы делаем в нашей жизни, мы делаем ради них. И не всегда наши поступки красивы, и не всегда мы ждем понимания от детей. Но со временем, повзрослев, они нас поймут.

Мэри кивнула и с грустью в голосе добавила:

– После всего того, что произошло с Игнатом, Вика и вправду повзрослела, – Мэри вздохнула. – Но надеюсь, что теперь у них всё будет хорошо. А ты? У тебя есть дети?

Александра замешкалась, и после короткой паузы ответила:

– Есть, как и у тебя, у меня дочка. Впрочем, давай не будем о детях. Я хочу попросить тебя присмотреть за Танели.

Мэри, побледнев, вздернулась, сжав кулаки.

– Не волнуйся, – Александра накрыла ладонью руку Мэри, – с ним ничего не случится, я обещаю. Но, ты должна проследить, чтобы в ближайшее время он не покидал посёлка.

– Что ему грозит? – обреченно спросила Мэри.

– Ничего ему не грозит, пока я прикрываю его. Историю с волками я замну, но он должен отдать мне винтовку.

– Да, конечно, я поговорю с ним, – Мэри торопливо кивнула, с надеждой взглянув на Александру. – Но почему ты помогаешь нам, Александра?

– У меня есть причины для этого, можешь не сомневаться. А что касается этого происшествия... Думаю, через год другой вся это история со зверями затихнет. И, Мэри, – Александра встала, подхватив пиджак, – береги его.

Эпилог.

– Как назовём найденыша? – подмигнул Даниэль Игнату, который уже почти пришел в себя, и встретил его в полуле-

жащем положении, следя за игрой на огромном, в полпалаты, телевизоре.

– Не знаю пока, – Игнат удивился, когда Даниэль вошел в палату, держа одной рукой за локоть смущенную Мэри с пакетом с фруктами, а второй рукой пытаясь удержать щенка, так и норовившего высунуть нос из-за пазухи. Даниэль за шкирку посадил волчонка на грудь Игнату, а сам сел в сторонке, принявшись очищать апельсин.

– Зря, Даниэль, ты его сюда пронёс, – Мэри покачала головой, скептически взглянув на взъерошенного щенка.

Щенок, оказавшись рядом с лицом Игната, вдруг присмирел и посмотрел на него большими синими глазами. Игнат в ответ улыбнулся и провел рукой по чернущей шерсти. Волчонок от удовольствия прищурил глаза и аккуратненько прилег у него на груди.

– Может, с Викой посоветоваться? – он взглянул на Мэри, суестьющую у его тумбочки, – когда она зайдет? – спросил он.

– Вечером забежит, – улыбнулась Мэри. – Ой, Игнатик, как же ты нас всех обрадовал, – она нагнулась и заботливо чмокнула сконфузившегося Игната в щеку. – Поправляйся быстрее. Я, пожалуй, схожу к врачам, – тактично прокашлялась в кулачок Мэри. – Вы пока пообщайтесь, – она требовательно посмотрела на Даниэля, – думаю, вам есть о чём поговорить.

– Вика обязательно придумает что-нибудь оригинальное,

да? Чертенок? – Игнат повернулся к Даниэлю, который, найдя опору у стены палаты, поглощал источающий аромат фрукт, задумчиво наблюдая за ними. Игнат взлохматил стригущего ушами волчонка. – Где ты нашел его, дядя?

– Хм, – Даниэль вытянул шею в сторону хлопнувшей двери, удостоверившись, что Мэри вышла, – там, где никто бы и никогда не догадался его искать, Игнат, – в логове Седого Джонни.

Игнат удивленно посмотрел на щенка.

– Так это, – протянул он, и, замолкнув на полуслове, еще раз взглянул, уже совершенно по-другому, на черный комок шерсти, суевающейся на его кровати. Даниэль коротко кивнул, и задумчиво взглянул на Игната.

– Вот почему мы не могли их обнаружить, – Даниэль на миг примолк, подбирая слова, и продолжил, – помнишь, вы ломали с отцом голову над вопросом, почему волк из тайги пришел в поселок и стал давить домашний скот, – произнес Даниэль. – Тогда вы решили с ним, что из леса призрака выдавили, и он пришел в поселок в поисках легкой добычи.

– Не понимаю, к чему ты ведешь, дядя, – хмуро ответил Игнат, поглаживая наконец успокоившегося волчонка. Даниэль неожиданно присел на край кровати и, наклонившись к нему, продолжил, понизив голос.

– У нашего зверя, Игнат, – прошептал Даниэль с горящими от возбуждения глазами, – в подкорке, – Даниэль постукал костлявым кулаком по своему лысеющему черепу, – в

подсознании, – проговаривая каждый слог, продолжал он, – был заложен страх перед людьми, и не просто страх, а непреодолимый барьер. Он никогда бы, даже на расстоянии запаха не приблизился к человеку. Но Призрак сломал запреты, не только проникнув в наш дом, но когда потребовалось, переступил черту, – Даниэль взглянул на внезапно посеревшее лицо Игната, и, отведя в сторону глаза, продолжил, уже немного успокоившимся голосом.

– И его аргумент должен был быть настолько абсолютным, настолько безоговорочным, насколько бы он перевесил все приоритеты, заложенные в нем генетически, и запреты, вбиваемые силой с тех самых пор, когда он только появился на свет, и не успел еще разлепить глаза. Он ведь, Игнат, не простой хищник, а изворотливый и умный противник, с интеллектом шахматиста и хладнокровностью убийцы. И любое его действие было продиктовано безупречной логикой, – Игнат механически кивнул в ответ, не понимая, к чему ведет Даниэль. – Ошибкой было считать, что им движут только навыки убийцы. И я это понял, – Даниэль нахмурился, – правда, только тогда, когда мы узнали о волчице. Так вот, – Даниэль встряхнулся, и его голос вновь обрел бодрость, – на камерах слежения был только один волк. Ну? Дошло? – Даниэль сделал паузу и вопросительно посмотрел на Игната.

– Подожди, подожди, – Игнат задумался, – получается, охотились они вместе с волчицей, а в поселок пришел только он один, – Игнат, не глядя, играл со щенком, а тот пытался

разгрызть бинты на его пальцах.

– Так вот оно что, – Игнат перевел взгляд на щенка.

– Да, вот так-то, Игнатик, все дико просто и логично, чересчур мы все с тобой усложняли, – Даниэль примолк, отвернувшись от Игната. Несколько минут в палате царила тишина.

– Он не мог охотиться в одиночку, – словно очнувшись, закончил Даниэль, – потому ему и пришлось выйти на нас. И никакой это не был вызов – элементарный инстинкт сохранения рода, подкрепленный нечеловеческой, – Даниэль усмехнулся, – логикой и безупречной воинской подготовкой. Они и в заповедник-то пришли...

– Только лишь затем, – тихо прошептал Игнат, поглаживая мерно посапывающего на его груди щенка, – чтобы родился он.

– В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.